

Рабле Франсуа Гаргантюа и Пантагрюэль (Пантагрюэль)

Франсуа Рабле

Гаргантюа и Пантагрюэль

Пантагрюэль

ПАНТАГРЮЭЛЬ, КОРОЛЬ ДИПСОДОВ,

ПОКАЗАННЫЙ В ЕГО ДОПОДЛИННОМ ВИДЕ

СО ВСЕМИ ЕГО УЖАСАЮЩИМИ ДЕЯНИЯМИ И ПОДВИГАМИ.

СОЧИНЕНИЕ

ПОКОЙНОГО МАГИСТРА АЛЬКОФРИБАСА,

ИЗВЛЕКАТЕЛЯ КВИНТЭССЕНЦИИ

ДЕСЯТИСТИШИЕ МЭТРА ГЮГА САЛЕЛЯ,

ПОСВЯЩЕННОЕ АВТОРУ ЭТОЙ КНИГИ

Коль автор вправе похвалу снискать,

Приятное с полезным сочетав,

Тебя читатель должен прославлять

Затем, что, шуточный предмет избрав,

Сумел ты эту повесть написать,

Где столько истин, всем полезных, скрыто.

Мне кажется, я слышу Демокрита,

Чей смех бичует глупости людские.

Пусть книга будет в наши дни забыта, -

Пиши: ее поймут века другие.

ОТ АВТОРА

Славнейшие и доблестнейшие воители, люди знатные и простые, любители чтения увлекательного и благопристойного! Вы не так давно видели, читали и изучали Великие и бесподобные хроники об огромном великане Гаргантюа и отнеслись к этой книге с таким же доверием, с каким люди истинно верующие относятся к Библии или же к Святому евангелию, и не раз при встрече с почтенными дамами и благородными девицами вместо любовных речей вы услаждали их слух извлеченными из этой книги забавными и длинными рассказами, за что вам честь и хвала и вечная память!

Будь моя воля, я бы всем и каждому велел позабыть о своих обязанностях, пренебречь своими занятиями и бросить свои дела, дабы все свое время посвятить этим рассказам, так чтобы никакие посторонние предметы не отвлекали рассказчиков и мыслей их не занимали, -- таким путем все в конце концов выучили бы эти рассказы наизусть, и, в случае если бы книгопечатание прекратилось или если бы все книги почему-либо погибли, каждый мог бы слово в слово пересказать сию повесть своим детям и передать ее наследникам своим и потомкам как бы из рук в руки, точно некую религиозную каббалу, ибо пользы от нее больше, чем, вероятно, полагает шайка покрытых болячками самохвалов, еще меньше понимающих в забавных этих приключениях, нежели Рабле в Институтциях.

Многие из моих знакомых высокопоставленных сеньоров, отправившись на охоту по крупному зверю или же на охоту соколиную и не найдя зверя в том месте, которое указал ловчий, или же если сокол упустил добычу, бывали, как вы сами понимаете, сильно огорчены, и всякий раз поднимали их дух и разгоняли их тоску бесподобные деяния упомянутого Гаргантюа.

Бывают и такие случаи, и это совсем не враки: у человека адски болят зубы, просадит он на лекарей все свое достояние, а толку никакого, и вот оказывается, что самое действительное средство -- это обернуть вышеназванные Хроники в добротное полотно, предварительно хорошенько его прогреть, сверху посыпать порошком из сухих какашек и приложить к больному месту.

А уж про бедных венериков и подагриков говорить нечего! Сколько раз приходилось нам видеть их после длительных втираний и смазываний! Лица у них блестят, как замки на дверях кладовой, где хранится сало, зубы стучат, точно клавиши органа или же спинета, а изо рта брызжет пена, точно у кабана, которого загнали собаки! Чем же они тогда занимаются? Единственное их утешение -- послушать несколько страниц из вышеуказанной книги, и как же они чертыхаются, если в то время, пока их держат в парильне, чтение не приносит им существенного облегчения, -точь-в-точь как роженицы, когда им читают житие св. Маргариты!

Что ж, по-вашему, это безделица? Найдите мне на любом языке и в любой отрасли знания книжку, которая обладала бы такими же свойствами, особенностями и преимуществами, и я куплю вам полпинты требухи. Не найдете, милостивые государи, не найдете! Это книга в своем роде единственная, равных себе не имеющая и беспримерная. Я готов утверждать это под страхом любой кары, вплоть до костра, но только не включительно, а исключительно. Те же, кто будет утверждать обратное, суть предопределенцы, отщепенцы, совратители и соблазнитель.

Правда, такие выдающиеся произведения, как Феспент, Неистовый Роланд, Роберт-Дьявол, Фьерабрас, Гийом Бесстрашный, Гюон Бордоский, Мандевиль и Матабрюна, обладают некими таинственными свойствами, но с той книгой, о которой здесь идет речь, они сравнения не выдерживают. Громадная выгода и польза от вышеупомянутой гаргантюинской хроники общеизвестна, непреложное чему доказательство состоит в том, что у книгопродавцев она разошлась за два года в таком количестве, в каком Библия не расходилась в течение девяти лет.

А чтобы вам было чем развлекаться и впредь, я, покорнейший слуга ваш, ныне предлагаю вашему вниманию другую книгу в таком же духе, Впрочем несколько более достоверную и правдоподобную, нежели та. Можете мне поверить (если только у вас нет против меня какого-либо предубеждения), что я толкую в ней обо всем не так, как евреи толкуют закон Божий. Я не так воспитан, мне еще не случалось лгать или же передавать за верное то, чего на самом деле не было. Я пишу, как те протобестии, то бишь протонотарии, которые, вместо того чтобы составлять жития святых мучеников и угодников, сочиняют любовные истории про угодников дамских. *Quod vidimus testamur* { Свидетельствуем о том, что видели (лат.)}. Я веду рассказ о страшных деяниях и подвигах Пантагрюэля, а я у него прослужил от молодых ногтей и до самых последних дней, на днях же я получил у него позволение посетить те края, где я жил, когда у меня еще молоко на губах не обсохло, и узнать, кто еще из моей родни существует на свете.

Итак, заканчивая этот пролог, я долгом своим почитаю сказать, что готов прозаложить всем чертям на свете тело свое и душу, всего себя со всеми потрохами, если на протяжении этой истории хоть раз прилгну. Но уж и вас чтоб спалил антонов огонь, чтоб падучая вас била, чтоб молния вас убила, чтоб от язв на ногах вам охрометь, чтоб от поноса вам отощать, чтоб во всем теле у вас приключилось трясение, а в заднем проходе воспаление, чтоб вас, как Содом и Гоморру, поглотили сера, огонь и пучина морская, если вы не будете твердо верить всему, о чем я поведаю вам в предлагаемой мною хронике!

ГЛАВА I. О происхождении и древности рода великого Пангигрюэля

Я почитаю не излишним и не бесполезным, раз у нас есть досуг, напомнить вам, откуда ведет начало свое и происхождение добрый Пантагрюэль, ибо ведомо мне, что все добрые историографы так именно и составляли свои хроники, и не только греки, арабы и язычники, но и авторы Священного писания, как, например, высокочтимый евангелист Лука и евангелист Матфей.

Надобно вам знать, что в начале мира (я веду рассказ свой издалека, -- если считать по способу древних друидов, то это было более сорока сороков ночей тому назад), вскоре после того как Авель пал от руки своего брата Каина, земля, впитав в себя кровь праведника, уродила множество всяких плодов, какие только в ее лоне произрастают, в особенности же так много кизия, что приснопамятный этот год был назван годом крупного кизия, ибо три

его ягоды составляли целый буасо.

В тот год греки стали считать время на календы, в марте не было Великого поста, а первая половина августа была в мае. Кажется, на октябрь этого года или, если только не ошибаюсь, на сентябрь, -- а я страх как боюсь ошибиться, -- прилась неделя, известная нам по летописям под названием семипятничной, ибо на этой неделе бывает семь пятниц по причине високосной нерегулярности, в связи с чем солнце, точно хромец, слегка пошатнулось влево, луна отклонилась от своей орбиты более чем на пять туаз, и было ясно видно сотрясение так называемого неподвижного небосвода, столь сильное, что средняя Плеяда, покинув спутников своих, отклонилась в сторону линии равноденствия, а звезда, именуемая Колосом, покинула созвездие Девы и двинулась по направлению к Весам, -- все это были явления столь грозные и столь трудные и недоступные для понимания, что астрологи обломали об них все зубы, а зубы-то у них, должно полагать, были ох какие длинные, коли могли они так далеко доставать!

Да будет вам известно, что все ели помянутый кизиль с удовольствием, ибо он был хорош на взгляд и приятен на вкус, но подобно тому как Ной, этот святой человек, которому мы так обязаны и признательны за то, что он взрастил для нас виноград, из коего мы добываем нектароподобный, восхитительный, упоительный, веселящий, удивительный, божественный напиток, именуемый хмельным, -- подобно тому как Ной, вкушая его, перехватил, ибо не подозревал о силе его действия и о его крепости, так же точно мужчины и женщины, жившие в те времена, нажились на прекрасные крупные ягоды кизиля. И от сего с ними произошли всякие несчастья, ибо у всех у них появились ужасные опухоли, но только в разных местах.

У иных пухнул живот, да так, что это уж был не живот, а здоровенная бочка; на них было написано: *Ventrem omnipotentem* { Всемогущее чрево (лат.)}, и все это были люди порядочные и изрядные шутники, от коих впоследствии произошли святой Пузан и Кануноста.

У иных росли плечи, да так, что этих горбунов стали называть монтаферами, то есть гороносцами, -- подобных им вы и сейчас еще можете наблюдать среди лиц обоего пола и разных состояний, и от них произошел Эзоп, о поучительных деяниях и изречениях коего вы имеете возможность прочитать в книге. У иных вытягивался в длину орган, именуемый пахарем, -- он становился на диво длинным, дюжим, ражим, пригожим, цветущим, торчащим вверх на античный манер, и люди пользовались им как поясом и раз пять или шесть обматывали его вокруг туловища. Когда же он находился в стоячем положении, а ветер дул людям в спину, то в эту минуту при взгляде на них можно было подумать, что это играющие в кентен выставили пики. Порода этих людей исчезла, по крайней мере так утверждают женщины, ибо они постоянно плачутся, что

Нет больше этих толстячков и т. д., -
конец песенки вам известен.

У иных отрастали яички и принимали такие чудовищные размеры, что в мюид могло поместиться штуки три, не больше. Отсюда ведут свое происхождение лотарингские яички, которых гульфик не вмещает, так что они обретаются в глубине штанов.

У иных росли ноги, росли стопы, и при взгляде на таких людей можно было подумать, что перед вами не то журавли, не то фламинго или же что это люди на ходулях которых школяры называют на своем языке двустопными.

У иных увеличивался в размерах нос до такой степени, что становился похож на трубку от перегонного куба, и был он весь испещрен жилками, усеян пупырышками, весь опухший, сизо-багровый, угреватый, порытый бутончиками бутонцов, прошитый красными нитями, -- такой нос вы могли видеть у каноника по имени не то Панзу, не то Пузу, да еще у анжерского лекаря по имени Культяп. Некоторые из тех, кто произошел от этой породы людей, возымели пристрастие к ячменному отвару, большинство же пристрастилось к виноградному соку. От них ведут свое происхождение Назон и Овидий, а равно и все те, о коих сказано: *Ne reminiscaris* { Да не вспомнишь [ты] (лат.)}.

У иных росли уши, и такие они становились большие, что из одного уха люди делали себе и куртку, и штаны, и камзол, а другим накрывались, как испанским плащом, и говорят, что в Бурбонне доныне сохранилась порода людей, благодаря которой бурбоннезские уши вошли в поговорку.

Иные же росли и вдоль и поперек. От них-то и произошли великаны.
А от них -- Пантагрюэль;
И первым был Шальброт,
Шальброт родил Сараброта,
Сараброт родил Фариброта,
Фариброт родил Хуртали, великого охотника до супов, царствовавшего во времена потопа,
Хуртали родил Немврода,
Немврод родил Атласа, подпиравшего плечами небо, чтобы оно не упало,
Атлас родил Голиафа,
Голиаф родил Эрикса, первого фокусника,
Эрикс родил Тита,
Тит родил Эриона,
Эрион родил Полифема,
Полифем родил Кака,
Как родил Этиона, первого подхватившего дурную болезнь, оттого что не пил летом холодного вина, о чем у нас есть свидетельство Бертакино,
Этион родил Энклада,
Энклад родил Кея,
Кей родил Тифона,
Тифон родил Алоея,
Алоей родил Ота,
От родил Эгеона,
Эгеон родил сторукого Бриарей,
Бриарей родил Порфириона,
Порфирион родил Адамастора,
Адамастор родил Антея,
Антей родил Агафона,
Агафон родил Пора, с которым воевал Александр Великий,
Пор родил Аранфа,
Аранф родил Габбару, установившего обычай выпивать за чье-либо здоровье,
Габбара родил Голиафа Секундильского,
Голиаф родил Оффота, которому благодаря его длинному носу было очень удобно пить из отверстия в бочке,
Оффот родил Артахей,
Артахей родил Оромедона,
Оромедон родил Геммагога, изобретателя башмаков с загнутыми вверх острыми носками,
Геммагог родил Сизифа,
Сизиф родил Титанов, от коих произошел Геркулес,
Геркулес родил Енака, великого искусника по части снятия с рук клещей,
Енак родил Фьерабраса, побежденного пэром Франции Оливье, другом Роланда,
Фьерабрас родил Морганта, первого человека на свете, который играл в кости, надев очки,
Моргант родил Фракасса, о котором написал Мерлин Коккай,
Фракасс родил Феррагуса,
Феррагус родил Мухолова, первого, кто начал коптить бычьи языки на дымовой трубе, а прежде их солили, как ветчину,

Мухолов родил Боливоракса,
Боливоракс родил Копуна,
Копун родил Гайоффа, у которого яички были сделаны из тополя, а детородный член из рябины,

Гайофф родил Живоглота,
Живоглот родил Брюльфера,
Брюльфер родил Жру,
Жру родил Галаада, изобретателя винных бутылок,
Галаад родил Мирланго,
Мирланго родил Галаффра,
Галаффр родил Тяжеловеса,
Тяжеловес родил Робоастра,
Робоастр родил Сортибранта Конимбрского,
Сортибрант родил Брюланта Монмирейского,
Брюлант родил Брюйе, побежденного Ожье Датчанином, пэром Франции,
Брюйе родил Мобрена,
Мобрен родил Немогу,
Немогу родил Аклебака,
Аклебак родил Нестоита,
Нестоит родил Грангузье,
Грангузье родил Гаргантюа,
Гаргантюа родил доблестного Пантагрюэля, моего господина.

Я предвижу, что, когда вы прочтете это место, у вас возникнет вполне законное недоумение, и вы спросите: "Как же это так? Ведь во время потопа погибли все, за исключением Ноя и еще семи человек, которых он взял с собою в ковчег, однако ж в их число упомянутый Хуртали не попал?"

Вопрос, по правде говоря, разумный и сам собою напрашивающийся, но мой ответ, я думаю, вас удовлетворит, или у меня плохо проконопачена голова. На свете меня в то время не было, братъ же с потолка я не намерен, и я сошлюсь на масоретов, еврейских истолкователей Священного писания: масореты положительно утверждают, что вышеназванного Хуртали в Ноевом ковчеге не было, оттого что не мог он туда войти, --слишком он был велик, -- он сидел на ковчеге верхом и болтал ногами, как мальчишки на деревянных конях или же как впоследствии убитый при Мариньяно громадный Бернский бык, восседавший на тяжелом орудии, а у этого верхового животного, бесспорно, изящная и легкая иноходь. Благодаря этому Хуртали оказался вторым после Бога спасителем помянутого ковчег, ибо он предотвратил кораблекрушение: он с помощью ног приводил ковчег в движение и поворачивал его в любую сторону, так что его ноги служили ковчегу как бы рулем. Находившиеся в ковчеге передавали ему по трубе достаточное количество съестного, ибо почитали Хуртали за своего благодетеля, и время от времени переговаривались с ним, как Икароменипп с Юпитером, о чем поведал нам Лукиан.

Ну как, вы все поняли? В таком случае хлопните винца, только не разбавляйте водой. Не верится вам, что ли? "Ну и мне тоже не верится", -- сказала кума.

ГЛАВА II. О рождении грозного Пантагрюэля

В пятисотдвадцатичетырехлетнем возрасте Гаргантюа прижил сына Пантагрюэля со своей женой Бадбек, дочерью короля амавров, населяющих Утопию. Бадбек умерла от родов, так как ребенок оказался необыкновенно большим и тяжелым и мог появиться на свет лишь ценою жизни матери.

Дабы вполне уяснить себе, какие причины и основания были для того, чтобы дать младенцу при крещении такое имя, примите в рассуждение, что в тот год во всей Африке стояла великая сушь: дождя не было тридцать шесть месяцев, три недели, четыре дня и тринадцать с лишком часов, солнце же так немилосердно пекло, что вся земля высохла, -- даже во времена Илии не было такой жары, как тогда, ибо на всей земле не осталось ни

единого деревца, на котором сохранился хотя бы один-единственный листик или цветок. Трава пожелтела, реки обезводили, источники иссякли; несчастные рыбы, коих покинула родная стихия, бились на земле и страшно кричали; из-за отсутствия росы птицы падали наземь; волки, лисицы, олени, кабаны, лани, зайцы, кролики, ласки, куницы-белодушки, барсуки и другие животные валялись на полях мертвые, с разинутыми пастьми. На людей жалко было смотреть. Они бродили, высунув язык, точно борзые после шестичасовой охоты; иные бросались в колодцы, иные в поисках тени залезали в брюхо коровы, -- Гомер называет таких людей алибантами. Все кругом как вымерло. Нельзя было без жалости смотреть на тщетные усилия людей, пытавшихся принять меры против этой ужасающей жажды. Больших трудов стоило, например, уберечь в церквах святую воду, чтобы ее всю сразу не извели. На совете, который господа кардиналы держали со святейшим отцом, было постановлено, чтобы больше одного раза никому святой воды не давать. В церкви, однако ж, всегда можно было видеть несколько десятков несчастных жаждущих, обступивших того, кто раздавал воду, и раскрывавших рты в надежде, что им, как злому богачу из притчи о Лазаре, достанется хоть капелька, иначе, мол, эта капелька пропадет зря. Блажен был тот, кто обладал тогда холодным погребом с изрядным запасом воды!

Один философ, поставив перед собой вопрос, отчего морская вода солоная, замечает, что когда Феб дал править светозарною своею колесницею своему сыну Фазтону, упомянутый Фазтон, новичок в этом деле, заблудился и, вместо того чтобы держаться эклиптики, проходящей между тропиками солнечной сферы, оказался так близко от земли, что все находившиеся под ним страны высохли, а значительная часть неба сгорела, -- именно та, которую философы называют *via lactea* { Млечный путь (лат.)}, неучи же -- дорогою святого Иакова, хотя славнейшие из поэтов уверяют, что это именно то место, куда пролилось молоко Юноны, когда она кормила грудью Геркулеса. Одним словом, земля от страшной жары покрылась невероятно обильным потом и насытила им море, вот отчего море и стало соленым, так как всякий пот солон. Вы в этом легко можете убедиться, стоит вам только попробовать либо ваш собственный пот, либо пот венериков, которых врачи заставляют потеть, -- разницы тут нет никакой.

Нечто подобное произошло и в тот год, о котором здесь идет речь, ибо в одну из пятниц, когда все, преисполнившись особого благоговения, принимали участие в торжественном служении с чтением множества молитв и пением прекрасных песнопений и молили всемогущего Бога призреть благосердием своим на таковое ужасное бедствие, вдруг стало явственно видно, что из земли проступают крупные капли влаги, как у человека во время сильной испарины. Бедный народ обрадовался -- он вообразил, что это ему будет на пользу, ибо иные утверждали, что в воздухе не осталось ни капли влаги, дождя, следственно, ожидать не приходится, и земля-де восполняет этот недостаток. Люди ученые уверяли, что это у антиподов прошел дождь, о каковом дожде Сенека, толкуя о происхождении и истоках реки Нила, упоминает в четвертой книге *Questionum naturalium* {"Естественнонаучных изысканий" (лат.)}. Все они, однако, ошибались, ибо как скоро молебствие окончилось и каждому захотелось напиться этой росы вволю, оказалось, что это рассол, и притом еще хуже и солонее морской воды.

И вот именно потому, что Пантагрюэль родился в этот самый день, отец и дал ему такое имя, ибо панта по-гречески означает "все", а грюэль на языке агарян означает "жаждущий", и понимать это надо было, во-первых, так, что в день его рождения весь мир испытывал жажду, а во-вторых, что отец в пророческом озарении уже провидел тот день, когда сын его станет владыкою жаждущих, чему он незамедлительно нашел подтверждение в другом, еще более явном знаке.

Дело в том, что когда жена его Бадбек производила на свет и повивальные бабки у нее принимали, то сначала из ее утробы вышло шестьдесят восемь погонщиков мулов, причем каждый вел под уздцы мула, навьюченного солью, потом вышло девять дромадеров, тащивших ветчину и копченые бычьи языки, потом семь верблюдов с грузом угрей, потом, наконец, двадцать пять возов с луком-пореем, чесноком и зеленым луком, и обоз этот навел

на помянутых бабок страх. Впрочем, некоторые из них заметили:

-- Ох, сколько вкусных вещей! Это потому, надо быть, что мы пьем порциями детскими, а не немецкими. Нет, это добрый знак, от такой пищи позовет на вино.

А пока они судачили, появился на свет и сам Пантагрюэль, лохматый, как медведь, и при виде его одна из повитух прорекла:

-- Родился он весь в волосах, стало быть, натворит чудес, и если только будет жить, то уж поживет!

ГЛАВА III. О том, как скорбел Гаргантюа по случаю смерти своей жены Бадбек

Когда Пантагрюэль родился, кто всех более был ошеломлен и растерян? Его отец Гаргантюа. Ибо, видя, что его жена Бадбек скончалась, и в то же самое время видя, что новорожденный сын его Пантагрюэль так прекрасен и так громаден, он не знал, что ему делать и что говорить; сомнение же, обуревавшее его, заключалось в следующем: он колебался, то ли ему плакать от горя, что у него умерла жена, то ли смеяться от радости, что у него родился сын. Он нашел логические доводы в пользу и того и другого, и это-то как раз его и удручало, ибо хотя он отлично умел рассуждать *in modo et figura*, однако разрешить свое недоумение никак не мог и, запутываясь все больше и больше, метался, как мышь в мышеловке, бился, как коршун в тенетах.

-- Что же мне, плакать? -- рассуждал он сам с собой. -- Да. А почему? Скончалась моя милая женушка, такая, сякая, этакая, разэтакая. Никогда уж больше я ее не увижу, другой такой никогда не найду, -- это для меня потеря невознаградимая. Господи Боже, чем я Тебя прогневил, за что Ты меня наказуешь? Зачем не послал Ты мне смерть раньше, чем ей? Все равно без нее мне и жизнь не в жизнь. Ах, Бадбек, светик мой, малышечка, крошечка, крохотулечка, никогда-то я тебя больше не увижу! О бедный Пантагрюэль! Нет у тебя милой мамы, ласковой кормилицы, дорогой наставницы! О коварная смерть! Как безжалостно, как жестоко ты со мной поступила, похитив у меня ту, которая имела все права на бессмертие!

Произнося эти слова, он ревел коровой, но потом вдруг, вспомнив о Пантагрюэле, ржал, как жеребец.

-- Ах ты, мой сыночек! -- продолжал он. -- Шалунишка ты мой, плутишка ты мой, да какой же ты у меня хорошенький! Благодарю тебя. Боже, за то, что Ты даровал мне такого чудного сына, такого жизнерадостного, такого веселого, такого красивого! Ах, как я рад, ох, как я рад, ух, как я рад! Хо-хо, уж и выпьем же мы! Прочь, тоска-злодейка! А ну, принесите вина получше, сполосните стаканы, постелите скатерть, прогоните собак, раздуйте огонь, зажгите свечи, затворите двери, нарежьте хлеба, раздайте милостыню нищим, и пусть убираются! Снимите с меня плащ, я надену камзол, -- крестины нужно отпраздновать торжественно.

В это мгновение до него донеслись зауспокойные молитвы, читавшиеся священниками, которые отпевали его жену, и тут он прервал свою пышную речь и неожиданно в исступлении крикнул:

-- Господи! До каких же мне пор сокрушаться? Это меня приводит в отчаяние. Я уже не молод, я старею, погода ненадежная, я могу схватить лихорадку, сойду с ума. Клянусь честью, надо поменьше плакать и побольше пить! Моя жена умерла? Ну что ж, ей-Богу (*da jurandi!*) { Дай, [Господи, разрешение] поклясться (лат.) }, слезами горю не поможешь. Ей теперь хорошо, она, уж верно, попала в рай, а то и еще куда-нибудь получше, она молит за нас Бога, она блаженствует, она далека от наших горестей и невзгод. Все там будем, а живой о живом думает! Пора мне приискать себе другую. Вот что, добрые женщины, - обратился он к повитухам (а бывают ли на свете добрые женщины? Что-то я их не вижу), -- вы идите на похороны, а я уж тут понянчу сына, -- я очень огорчен и могу простудиться. Но только сначала пропустите по стаканчику, это вам не повредит, можете мне поверить, честное даю вам слово.

Они послушались его и отправились на похороны и погребение, бедный же Гаргантюа остался дома. И тут он сочинил для памятника нижеследующую эпитафию:

От родов умерла моя Бадбек,

А я считал их столь нетрудным делом!
Лицом она была -- резной ребек,
Швейцарка -- животом, испанка -- телом.
Да будет рай теперь ее уделом,
Раз на земле она чуждалась зла!
Под этот камень трупом охладелым
Легла она, когда к ней смерть пришла.

ГЛАВА IV. О детстве Пантагрюэля

У древних историографов и поэтов я вычитал, что многое в этом мире появляются на свет престранным образом, но об этом долго рассказывать. Коли есть у вас досуг, прочтите VII книгу Плиния. Однако ничего похожего на необычайное детство Пантагрюэля вам, уж верно, никогда еще не приходилось слышать, ибо трудно поверить, чтобы в столь краткий срок можно было вырастить и окрепнуть настолько, что даже Геркулес не идет с ним ни в какое сравнение, несмотря на то что он еще в колыбели убил двух змей, да ведь змеи-то эти были маленькие и слабенькие, а вот Пантагрюэль, еще будучи в колыбели, совершил подвиги поистине ужасающие.

Я не стану говорить здесь о том, что за каждой трапезой он высасывал молоко из четырех тысяч шестисот коров и что печку, в которой можно было варить ему кашку, складывали все печники из Сомюра, что в Анжу, из Вильдье, что в Нормандии, и из Фрамона, что в Лотарингии, кашницу же эту ему подавали в огромной каменной водопойной колоде, до сих пор еще существующей в Бурже, возле дворца, однако зубы у Пантагрюэля были до того острые и крепкие, что он отгрыз от указанной колоды немалый кусок, и это явственно видно.

Однажды утром захотелось ему пососать одну из своих коров (а это были, гласит история, единственные его кормилицы), руки же у него были привязаны к колыбельке, так он одну руку, изволите ли видеть, высвободил, схватил эту самую корову за ноги и отъел у нее половину вымени и полживота вместе с печенью и почками; и он сожрал бы ее всю целиком, да она заревела так, словно на нее волки напали, на каковой ее рев сбегались люди и помянутую корову у Пантагрюэля отняли; однако ж они не весьма ловко это сделали, так что нога коровья осталась в руках у Пантагрюэля, и он отлично с нею справился, как вы бы справились с сосиской; когда же у него попытались отнять кость, он проглотил ее, как баклан рыбешку, да еще начал потом приговаривать: "Кус! Кус! Кус!" -- говорить-то он как следует еще не умел, а хотел сказать, что это очень вкусно и что он сыт вполне. После этого происшествия те, кто ему прислуживал, привязали его к колыбели толстыми канатами вроде тех, какие делают в Тене для перевозки соли в Лион, или же тех, какими привязан в нормандской гавани Грае большущий корабль "Франсуаза".

Со всем тем, когда громадный медведь, которого выкормил отец Пантагрюэля, вырвался на волю и начал лизать ребенку личико, ибо кормилицы не потрудились вытереть ему как следует губенки, мальчик освободился от этих самых канатов так же легко, как Самсон от тетив, коими опутали его филистимляне, схватил его медвежье vysokородие и разорвал на части, как цыпленка, а затем, после такой удачной охоты, устроил себе превосходный завтрак.

Гаргантюа, полагая, что так недолго и до беды, велел привязать младенца четырьмя толстыми железными цепями, а над колыбелью устроить надежный свод. Одну из этих цепей и сейчас еще можно видеть в Ла-Рошели, -- по вечерам ее поднимают в гавани между двумя большими башнями, -- другую в Лионе, третью в Анжере, а четвертую унесли черти, чтобы связать Люцифера, который порвал на себе цепи в то время, когда у него схватило живот, оттого что Люцифер съел за завтраком фрикасе из души какого-то судейского. После этого кажется вполне правдоподобным то, что пишет Николай Лира по поводу одного места в Псалтири: Et Og regem Basan { И Ога, царя Васанского (лат.) } -- де, мол, названный Ог сызмала был таким сильным и крепким, что его в колыбели пришлось сковать железными цепями. С тех пор Пантагрюэль вел себя тихо и смирно, так как одолеть железные цепи ему

уж было не под силу, да и колыбель стесняла движения его рук.

Но вот однажды его отец Гаргантюа по случаю какого-то большого праздника задал роскошный пир владетельным князьям, состоявшим при его дворе. Слуги, по-видимому, сбились с ног и совсем позабыли про бедного Пантагрюэля, никто на него и внимания не обращал. Как же он поступил?

Как поступил? А вот послушайте, мои милые.

Он попытался разорвать цепи руками, но так и не сумел, слишком они были крепкие. Тогда он так наподдал ногами, что передняя стенка колыбели обрушилась, -- а ведь она была из толстого бревна в семь квадратных ампанов, -- сколько мог, вытянул ноги, спустил их и достал до земли; затем принатужился, выпрямился и так, связанный, и понес на хребте колыбель, точь-в-точь как черепаха, карабкающаяся вверх по стене; глядя на него, можно было подумать, что это целый корабль водоизмещением в пятьсот тонн поднялся на гребень волны. Так он предстал перед пирующими, и вид у него при этом был столь решительный, что гостей взяла оторопь; руки у него, однако ж, были связаны, и оттого он ничего не мог взять себе из еды, -- он лишь с великим трудом нагибался и нет-нет да и слизывал что-нибудь языком. Тогда отец догадался, что ребенка позабыли накормить, и велел снять с него цепи, предварительно посоветовавшись с пировавшими князьями и сеньорами, к мнению которых присоединились и придворные лекари, полагавшие, что если ребенка долго держать в колыбели, то у него образуются камни в почках.

Итак, с ребенка сняли цепи, усадили за стол и вдоволь накормили, а он после этого с досады так трахнул кулаком по самой середине своей колыбельки, что она разлетелась более чем на пятьсот тысяч кусков, да еще потом объявил, что больше ни за что туда не вернется.

ГЛАВА V. Подвиги, совершенные доблестным Пантагрюэлем в юном возрасте

Итак, Пантагрюэль рос с каждым днем и заметно входил в тело, чему отец в силу естественных чувств своих к сыну не мог не радоваться, и велел он смастерить для него, когда тот был еще маленький, арбалет, чтобы бить пташек, -- теперь этот арбалет известен под названием большого шантельского арбалета; затем он отправил его в школу, дабы тот юные свои годы посвятил ученью.

И точно: Пантагрюэль поехал учиться в Пуатье и оказал большие успехи; вскоре, однако ж, он заметил, что когда у школяров выпадают свободные часы, то они не знают, чем себя занять, и ему стало их жалко, и вот как-то раз отломил он от громадной скалы, которая называется Паслурден, огромный камень длиною приблизительно в двенадцать квадратных туаэ и в четырнадцать ампанов толщиной и без труда установил его среди поля на четырех столбах, дабы школяры, когда им нечего делать, забирались туда с изрядным количеством бутылок, ветчины и пирожков, устраивали себе пир и ножичком вырезали на камне свои имена, а камень так с той поры и зовется Поднятым камнем. И в память этого события вас не внесут теперь в матрикулы Пуатьерского университета, прежде чем вы не напьетесь из Конского источника в Крутелль, не пройдетесь по Паслурдену и не взберетесь на Поднятый камень.

Немного спустя Пантагрюэль, вычитав в прекрасных сказаниях о своих предках, что Жофруа де Люзиньян, по прозвищу Жофруа Большой Зуб, дедушка троюродного брата старшей сестры тетки зятя дяди невестки его тещи, был погребен в Майезе, взял отпуск, чтобы, как подобает порядочному человеку, посетить могилу усопшего родича. Он взял с собой кое-кого из своих товарищей, и, пройдя Лигюже и навестив там глубокочтимого аббата Ардийона, затем -- Люзиньян, Сансе, Сель, Колонж, Фонтене-ле-Конт, где они приветствовали ученого Тирако, они прибыли наконец в Майезе и посетили гробницу означенного Жофруа Большой Зуб, и тут при взгляде на его изображение Пантагрюэль струхнул, ибо Жофруа был изображен человеком свирепого вида, наполовину вынувшим свой меч из ножен, и сейчас же осведомился о причине этого. Местные каноники ему ответили, что причина тут одна:

Pictoribus atque poetis ' и т. д.,

то есть художники и поэты вольны изображать что хотят и как им вздумается. Однако

Пантагрюэль, не удовлетворившись их ответом, сказал:

-- Он изображен так не без причины. Я подозреваю, что перед смертью ему нанесли оскорбление и он требует, чтобы родичи за него отомстили. Я этого так не оставлю и поступлю, как велит мне долг.

В Пуатье Пантагрюэль не вернулся, а почел за нужное побывать в других французских университетах; того ради, проехав Ла-Рошель, он сел на корабль и, прибыв в Бордо, обнаружил, что там не весьма усердно занимаются физическими упражнениями; одни лишь грузчики на песчаном берегу играли в лунки.

Оттуда он проследовал в Тулузу и там отлично выучился танцевать, выучился фехтовать обеими руками, как то принято у местных студентов, но едва он увидел, что эти самые студенты живьем поджаривают своих профессоров, точно это копченые сельди, то не стал там долее задерживаться и, отбывая, воскликнул:

-- Не дай мне Бог умереть такой смертью! Я от природы человек пылкий, куда мне еще подогреваться на костре!

Затем он отправился в Монпелье, обнаружил там отменные мирвоссские вина и веселую компанию и подумал было, не остаться ли ему изучать медицину, но потом решил, что это занятие крайне беспокойное и безотрадное и что от врачей пахнет промывательным, как от старых чертей.

Пришло было ему в голову изучать законы, да как увидел он, что законников в том городе всего-навсего трое паршивых да один плешивый, так, нимало не медля, и отбыл и расстояние от Моста стражей до Нимского амфитеатра прошел меньше чем за три часа, а это уже представляется чем-то сверхъестественным. В Авиньоне он не успел пробыть и трех дней, как уже влюбился, и немудрено: Авиньон -- владение папское, а потому женщины охотно играют здесь в подхвостник.

Видя, что дело плохо, наставник Пантагрюэля Эпистемон увез его в Баланс, что в Дофине, но и тут было незаметно, чтобы студенты усиленно упражнялись, притом городские озорники имели обыкновение лупить студентов, на Пантагрюэля же это не произвело приятного впечатления, и в один из воскресных дней, когда все танцевали на улицах и кому-то из студентов тоже захотелось потанцевать, а озорники ему не дали, Пантагрюэль на них напал, погнав их прямо к Роне и чуть было не утопил, но они, как кроты, ушли под землю и укрылись под Роной, в доброй полумиле от берега. Этот подземный ход сохранился донныне.

Затем Пантагрюэль покинул Баланс и, трижды шагнув и единожды прыгнув, очутился в Анжере, и там ему очень понравилось, и он погостил бы там подольше, но его прогнала оттуда чума.

Он проследовал в Бурж, долго учился там на юридическом факультете и оказал большие успехи; потом он не раз говорил, что книги по юриспруденции напоминают ему чудо какой красивый и нарядный плащ, расшитый золотом и драгоценными камнями, а по краям отделанный дерьмом.

-- На всем свете не сыщешь такой прекрасной, такой цветистой и такой изящной книги, как тексты Пандектов, -говаривал он, -- а вот отделка их, то бишь глоссы Аккурсия, до того грязная, противная и вонючая, точно это отбросы и нечистоты.

Из Буржа Пантагрюэль отправился в Орлеан, и там ватага проказливых студентов угостила его на славу, в короткий срок обучила играть в мяч, ибо местные студенты по этой части молодцы, -- так хорошо научила, что он достиг в этом совершенства, -- и несколько раз возила на острова, где было принято играть в круглячки. А чтобы ломать себе голову над книгами -- от этого Пантагрюэль всячески себя оберегал, так как боялся испортить зрение, тем паче что один из профессоров твердил на лекциях, что нет ничего опаснее для зрения, чем болезнь глаз.

Спустя несколько дней, после того как Пантагрюэль получил степень лиценциата прав, один из его знакомых студентов (в науках он был не силен, зато превосходно танцевал и играл в мяч) сочинил в стихах девиз лиценциатов местного университета:

Сунув в гультфик мячик меткий,
Познакомившись с ракеткой,
Скрыв под шапкой волос редкий,
В хоровод веселый встав,
Будешь тотчас доктор прав.

ГЛАВА VI. О том, как Пантагрюэль встретил лимузинца, коверкавшего французский язык

Как-то раз, не сумею сказать -- когда именно, Пантагрюэль после ужина прогуливался со своими приятелями у городских ворот, где берет начало дорога в Париж. Здесь он повстречал весьма миловидного студента, шедшего по этой дороге, и, поздоровавшись с ним, спросил:

-- Откуда это ты, братец, в такой час?

Студент же ему на это ответил:

-- Из альмаматеринской, достославной и достохвальной академии города, нарицаемого Лютецией.

-- Что это значит? -- обратился к одному из своих спутников Пантагрюэль.

-- То есть из Парижа, -- отвечал тот.

-- Так ты из Парижа? -- спросил студента Пантагрюэль. -- Ну, как же вы, господа студенты, проводите время в этом самом Париже?

Студент ему на это ответил так:

-- Мы трансфретируем Секвану поутру и ввечеру, деамбулируем по урбаническим перекресткусам, упражняемся во многолатиноречии и, как истинные женолюбусы, тщимся снискать благоволение всесудящего, всеобличьяприемлющего и всеродящего женского пола. Чрез некоторые интервалы мы совершаем визитации лупанариев и в венерном экстазе инкулькируем наши веретры в пенитиссимные рецессы пуденд этих амикабилиссимных меретрикулий, а затем располагаемся в тавернах "Еловая шишка", "Замок", "Магдалина" и "Мул", уплетандо отменные баранусовые лопаткусы, поджарентум кум петруцка. В тех же случаях, когда карманари ностри тощуют и пребывают эксгаустными от звонкой монеты, мы расставляем с нашими либрисами и с лучшими нашими орнаментациями и ожидамус посланца из отеческих ларов и пенатов.

Тут Пантагрюэль воскликнул:

-- На каком это чертовом языке ты изъясняешься? Ей-Богу, ты еретик!

-- Сениор, нет, -- возразил студент, -- ибо едва лишь возблещет первый луч Авроры, я охотнissime отправляюсь во един из велелепейших храмов, и там, окропившись люстральной аквой, пробурчав какую-нибудь стихиру и отжарив часы, я очищаю и избавляю свою аниму от ночной скверны. Я ублажаю олимпиколов, величаю верховного Светоподателя, сострадаю ближнему моему и воздаю ему любовью за любовь, соблюдаю десять заповедей и по мере сил моих не отступаю от них ни на шаг. Однакож поеликве мамона не пополнирует ни на йоту моего кошелькабуса, я редко и нерадиво вспомоществую той голытьбании, что ходит под окнами, молендо подаяния.

-- А, да пошел он в задницу! -- воскликнул Пантагрюэль. -- Что этот сумасшедший городит? Мне сдается, что он нарочно придумал какой-то дьявольский язык и хочет нас обморочить.

На это один из спутников ему сказал:

-- Сеньор! Этот молодец пытается обезьянничать с парижан, на самом же деле он обдирает с латыни кожу, хотя ему кажется, что он подражает Пиндару; он совершенно уверен, что говорит на прекрасном французском языке -- именно потому, что говорит не по-людски.

-- Это правда? -- спросил Пантагрюэль.

Студент же ему на это ответил:

-- Сениор миссер! Гению моему несродно обдираре, как выражается этот гнуснissime сквернословус, эпидермный покров с нашего галликского вернакула, --

вицеверсотив, я оперирую в той дирекции, чтобы и такому и сякум его обогатаре, дабы стал он латинокудрым.

-- Клянусь Богом, я научу тебя говорить по-человечески! -- вскричал Пантагрюэль. -- Только прежде скажи мне, откуда ты родом.

На это ему студент ответил так:

-- Отцы и праотцы мои генеалогиируют из регионов Лимузинских, идеже упокоется прах святителя Марциала.

-- Понимаю, -- сказал Пантагрюэль, -- ты всего-навсего лимузинец, а туда же суешься перенимать у парижан. Поди-ка сюда, я тебе дам хорошую выволочку!

Тут он схватил его за горло и сказал:

-- Ты обдираешь латынь, ну, а я, клянусь Иоанном Крестителем, заставлю тебя драть козла. Я с тебя с живого шкуру сейчас сдеру!

Тут бедный лимузинец завопил:

-- Эй, барчук, слышь! Ой, святой Марциал, помоги! Ох, да отступись ты от меня за ради Бога, не трожь!

-- Вот сейчас ты заговорил по-настоящему, -- заметил Пантагрюэль.

И с этими словами он его отпустил, ибо бедняга лимузинец в это самое мгновение наложил полные штаны, задник же на штанах у него был с прорезами.

-- Святой Алипентин, ну и аромат! -- воскликнул Пантагрюэль. -- Фу, вот навонял репоед проклятый!

Итак, Пантагрюэль отпустил его. Однако ж воспоминание об этом происшествии преследовало лимузинца всю жизнь, и до того он был этим потрясен, что все ему чудилось, будто Пантагрюэль хватает его за горло, а несколько лет спустя он умер Роландовой смертью, в чем явственно виден гнев Божий, и пример этого лимузинца подтверждает правоту одного философа у Авла Геллия, утверждавшего, что нам надлежит говорить языком общепринятым и, по выражению Октавиана Августа, избегать непонятных слов так же старательно, как кораблеводитель избегает подводных скал.

ГЛАВА VII. О том, как Пантагрюэль прибыл в Париж, и о прекрасных книгах, находящихся в библиотеке монастыря св. Виктора

Получив в Орлеане отличное образование, Пантагрюэль задумал посетить еще великий университет Парижский. Однако ж перед самым отъездом он получил сведения, что назад тому двести четырнадцать лет с колокольни орлеанской церкви во имя св. Агнияна упал громадный и огромный колокол и никакие приспособления не могли сдвинуть его с места, -- такой он был тяжелый, -- хотя для этого применялись все средства, какие указывают Витрувий в *De architectura*, { "Об архитектуре" (лат.) } Альберта в *De re aedificatoria* { "О строительном искусстве" (лат.) }, Эвклид, Феон, Архимед и Герои в *De ingeniis* { "О механизмах" (лат.) }; все было напрасно. Пантагрюэль милостиво согласился исполнить смиренную просьбу граждан и жителей означенного города и порешил поднять колокол на колокольню.

И точно: он приблизился к лежавшему на земле колоколу и с такою легкостью поднял его мизинцем, с какою вы бы подняли бубенчик. Однако ж, прежде чем поднять его на колокольню, Пантагрюэль вздумал задать утреннюю серенаду и, позванивая в колокол, пронес его по всем улицам, отчего сердца горожан преисполнились бурного веселья; кончилось же это весьма скверно, ибо, пока он нес на руке колокол и звонил, доброе орлеанское вино все как есть испортилось и скисло. Народ понял это только вечером, ибо от прокисшего вина орлеанцам стало дурно и всех их выворотило наизнанку.

-- Это все от Пантагрюэля, -- говорили они. -- У нас во рту соленый вкус.

Вскоре после этого Пантагрюэль со своими спутниками прибыл в Париж, и навстречу ему выбежал весь народ, -- вы же знаете, что парижане глупы от природы, глупы во всех ключах и во всех тональностях, и они смотрели на Пантагрюэля в великом смущении и отнюдь не без страха: они опасались, как бы он не уволок здание суда в какое-нибудь захолустье, -- утащил же его отец колокола с Собора Богоматери и повесил же он их на шею

своей кобыле!

Пробыв здесь некоторое время и оказав изрядные успехи во всех семи свободных науках, Пантагрюэль утверждал, что в этом городе хорошо жить, а умирать плохо, оттого что бродяги на кладбище Невинноубиенных младенцев греют себе зад костями мертвецов. О библиотеке же св. Виктора он был чрезвычайно высокого мнения, в частности о книгах, список коих мы прилагаем, и primo:

Bigua salutis,
Bragueta juris,
Pantofla Decretorum,
Malogranalum vitiorum,
{ Во-первых:
"Жердь спасения",
"Гульфик права",
"Туфли Декретов",
"Гранат пороков" (средневек. лат.)}
Клубок теологии,
Метелка проповедника, сочинение Дармоеда,
Слоновьи яички для отважных,
Отрава для епископов,
Marmotretus, De baboinis et cingis, cum commento Dorbellis,
{ Мамотре, "О павианах и обезьянах", с комментариями д'Орбо }
Decretum universitatis Parisiensis super gorgiasitate muliercularum ad placitum ^
{ "Постановление Парижского университета касательно кокетства гуляющих бабенок"
(средневек. лат.)}

Явление святой Гертруды инокине Пуассийского монастыря, в то время как та производила на свет,

Ars honeste pettandi in societate, per M. Ortuinum ^
{ "Искусство благопристойно пукать в обществе" магистра Ортуина (средневек. лат.)}
Горчичник покаяния,
Гамаша, alias { Или (лат.)}
Башмаки терпения,
Formicarium artium,
De broditorum usu et honestate chopinandi, per Silvestrem Prieratem, Jacospinum
{ "Муравейник искусств"; "Об употреблении бульонов и о достоинствах перепоя"
Сильвестра Приерийского, иаковита (средневек. лат.)}

Судейское головомороченье,

Корзинка нотариусов,

Звено, связующее состоящих в браке,

Гнездо созерцания,

Пустозвонство законников,

Побудительная сила вина,

Сила, притягивающая к сыру,

Qecrotatorium scholarium,

Tartaretus, De modo cacandi,

{ "Школьная сапожная щетка",

Тартаре, "О способе каканья" (средневек. лат.)}

Римские парады,

Брико, De differentiis soupparum { "О различиях между супами" (средневек. лит.) }

Хлестание по заднику,

Шлепание подошвою по ягодицам смиренных,

Треножник благомыслия,

Чан великодушия,

Крючки на удочках духовников,
Щелкание приходскими священниками друг друга по носу,
Reverendi Patris Fratris Lubini, Provincialis Bavardiae, De croquendis lardonibus libri tres,
Pasquili, Doctoris marmorei, De capreolis cum chardoneta comedendis, tempore Papali ab
Ecclesia interdicto,

{ "О разгрызании свиного сала, в Трех книгах", сочинение достопочтенного брата
Любэна, духовного отца провинции Болтании,

"О вкушении козлятины с артишоками в папские месяцы вопреки запрещению церкви",
сочинение Пасквина, мраморного доктора (средневек. лат.)}

Обретение креста господня, на шесть действующих лиц, разыгранное продувными
бестиями,

Окуляры поримупаломничающих,

Majoris, De modo faciendi boudinos,

{ Майорис, "О способе приготовления кровяной колбасы" (средневек. лат.) }

Прелатская волянка,

Беда, De optimitate triparum { "О превосходных качествах требухи" (средневек. лат.)},

Жалоба адвокатов на реформы в области подношений,

Бумагомаранье поверенных,

Горох в сале, cum commento,

Доходец от индульгенций,

Praeclarissimi juris utriusque Doctoris Maistre Pilloli Raquedenari, De bobelinandis glosse
Accursiane baguenaudis, Repetitio enucidiluculidissima,

{ Прославленный доктор обоих прав, мэтр Пилло Грабежи, "О прорехах на вздоре,
в Аккурсиевой глоссе собранном. Обзор наисветозарнейший" (средневек. лат.)}

Stratagemala Francarchieri { "Хитрости вольного стрелка" (средневек. лат.)} Баньоле,

Franctopinus, De re militari, cum figuris Tevoti,

De usu el utilitate escorchandi equos et equas, authore M. nostro de Quebecu,

{ Вольный солдат, "О военном искусстве", с рисунками Тево,

"О пользе и выгоде свежевания жеребцов и кобыл", сочинение доктора богословия де
Кебекю (средневек. лат.)}

Неотесанность попиков,

M. n. Rostocostojambedanese, De moustarda post prandium servienda, lib. quatuordecim,
apostilati per M. Vaurillonis,

{ Ростокостоямбеданесса, доктор богословия, "Об употреблении горчицы после еды, в
четырнадцати книгах", с апробацией мэтра Вориллона (лат.)}

Мзда брачащихся поповским сожительницам,

Quaestio subtilissima, utrum Chimera in vacua bombinam possit comedere secundas
intentiones, et fuit debaluta per decem hebdomadas in concilio Constantiensi,

{ "Хитроумнейший вопрос о том, может ли Химера, в пустом пространстве жужжащая,
поглотить вторичные интенции; обсуждался на Констанцском соборе в течение десяти
недель" (средневек. лат.) }

Адвокатская алчность,

Barbouilamenta Scoti, { "Пачкотня" Скота (средневек. лат.)}

О летучемышеподобных париках у кардиналов,

De. calcaribus removendis decades undecim, per M. Albericum de Rosata,

Ejusdem, De castrametandis crinibus, lib. tres,

{ "Об устранении шпор, в одиннадцати десятикнижиях" мэтра Адъберика де Розата;

"О постое гарнизонов в волосах, в трех книгах" того же автора (средневек. лат.)}

Вторжение Антонио де Лейвы в земли Бразильские,

Marforii bacalarii cubantis Rome, De pelendis mascarendisque Cardinalium muhs, {
Марфорио, бакалавр, в Риме покоящийся, "О том, как должно чистить и пачкать
кардинальских мулов" (средневек. лат.)}

Ответ тем, кто утверждает, что папский мул питается в строго определенные часы,
Предсказание, que incipit Silvi Triquebille, balata pp.r M. n. Songecruyson,
Boudarini episcopi, De emulgentiarum profectibus enneadei novem, cum privilegio papali ad triennium, et postea поп,

{Начинающиеся словами "Сильв Мошонк" и проблеянное Сномнаяву, доктором богословия;

Бударэн, епископ, "О доходах от эмульгенций, в девяти девятикнижиях, с папской привилегией сроком на три года, не более" (средневек. лат.)}

Шашни девиц,

Облысение зада у вдовиц,

Монашеский капюшон,

Особый способ бормотания молитв у братьев целестинцев,

Перевозная пошлина, вымогаемая, то бить взимаемая, нищенствующими монашескими орденами,

Зубостучание у голытьбы,

Богословская мышеловка,

Узость некоего отверстия у магистров наук,

Оккамовы поварята с малой тонзурой,

Magistri п. Fripesaulcetis, De grabellationibus horarum canonicarum, lib. quadraginta,

Cullebutatorium confratriarum, incerto authore ',

{ Доктор теологии Оближи, "О вылавливании канонических часов, в сорока книгах",

"Кувыркальня для братии" неизвестного автора (средневек. лат.)}

Шляпы братьев прожорливцев,

Испанский Пропотелио, запоясзаткнутый братом Иньиго,

Глистогонное средство для кухонных мужиков,

Poiltronismus gerit Italicarum, authore magistro { "Итальянская лень", сочинение магистра (средневек. лат.) } Брюльфера,

R. Lullius, De batisfolagiis Principium,

Callibistratorium caffardiae, auctore M. Jacobo Hocstratem, hereticometra,

{ Р. Луллий, "О дурачествах князей"

"Влагалище лицемерия", сочинение мэтра Якоба Гохштратена, еретикомера (средневек. лат.)}

Ерник, De magistro nostrandorum magistro nostratorumque beavetis lib. octo galantissimi { "О винных запасах у кандидатов в доктора теологии и у тех, кто уже получил означенную степень, в восьми книгах, до крайности пикантных" (средневек. лат.)},

Испускание ветров буллистами, копиистами, скрипторами, аббревиаторами, референдариями и датариями в описании Региса,

Постоянный альманах для подагриков и венериков,

Maneries ramonandi fournellos, per M. Eccium { "Способы очистки кухонных дымоходов" мэтра Экка (средневеков. лат.)}.

Плутни купцов,

Удобства монашеской жизни,

Рагу из святош,

История алых духов,

Побирушничанье отставных служивых,

Неуклюжие увертки официалов,

Золотые россыпи казначеев,

Badinatorium sophistarum,

Antipericatamelanaparbeugedamphicibrationes merdicantium,

{"Софистические забавы",

"Извознизразбезчрезвокругдаоколосуждения испражняющихся" (средневек. лат.)}

Улитка рифмачей,

Опыты алхимиков,
 Прodelки сборщиков лепты на монастыри, покрохамсобранные братом Серратисом,
 Оковы религии,
 Раскачивание звонарями собственных бил,
 Подлокотник старости,
 Намордник для дворянства,
 Бормотание молитв себе под нос,
 Цепи набожности,
 Котелок для всех четырех времен года,
 Ступка политической жизни,
 Опахало затворников,
 Капюшон исповедников,
 Трик-трак братьев распутников,
 Lourdaudus, De vita et honestate braguardorum,
 Lyripipii Sorbonici moralisationes, per M. Lupoldum,
 { Увалениус, "О жизни и достоинствах щеголей",
 "Душеполезные наставления сорбоннской докторской шапочки", сочинение мэтра
 Лупольда (средневек. лат.) }
 Обьедки -- пища странников,
 Винные пластыри для жаждущих архипастырей,
 Tarraballationes Doctorum Coloniensium adversus Reuchlin,
 { "Поджигательские речи кельнских докторов против Рейхлина" (средневек. лат.) }
 Погремушечки для дам,
 Мартингал для страдающих поносом,
 Virevoustatum nasquettorum, per F. Pedebilletis,
 { "Круговращения слуг при игре в лапту" брата Шароступа (средневек. лат.) }
 Подошвы чистосердечия,
 Маскарад чертенят и бесенят,
 Жерсон, De anferibilitate papae ab Ecclesia { "О возможности смещения папы церковью"
 (средневек. лат.) },
 Санки для получивших ученую степень,
 Jo. Dytebrodii, De terribilitate excommunicationum, libellus acephalos,
 Ingeniositas invocandi diabolos et diabolus, per M. Cuingolfum,
 { Иоанн Дитебродий, "Об ужасах отлучения от церкви, книжечка без головы",
 "Способность вызывать дьяволов и дьяволиц" мэтра Гингольфа (средневек. лат.) }
 Месиво для особо усердных молитвенников,
 Мавританский танец для еретиков,
 Кайетановы костыли,
 Свинорыл, Doctoris cherubici, De origine patepelutarum et torticollorum ritibus lib. septem {
 Доктор херувический, "О происхождении ханжей и обычных лицемеров, в семи книгах"
 (средневек. лат.) },
 Шестьдесят девять расперепросаленных служебников,
 Толстопузие пяти нищенствующих орденов,
 Сдирание кожи с еретиков, извлеченное из "Рыжего сапога", втиснутого в Summa
 angelica { "Итог ангелический" (лат.) -сочинение Фомы Аквинского },
 Гадания о трудных случаях вопросов совести,
 Толстобрюшество председателей судов,
 Ослоумие аббатов,
 Sutoris, Adversus querndam, qui vocaverat eum fripponatore et quod fripponatores поп sunt
 damnati ob Ecclesia,
 Sacatorium medicorum,
 { Портнягиус, "Против некоего лица, назвавшего автора плутом, а также о том, что

плуты не осуждены церковью",

"Испражняльня медицинская" (средневек. лат.)}

Астрологическое слабительное,

Campi clysteriorum, per S. C.,

{ "Клистирные поля", сочинение С. Ш. (лат.)}

Ветроизгнание по способу фармацевтов,

Взадукопание по способу хирургов,

Justinianus, De cagotis tollendis,

Antidotarium animae,

Merlinus Coccaius, De patria diabolorum.

{ Юстиниан, "Об искоренении святош",

"Антидотарий для души",

Мерлин Коккай, "Об отечестве дьяволов" (средневек. лат.)}

Некоторые из этих книг уже отпечатаны, а некоторые еще печатаются в славном городе Тюбингене.

ГЛАВА VIII. О том, как Пантагрюэль, будучи в Париже, получил от своего отца Гаргантюа письмо, копия коего ниже приводится

Пантагрюэль занимался, как вы знаете, весьма прилежно и отлично успевал, ибо ум его был как бы с двойным дном, вместимость же его памяти равнялась двенадцати бочкам из-под оливкового масла. И вот, находясь в Париже, получил он однажды нижеследующее письмо от своего отца:

"Возлюбленный сын мой!

Среди тех даров, щедрот и преимуществ, коими зиждитель мира, всемогущий Господь изначала наделил и украсил природу человеческую, высшим и самым редкостным свойством представляется мне то, благодаря которому природа наша в смертном своем состоянии может достигнуть своего рода бессмертия и в преходящей жизни увековечить имя свое и семя, и совершается это через потомство, рождаемое нами в законном браке. Правда, то, чего лишил нас грех прародителей наших, утрачено безвозвратно, ибо им было сказано, что за неповиновение заповедям Господа Творца они умрут и что смерть уничтожит ту прекрасную форму, которую человек получил при своем появлении на свет. Однако ж вследствие того, что семя распространяется, в детях оживает то, что утрачено родителями, а во внуках то, что погибло в детях, и так будет продолжаться до самого Страшного суда, когда Иисус Христос возвратит свое царство Отцу, -- царство, уже вкушающее мир, избавленное от каких бы то ни было опасностей и греховных соблазнов, ибо тогда уже прекратится деторождение, прекратится повреждение нравов, прекратится непрерывное превращение элементов, настанет долгожданный и нерушимый мир, все придет к своему концу и пределу.

Следственно, благодарность моя Господу, промыслителю моему, имеет под собою достаточно твердое основание, ибо он дал мне возможность увидеть, как моя убеленная сединами старость расцветает в твоей младости, и когда по Его произволению, которое всем в мире управляет и все умеряет, душа моя покинет человеческий свой сосуд, я умру не всецело, -- я лишь перейду из одного обиталища в другое, коль скоро в тебе и благодаря тебе видимый образ мой пребудет в сем мире, продолжая жить, продолжая все видеть, продолжая оставаться в привычном кругу моих друзей, людей добропорядочных; теперь же я веду жизнь, пусть, должен сознаться, и не безгрешную, ибо все мы грешники и все мы неустанно молим Бога простить нам наши грехи, но, с помощью Божией и по милости Божией, безукоризненную.

Со всем тем, хотя в тебе и пребудет телесный мой образ, но если твои собственные душевные качества не проявятся во всем своем блеске, то тебя не станут почитать стражем и хранителем бессмертия нашего рода, и радость моя тогда омрачится, ибо худшая моя часть, а именно плоть, в тебе останется, лучшая же, а именно душа, благодаря которой люди могли бы благословлять наш род, измельчает и впадет в ничтожество. Все это я говорю не потому, чтобы я не верил в твою добродетель, -- я в ней уже убедился воочию, -- я хочу лишь тебя

вдохновить на то, чтобы ты совершенствовался беспрестанно. И эти строки мои имеют целью не столько наставить тебя на путь добродетели, сколько вызвать в тебе удовлетворение при мысли, что ты жил и живешь как должно, и придать тебе бодрости на будущее время.

К сказанному я могу лишь прибавить и напомнить тебе, что я ничего для тебя не жалел, -- я растил тебя так, словно у меня одна-единственная радость -- еще при жизни убедиться, что ты достиг наивысшего совершенства не только в добродетели, благонравии и мудрости, но и во всех областях вольного и благородного знания, и быть спокойным, что ты и после моей смерти останешься как бы зеркалом, в коем отражается лик твоего отца, -- отражается если и не так безупречно и не так полно, как бы мне хотелось, то во всяком случае насколько это от тебя зависит.

Но хотя блаженной памяти мой покойный отец Грангузье приложил все старания, чтобы я усовершенствовался во всех государственных науках, и хотя мое прилежание и успехи не только не обманули, а, пожалуй, даже и превзошли его ожидания, все же, как ты сам отлично понимаешь, время тогда было не такое благоприятное для процветания наук, как ныне, и не мог я похвастать таким обилием мудрых наставников, как ты. То было темное время, тогда еще чувствовалось пагубное и зловредное влияние готов, истреблявших всю изящную словесность.

Однако, по милости Божией, с наук на моих глазах сняли запрет, они окружены почетом, и произошли столь благодетельные перемены, что теперь я едва ли годился бы в младший класс, тогда как в зрелом возрасте я не без основания считался ученым из людей своего времени.

Говорю я это не из пустого тщеславия, хотя в письме к тебе я имею полное право себя хвалить, примером чему служат нам Марк Туллий в своей книге О старости и Плутарх в книге под заглавием Как можно себя хвалить, не вызывая зависти, а единственно для того, чтобы выразить всю мою нежную к тебе любовь. Ныне науки восстановлены, возрождены языки: греческий, не зная которого человек не имеет права считать себя ученым, еврейский, халдейский, латинский. Ныне в ходу изящное и исправное тиснение, изобретенное в мое время по внушению Бога, тогда как пушки были выдуманы по наущению дьявола. Всюду мы видим ученых людей, образованнейших наставников, обширнейшие книгохранилища, так что, на мой взгляд, даже во времена Платона, Цицерона и Папиниана было труднее учиться, нежели теперь, и скоро для тех, кто не понаторел в Минервиной школе мудрости, все дороги будут закрыты. Ныне разбойники, палачи, проходимцы и конюхи более образованны, нежели в мое время доктора наук и проповедники. Да что говорить! Женщины и девушки -- и те стремятся к знанию, этому источнику славы, этой манне небесной. Даже я на старости лет принужден заниматься греческим языком, -- в отличие от Катона я и прежде отнюдь не презирал его, но в юные годы я не располагал временем для его изучения, и вот теперь, ожидая того часа, когда Господу будет угодно, чтобы я покинул землю и предстал перед Ним, я с наслаждением читаю *Moralia* {"Этические сочинения" (лат.)} Плутарха, прекрасные Диалоги Платона, Павсаниевы Описания и Афинеевы Древности.

Вот почему, сын мой, я заклинаю тебя употребить свою молодость на усовершенствование в науках и добродетелях. Ты -в Париже, с тобою наставник твой Эпистемон; Эпистемон просветит тебя при помощи устных и живых поучений. Париж послужит тебе достойным примером.

Моя цель и желание, чтобы ты превосходно знал языки: во-первых, греческий, как то заповедал Квинтилиан, во-вторых, латинский, затем еврейский, ради Священного писания, и, наконец, халдейский и арабский, и чтобы в греческих своих сочинениях ты подражал слогу Платона, а в латинских -- слогу Цицерона. Ни одно историческое событие да не изгладится из твоей памяти, -- тут тебе пригодится любая космография.

К свободным наукам, как-то: геометрии, арифметике и музыке, я привил тебе некоторую склонность, когда ты был еще маленький, когда тебе было лет пять-шесть, -- развивай ее в себе, а также изучи все законы астрономии; астрологические же гадания и

искусство Луллия пусть тебя не занимают, ибо все это вздор и обман.

Затверди на память прекрасные тексты гражданского права и изложи мне их с толкованиями.

Что касается явлений природы, то я хочу, чтобы ты выказал к ним должную любознательность; чтобы ты мог перечислить, в каких морях, реках и источниках какие водятся рыбы; чтобы все птицы небесные, чтобы все деревья, кусты и кустики, какие можно встретить в лесах, все травы, растущие на земле, все металлы, сокрытые в ее недрах, и все драгоценные камни Востока и Юга были тебе известны.

Затем внимательно перечти книги греческих, арабских и латинских медиков, не пренебрегай и талмудистами и каббалистами и с помощью постоянно производимых вскрытий приобрети совершенное познание мира, именуемого микрокосмом, то есть человека. Несколько часов в день отводи для чтения Священного писания: сперва прочти на греческом языке Новый завет и Послания апостолов, потом, на еврейском, Ветхий.

Словом, тебя ожидает бездна премудрости. Впоследствии же, когда ты станешь зрелым мужем, тебе придется прервать свои спокойные и мирные занятия и научиться ездить верхом и владеть оружием, дабы защищать мой дом и оказывать всемерную помощь нашим друзьям, в случае если на них нападут злодеи.

Я хочу, чтобы ты в ближайшее время испытал себя, насколько ты преуспел в науках, а для этого лучший способ -- публичные диспуты со всеми и по всем вопросам, а также беседы с учеными людьми, которых в Париже больше, чем где бы то ни было.

Но, как сказал премудрый Соломон, мудрость в порочную душу не входит, знание, если не иметь совести, способно лишь погубить душу, а потому ты должен почитать, любить и бояться Бога, устремлять к Нему все свои помыслы и надежды и, памятуя о том, что вера без добрых дел мертва, прилепиться к Нему и жить так, чтобы грех никогда не разъединял тебя с Ним. Беги от соблазнов мира сего. Не дай проникнуть в сердце свое суете, ибо земная наша жизнь преходяща, а слово Божие пребывает вовек. Помогай ближним своим и возлюби их, как самого себя. Почитай наставников своих. Избегай общества людей, на которых ты не желал бы походить, и не зарывай в землю талантов, коими одарил тебя Господь. Когда же ты убедишься, что извлек все, что только можно было извлечь из пребывания в тех краях, то возвращаясь сюда, дабы мне увидеть тебя перед смертью и благословить. Аминь.

Твой отец Гаргантюа.

Утопия, марта семнадцатого дня".

Получив и прочитав это письмо, Пантагрюэль взыграл духом и загорелся желанием учиться еще лучше, и, видя, как он занимается и успевает, вы бы сказали, что ум его пожирает книги, как огонь пожирает сухой вереск, -- до того Пантагрюэль был въедлив и неутомим.

ГЛАВА IX. О том, как Пантагрюэль встретил Панурга и полюбил его на всю жизнь

Однажды Пантагрюэль, прогуливаясь за городом близ аббатства св. Антония, рассуждая и философствуя со своими друзьями и несколькими студентами, встретил человека, бросавшегося в глаза хорошим ростом и изящным телосложением, избитого до синяков и такого ободранного, что можно было подумать, будто его собаки рвали или же что он собирал яблоки в Першском округе.

Пантагрюэль, завидев его издали, обратился к своим приятелям:

-- Видите, по Шарантонскому мосту шагает человек? Клянусь честью, он обойден лишь Фортуной. Если судить по его физиономии, то, уверяю вас, Натура ведет его происхождение от рода знатного и богатого, впал же он в нищету и дошел до крайности из-за приключений, к коим влечет людей любознательных.

Как скоро путник с ним поравнялся, Пантагрюэль его окликнул:

-- Друг мой! Можно вас попросить остановиться на минутку и ответить мне на один вопрос? Вы об этом не пожалеете, ибо я горю желанием приложить все усилия и выручить вас из беды, -мне вас искренне жаль. Итак, скажите, друг мой, кто вы такой, откуда и куда идете, куда путь держите и как вас зовут?

Путник ответил ему по-немецки:

-- Юнкер! Готт геб эйх глюк унд хейль. Цуфор, либер юнкер, их ласс эйх виссен, дас да ир мих фон фрагт, ист эйн арм унд эрбармлих динг, унд вер филь дарфон цу заген, вильхес эйх фердрусlih цу херен, унд мир цу эрцелен вер, виволь ди поэтен унд ораторс форцейтен хабен гезагт ин ирен шпрухен унд зентенцен, дас ди гедехтнис дес элендс унд армутс форлангст эрлиттен ист эйн гроссер луст.

{ Молодой господин! Да ниспошлет вам Бог счастья и удачи! Узнайте же прежде всего, милый молодой господин, что то, о чем вы меня спрашиваете, печально и достойно жалости; я мог бы поведать об этом много такого, что вам было бы тяжело слушать, а мне рассказывать, хотя поэты и ораторы прошлого и утверждали в изречениях своих и афоризмах, будто воспоминания о былых бедах и нищете доставляют большую отраду (нем.) }

Пантагрюэль же ему на это сказал:

-- Друг мой! Я этой тарабарщины не понимаю. Если вы хотите, чтобы вас поняли, говорите на другом языке.

Тогда путник заговорил так:

-- Аль барильдим готфано деш мин брин алабо бордин фальброт рингуам альбарас. Нин порт задикин альмукатин милько прин аль эльмин энтот даль хебен энзуим; кутхим аль дум алькатим ним брот декот порт мин микайс им эндот, прух даль майзулум холь мот дансрильрим лупальдас им вольдемот. Нин хур дьявост мнарботим даль гуш пальфрапин дух им скот прух галет даль Шинон мин фильхрих аль конин бутатен дот даль прим.

-- Вы хоть что-нибудь понимаете? -- обратился к своим спутникам Пантагрюэль.

Эпистемон на это заметил:

-- По-моему, это язык антиподов. В нем сам черт ногу сломит.

Пантагрюэль же сказал:

-- Приятель! Может быть, вот эти стены вас и поймут, мы же все, сколько нас ни есть, ровно ничего не понимаем.

Тут снова заговорил встречный:

-- Синьор мио! Вой видите пер эсемпьо ке ла корнамуза нон суона май, с`эла нон аильвентрепено; кози ио парименте нон ей сапрей конторе ле мие фортуне, се прима иль трибулато венгре нон а ла солита рефекционе, аль куале э адвизо, ке ле мани э ли денти аббиано персо иль лоро ордине натурале э дель тутто анникиллати.

{ Синьор мой! Ведомо вам, к примеру, что волынка никогда не поет с пустым брюхом; так же точно и я не сумею рассказать вам о своих странствиях, прежде чем не получит обычного подкрепления бедное мое брюхо, по мнению коего мои руки и зубы перестали выполнять свое обычное дело и вовсе исчезли (итал.) }

Эпистемон на это заметил:

-- Одно другого стоит.

Тогда Панург заговорил так:

-- Лард! Гест толб би суа верчусс би интеллидженс эсс йи боди шал бис би начурэл реливд, толб шуд оф ми пети хав, фор нэчур хэсс эс эквали мэд; бат форчун сам эксалтит хэсс, эн ойс депревт. Нон ю лесс еьюс му верчусс депревт анд верчусс мен дискривис, фор, энен ю лед энд, исс нон гуд.

{ Милорд, если вы столь же сильны разумом, как от природы велики ростом, вы должны почувствовать ко мне сострадание, ибо природа создала всех нас равными, но судьба одних вознесла, других же унизила. Однако добродетель всегда в загоне, а люди добродетельные в пренебрежении: ведь только испустив последний вздох, человек делается хорош (искаж. шотландск.) }

-- Еще того чище, -- заметил Пантагрюэль.

Тогда Панург заговорил так:

-- Иона андие, гуауса гусветан бегар да эрремедио, бегарде, верзела иссер лан да. Анбатес, отойес наузу, эйн эссасу гурр ай пропозиан ордине ден. Нон несена байта фашерия

эгабе, генгерасси бадиа садассу, нура ассия. Аран гондован гуальде айдассу най дассуна. Эсту уссик эгуинан сури гин, эр дарстура эгуи гарм, Геникоа плазар ваду.

{ Великий господин, на всякую напасть -- свое лекарство; соблюдать приличия -- вот что трудно! Умоляю вас, прикажите распорядиться насчет меня; мне нужно только одно: велите накормить меня досыта. А уж потом расспрашивайте сколько влезет, хоть за двоих: останетесь довольны, если Богу будет угодно (баск.)}

-- Смилуйся над нами, Геникоа! -- воскликнул Эвдемон.

Карпалим же сказал:

-- Святой Треньян! Бьюсь об заклад, вы, уж верно, шотландец!

Тут Панург заговорил так:

-- Пруг фрест стринст соргдманд строхдт дрдс пагг брледанд Граво Шавиньи Помардьер руст пкальдраг Девиньер близ Нэ, Бкуй кальмух монах друпп дельмейпплистринг дльрнд додельб уп брент лох минк стэринквальд де вине дерс корделис хур джокстстзампенардс.

Эпистемон же ему сказал:

-- Друг мой! Вы говорите на языке человеческом или же на языке Патлена? Впрочем, нет, это язык фонарный.

Тогда Панург заговорил так:

-- Герре, ий эн спреке андерс геен тэле дан керстен тэле; ми донкт нохтан, аль эн сег ий в нийт эен вордт, миуэн ноот в клэрт генох ват ий беглере; геест ми онит бермхертлихейт йет вар он ий гефут мах цунах .

{ Господин, все языки, на которых я говорю, -христианские. Но мне кажется, что, не произнеси я даже ни единого слова, все же лохмотья мои достаточно красноречиво поведали бы вам о моих нуждах. Будьте же милосердны и дайте мне что-нибудь для подкрепления сил (голл.)}

Пантагрюэль же ему сказал:

-- Яснее не стало.

Тогда Панург заговорил так:

-- Сеньор! Де танто аблар йо сой кансадо. Пор ке суплико а вуэса реверенспа ке мире а лос пресептос эван-хеликос, пара ке эльос муэван вуэса реверенсиа а ло ке эс де консьенсиа, и, си эльос но бастаран пара мовер вуэса реверенсиа а пьедад, суплико ке мире а ла пьедад натураль, ла куаль йо крео ке ле мовра, комо эс де расон, и конэсто но диго мае.

{ Сеньор, я устал от этих бесконечных разговоров. Поэтому я умоляю ваше превосходительство принять в рассуждение наставления евангельские, ибо они побуждают ваше превосходительство поступать в соответствии с велениями совести. А если помянутых наставлений недостаточно, чтобы подвигнуть ваше превосходительство к милосердию, я умоляю вас принять в рассуждение милосердие естественное, на голос коего вы откликнетесь, я уверен, не менее живо, чем на голос разума. И тут я умолкаю (исп.)}

Пантагрюэль же на это заметил:

-- Полно, друг мой! Я не сомневаюсь, что вы свободно изъясняетесь на разных языках. Скажите, однако ж, нам, что вам угодно, на таком языке, который мы в состоянии были бы понять.

Тогда путник заговорил так:

-- Мин герре, эндог йег мед инхен тунге таледе, лю-гесом буэн, ок ускулиг креатуер, мине клеебон, ок мине легомс магерхед удвисер аллиге кладиг хувад тюнг мег меест бехоф гиререб, сам эр сандерлих мад ок брюкке: хварфор форбарме тег омсудер овермег, ок беф эль ат гюффук мег ногет, аф хвилькет йег кан стюре мине грен-дес махе, люгерус сон манд Цврберо ен соппо форсеттр. Соо шаль тве леве ленг ок люксахихт.

{ Господин, даже в том случае, если бы я, словно малые дети и тварь бессловесная, не говорил ни на одном языке, все же моя одежда и моя худоба ясно показали бы вам, в чем я нуждаюсь -- в еде и питье. Сжальтесь же надо мною и прикажите дать мне какое-нибудь средство для укрощения ярости моего неистово лающего желудка, подобно тому как ставят

перед Цербером миску с супом. А вы да проживете долго и счастливо (датск.)}

-- Я полагаю, -- вмешался Эвсфен, -- что так говорили готы, и, буде на то господня воля, научимся говорить и мы, но только задом.

Тогда путник заговорил так:

-- Адони, шолом леха. Им ишар хароб халь хабдеха, бемехера титен ли кикар лехем, какатуб: "Лаах аль Адонай хоненраль".

{ Мир тебе, господин мой! Если хочешь сделать добро слуге твоему, дай мне сейчас же хлеба, ибо сказано: "Ссужает Господу в долг тот, кто милосерд к бедняку" (еврейск.)}

Эпистемон же на это заметил:

-- Вот сейчас я понял, -- это язык еврейский, и когда он на нем говорит, он произносит слова, как ритор.

Тогда путник заговорил так:

-- Деспота тинин панагате, диати си ми ук артодотис? Горас гар лимо анализкоменон эме атлиос, ке эн то метак-си ме ук элейс удамос; дзетис де пар эму га у хре. Ке гомос филологи пантес гомологуси тоге логус те ке ремата перрита гипархин, гопоте прагма афто паси делан эсти. Энта гар ананкей монон логи исин, гина прагмата, гон пери амфисбетумен, ме просфорос эпифенете.

{ Владыко мой, лучший из владык, почему ты меня не накормишь? Ты же видишь, что я, несчастный, умираю с голоду, между тем нисколько мне не сострадаешь и задаешь вопросы, к делу совсем не относящиеся. А ведь толкователи и комментаторы единодушно утверждают, что в тех случаях, когда все само по себе ясно, слова и рассуждения излишни. Слова необходимы лишь для того, чтобы осветить дело, о котором идет речь, если оно недостаточно очевидно (греч.)}

-- А, понимаю! -- воскликнул лакей Пантагрюэля Карпалим. -- Это по-гречески! Как, разве ты жил в Греции?

Путник же заговорил так:

-- Агону донт уссис ву денaгез альгару, ну день фару замист вус маристон улыбру, фускез ву броль, там бреда-гез мупретон ден гуль густ, дагездагез ну круписфост бардуннофлист ну гру. Агу пастон толь нальприссис гурту лос экбатанус пру буквы броль панигу ден баскру нудус кагуонс гуль уст тропассу.

-- Я как будто бы понял, -- сказал Пантагрюэль. -- Должно полагать, это язык моей родной страны Утопии, -- во всяком случае, он напоминает его своим звучанием.

Он хотел было еще что-то сказать, но путник его прервал:

-- Ям тотиес вое пер сакра перкве деос деаскве омнис обтестатус сум ут, си ква вое пиетас пермовет, эгестатем меам соларемини, нек гилум профицио кламанс эт эйюланс. Сините, квезо, сините, вири импии,

Кво ме фата вокант

абире, нек ультра ванис вестрис интерпеллационибус обтундатис, меморес велтерис иллиус адагии, кво вентер фаме-ликус аурикулис карере дицитур.

{Уже столько раз, заклиная вас всем святым, всеми богами и богинями, я взывал к вам, умолая, если сохранилась в вас хоть капля благочестия, прийти на помощь моей нужде, но ничего не добился своими воплями и сетованиями. Пусть же, пусть, о мужи нечестивые, уйду я вашим попустительством туда, куда

Судьбы зовут меня злые,

и не докучайте мне больше вашими пустыми расспросами, помятуя о той древней поговорке, которая утверждает: у голодного брюха не ищи уха (лат.)}

-- Полно, дружище! -- сказал Пантагрюэль. -- А вы по-французски-то говорить умеете?

-- Еще как, сеньор, умею! -- отвечал путник. -- Слава Богу, это мой родной язык, я родился и вырос в зеленом саду Франции, то есть в Турени.

-- Ну так скажите же нам, как вас зовут и откуда вы сюда прибыли! -- молвил Пантагрюэль. -- Честное слово, вы мне так полюбились, что, если вы ничего не имеете против, я не отпущу вас от себя ни на шаг, и отныне мы с вами составим такую же

неразлучную пару, как Эней и Ахат.

-- Сеньор! -- сказал путник. -- Мое подлинное и настоящее имя, данное мне при крещении, Панург, а прибыл я из Турции, где находился в плену со времени злополучного похода на Митилену. Я охотно поведал бы вам свои приключения, ибо они еще необычайнее приключений Одиссеевых, но коль скоро вам благоугодно взять меня к себе -- а я охотно принимаю ваше предложение и обещаю не покинуть вас даже в том случае, если вы отправитесь ко всем чертям, -- у нас еще будет время потолковать об этом на досуге, в настоящую же минуту я испытываю острую потребность в пище: зубы у меня щелкают, в животе пусто, в горле пересохло, аппетит зверский, -- одним словом, все наготове. Если вы желаете привести меня в годное состояние, благоволите отдать надлежащие распоряжения. Вы потешите свой взор, глядя, как я стану уписывать за обе щеки.

Тут Пантагрюэль отвел Панурга к себе и велел принести как можно больше съестного, что и было исполнено; Панург славно в тот вечер поужинал, лег спать с петухами, а на другой день проснулся перед самым обедом, и не успели другие оглянуться, как он уже сидел за столом.

ГЛАВА X. О том, как Пантагрюэль правильно разрешил один удивительно неясный и трудный вопрос -- разрешил столь мудро, что его решение было признано поистине чудесным

Крепко запомнив наставления, заключающиеся в письме отца, Пантагрюэль порешил в один из ближайших дней проверить свои познания.

И точно: он велел вывесить на всех перекрестках девять тысяч семьсот шестьдесят четыре тезиса, касавшиеся всех отраслей знания и затрагивавшие наиболее спорные вопросы в любой из наук.

Прежде всего он выступил на улице Фуарр против всех магистров наук, студентов и ораторов -- и всех посадил в лужу. Затем он выступил в Сорбонне против всех богословов, -- это продолжалось полтора месяца, с четырех часов утра до шести вечера, с двухчасовым перерывом, чтобы закусить и подкрепиться, каковой диспут не мешал сорбоннским богословам, по обыкновению, клюкать и пропускать для бодрости.

При сем присутствовали многочисленные судейские сановники, докладчики, председатели судов, советники, члены счетной палаты, секретари, адвокаты и прочие, а также городские старшины и лекторы медицинского и юридического факультетов. И вот что любопытно: большинство тотчас же закусило удила, однако, несмотря на их выверты и петли, он всех их посрамил и доказал на деле, что они перед ним не более как телята в мантиях.

Тут все зашумели и заговорили в один голос о его изумительных познаниях, -- все, даже простолудинки: прачки, сводни, кухарки, торговки и прочие, и уж потом, когда ему случалось проходить по улицам, они всякий раз говорили: "Это он!" Пантагрюэлю это было приятно, так же точно, как лучшему греческому оратору Демосфену, когда одна сгорбленная старушонка, указав на него пальцем, изрекла: "Это он самый".

В ту пору, надобно вам знать, в суде шла тяжба между двумя вельможами, одного из которых, а именно истца, звали господином Лижизад, а другого, то есть ответчика, господином Пейвино, и дело это было до того темное и с юридической точки зрения трудное, что парламентский суд так же свободно в нем разбирался, как в древневерхненемецком языке. Наконец по повелению короля были созваны на совещание четыре самых ученых и самых жирных члена разных французских парламентов, созван Высший совет, а равно и все наиболее видные профессора не только французских, но и английских и итальянских университетов, как, например, Ясон, Филипп Деций, Петрус де Петронибус; и целая шатия старых раввинистов. Все это заседало сорок шесть недель, но так и не раскусило орешка и не могло подвести дело ни под какую статью, и это обстоятельство так обозлило заседавших, что они от стыда самым позорным образом обкакались.

Впрочем, один из них, по имени Дю Дуэ, более образованный, искушенный и благоразумный, нежели прочие, как-то раз, когда у всех у них мозги уже набекренились,

объявил:

-- Господа! Мы здесь давно и только зря расходуем деньги, а в деле нашем все еще не видим ни дна, ни берега, и чем больше мы его изучаем, тем меньше понимаем, -- от этого нам становится весьма стыдно и совестно, и, на мой взгляд, нам с честью из этого положения не выйти, ибо все наши речи -- это несусветная дичь. Вот, однако ж, что я надумал. Вы, конечно, слышали об одном великом человеке, о магистре Пантагрюэле, которого после великих публичных диспутов, в коих он принимал участие, признали сверхученейшим человеком нашего времени? Я предлагаю пригласить его сюда и побеседовать с ним об этом деле. Если уж Пантагрюэль его не решит, значит, его решить нельзя.

Все советники и доктора охотно на это пошли.

И точно: за Пантагрюэлем немедленно послали и обратились к нему с просьбой распутать и раскумекать это дело и по всей форме вывести заключение, какое ему покажется правильным, для чего Пантагрюэлю тут же были вручены все бумаги и акты, составившие такой воз, который могла бы сдвинуть с места разве лишь четверка здоровенных ослов. Пантагрюэль же спросил:

-- А что, господа, тяжущиеся сеньоры еще живы?

Ему ответили утвердительно.

-- Какого же черта вы мне суετε весь этот ворох бумаг и копий? -- спросил он. -- Не лучше ли послушать, как спорят между собой живые человеческие голоса, нежели читать все это дуракавалянье, представляющее собой Сплошные каверзы, цеполловы дьявольские каутелы, прямые нарушения права? Я убежден, что и вы и все, кто к этому делу руку приложил, навывдумывали невесть сколько всяких там pro и contra, что дело само по себе ясное и легкое, а вы нарочно напустили туману: привели всякие нелепые и безрассудные доводы да разные благоглупости Аккурсия, Бальда, Бартола, Кастро, Имолы, Ипполита, Панормы, Бертакино, Александра, Курция и прочих старых пентюхов, которые так и не удосужились прочесть ни одного закона из Пандектов, -- ведь по части знания законов это же были настоящие бревна, сущие неучи. Доподлинно известно, что они не знали ни греческого языка, ни латинского, а только готский и варварский. А между тем законы были первоначально заимствованы у греков, о чем у нас есть свидетельство Ульпиана в *De origine furis* {"О происхождении права" (лат.)} (книга последняя), -- вот почему все законы полны греческих слов и выражений. Потом законы были составлены на самой изящной и изысканной латыни, с которой не выдерживает сравнения даже язык Саллюстия, Варрона, Цицерона, Сенеки, Тита Ливия и Квинтилиана. Как же могли понять тексты законов эти старые сумасброды, которые никогда в глаза не видели хорошей книги на латинском языке, непреложное чему доказательство представляет собой их собственный слог, слог печников, поваров и кухонных мужиков, а не юристов? Да и потом, коль скоро законы пересажены с почвы нравственной и натуральной философии, то как бы эти олухи могли их понять, раз они сами, ей-Богу, меньше смыслят в философии, нежели мой мул? Что же касается знания гуманитарных наук, древностей и истории, то они могут им похвастать так же, как жаба -- перьями, и прибегают они к нему так же часто, как пьяницы к крестному знаменю, а ведь любое право этим полно и без такого рода познаний понято быть не может, что я когда-нибудь более обстоятельно и докажу в особом сочинении. Итак, если вы намерены ознакомить меня с этой тяжбой, то, во-первых, сожгите все эти бумаги, а во-вторых, вызовите ко мне сюда обоих тяжущихся дворян, и вот когда я их выслушаю, я вам изложу свое мнение без околичностей и уверток.

Некоторые начали было ему возражать, -- вы же знаете, что во всяком обществе больше глупых людей, нежели умных, и большая часть всегда берет верх над лучшей, как сказал по поводу карфагенян Тит Ливий. Однако вышеупомянутый Дю Дуэ мужественно стоял на своем и доказывал, что Пантагрюэль прав, что все эти реестры, опросные листы, первичные и вторичные объяснения сторон, заявления об отводе свидетелей, возражения против отвода свидетелей и прочая тому подобная чертовщина суть не что иное, как прямое нарушение права и умышленное затягивание процесса, и что пусть их всех черт возьмет, если они не

поведут дело иначе, соответственно истине евангельской и философской.

Коротко говоря, все бумаги были сожжены, и оба дворянина были вызваны в суд. Пантагрюэль тотчас же обратился к ним;

-- Это между вами идет великий спор?

-- Да, милостивый государь, -- отвечали они.

-- Кто же из вас истец?

-- Я, -- отвечал сеньор Лижизад.

-- В таком случае, друг мой, изложите мне по пунктам ваше дело в полном согласии с истиной, ибо, клянусь телом господним, если вы хотя в едином слове солжете, я сниму вам голову с плеч и тем самым докажу вам, что на суде и перед лицом правосудия должно говорить только правду. Итак, воздержитесь от недомолвок и прикрас. Прошу вас!

ГЛАВА XI. О том, как сеньоры Лижизад и Пейвино в присутствии Пантагрюэля тягались без адвокатов

И вот Лижизад начал следующим образом:

-- Милостивый государь! Что одна из моих служанок отправилась на рынок продавать яйца -- это сущая правда...

-- Наденьте шляпу, Лижизад, -- сказал Пантагрюэль.

-- Покорно благодарю, милостивый государь, -- сказал сеньор Лижизад. -- Так вот, она должна была пройти расстояние между тропиками до зенита в шесть серебряных монет и несколько медяков, поелику Рифейские горы обнаружили в текущем году полнейшее бесплодие и не дали ни одного фальшивого камня по причине возмущения балагуров из-за распри между ахинейцами и мукомолами по поводу бунта швейцарцев, тьма-тьмушая которых собралась встречать Новый год, с тем чтобы после встречи, днем, накормить быков супом, ключи же от кладовых отдать девкам-судомойкам, -- пусть, мол, те засыпят собакам овса.

Всю ночь, не отнимая руки от ночного сосуда, они только и делали, что рассылали пешие и конные эстафеты, дабы задержать корабли, ибо портные намеревались из краденых кусочков соорудить трубу и покрыть ею Океаническое море, коего пучина в ту пору, по мнению сеноуборщиков, была как раз вспучена, ибо в ней находился горшок щей, однако ж медики уверяли, что по морской моче с такою же определенностью можно судить о том, что море наелось топоров с горчицей, с какою распознают дрофу по ее шагу, если только господа судьи бемольным указом не воспретят дурной болезни обирать шелковичных червей и разгуливать во время церковных служб, оттого что оборванцы уже начали откалывать веселый танец, как говаривал добрый Раго:

Ноги -- ходуном,

А в голове -- содом.

Ах, милостивые государи, пути господни неисповедимы, а обух расщелкивается кнутом погонщика! Это было в день возвращения из-под Бикокки, и тогда же еще на магистра Антитуса де Кресоньера был возложен наигрузнейший груз степени лиценциата, -- как говорят знатоки церковного права: *Beati lourdes, quoniam ipsi trebuchaverunt* { Блаженны обремененные, ибо они споткнулись (средневек. лат.) }.

Однако ж, клянусь святым Фиахрием Брийским, Великий пост оттого у нас так строго соблюдают, что

Никто не скроет,

Что Троица деньжонок стоит:

Дождь невелик,

Да прекращает ветер вмиг.

Если же мы условимся, что судебный пристав не будет так высоко ставить мишень на стрельбище, а секретарь перестанет кругообразно обгрызать себе ногти на пальцах, равно как и гусиные перья, то мы ясно увидим, что каждый виновный берет себя за нос, дабы разглядеть в перспективе при помощи органов зрения то место у камина, где вешают питейный флаг с сорока кушаками, потребными для двадцати оснований к отсрочке. Как бы

то ни было, сперва надо снять голову, а потом уж поплакать по волосам, ибо кто штаны задом наперед надевает, у того память отшибает. А посему избави, Господи, от всякого зла Тибо Митена!

Тут Пантагрюэль сказал:

-- Полно, друг мой, полно, говорите медленно и не волнуйтесь. Мне все ясно. Продолжайте!

-- Так вот, милостивый государь, -- снова заговорил Лижизад, -- упомянутая мною служанка, исправно читающая *Gaude* и *Audi nos*, { "Радуйся" и "Внемли нам" (лат.) } не может укрыться ловким фехтовальным приемом с помощью матери честной университетскими привилегиями, разве только по-ангельски погрузившись в воду, накрывшись семеркою бубен и сделав стремительный выпад рапирой возле самого того места, где продаются старые знамена, коими пользуются фламандской школы живописцы, когда им нужно из пустого перелить в порожнее, и я просто диву даюсь, как это род людской не несет яиц, раз он так славно их высиживает.

Тут хотел было вмешаться и что-то сказать сеньор Пейвино, однако ж Пантагрюэль его осадил:

-- Клянусь чревом святого Антония, кто тебе разрешал перебивать? У меня и так глаза на лоб лезут от речи твоего противника, и ты туда же? Молчать, черт побери, молчать! Кончит он -- тогда я дам слово тебе. Продолжайте, -- молвил Пантагрюэль, обратясь к Лижизаду, -- можете не торопиться.

-- Итак, -- снова заговорил Лижизад, -- принимая в рассуждение, что в прагматической санкции не содержится на сей предмет никаких указаний и что папа всем предоставил полную свободу пукать сколько угодно, то, если не исцарапать холста, -- как бы ни бедствовали люди на свете, -- лишь бы никто не подписывался под похабством, а уж радуга, только что отточенная в Милане для того, чтобы выводить жаворонков, со своей стороны изъявила согласие, чтобы служанка вывихнула себе бедра по требованию маленьких икроносных рыбок, которые именно с тех пор и были признаны необходимыми для понимания конструкции старых башмаков.

Однако Жан Теленок, двоюродный ее брат, оттолкнувшись от поленницы дров, посоветовал ей не вмешиваться в это дело, а лучше брызгилетательно отстирать белье, не натирая, однако ж, бумаги квасцами до степени пий-над-жок-фор, ибо

Non de ponte vadit, qui cum sapientia cadit,

{ Тот с моста не спускался, кто в воду упасть догадался (лат.) }

принимая в соображение, что господа члены счетной палаты не последуют призыву немецких флейт, из которых бы ли сооружены Очки для принцев, недавно изданные в Антверпене.

Вот, милостивые государи, что значит запущенная отчетность, а противная сторона этим пользуется *in sacer verbo dotis*, ибо, исполняя желание короля, я вооружился с ног до головы набрюшником и отправился поглядеть, как мои сборщики винограда подрезают свои высокие шапки, чтоб им удобнее было играть на духовых инструментах, а когда собирают виноград, стоит самая что ни на есть ветреная погода, так что многие вольные стрелки уклонились от состязания, и не потому, чтобы трубы у них были недостаточно громки, а из-за подседов и мокрецов у нашего друга Бодишона.

Благодаря этому во всем Артуа был большой урожай на раковины, что, по-видимому, явилось немаловажным подкреплением для господ плетушечников, коль скоро все тогда, расстегнув пуговицы на животе и уже без всякого удовольствия, пили птичье молоко. Мне бы, однако ж, хотелось, чтобы у каждого человека был красивый голос, -- тогда игра в мяч тотчас пошла бы на лад, и те едва уловимые тонкости, которые способствуют этимологизированию ботинок на высоких каблуках, легче будет спускать в Сену как постоянную замену Моста мельников, касательно чего давно уже есть указ Канарийского короля, но только он залежался в канцелярии.

На основании всего мною изложенного, милостивый государь, я настаиваю на том,

чтобы ваше превосходительство высказало по этому поводу, как полагается, свое мнение с оплатой судебных издержек и возмещением проторей и убытков.

Тут Пантагрюэль его спросил:

-- Вы ничего больше не имеете сказать, друг мой?

-- Ничего, милостивый государь, -- отвечал Лижизад, -- я вам изложил все, вплоть до *tu autem* { Ты же (лат.) }, ничего не изменив, -- клянусь честью.

-- Ну, а теперь вы, господин Пейвино, -- сказал Пантагрюэль, -- говорите все, что имеете сказать, -- можете покороче, только не опускайте ничего такого, что могло бы послужить основанием для приговора.

ГЛАВА XII. О том, как сеньор Пейвино тягался в присутствии Пантагрюэля

Тут сеньор Пейвино начал следующим образом:

-- Милостивый государь и милостивые государи! Если бы неправду можно было так же легко различить и вынести о ней суждение категорическое, как легко заметить в молоке мух, то мир -- четыре быка! -- не был бы до такой степени изъеден крысами, как в наше время, и всякий приложил бы свое коварнейшим образом обглоданное ухо к земле, ибо хотя все, что противная сторона говорит по поводу формы и содержания *factum'a* { Деяния (лат.) }, имеет оперение правды, со всем тем, милостивые государи, под горшком с розами таятся хитрость, плутовство, подвохи.

Должен ли я терпеть, чтобы, в то время когда я ем себе суп по номинальной цене, не замышляя и не говоря ничего худого, в мой дом являлись морочить и забивать мне голову всякими соблазнительными танцами-плясами да еще приговаривали:

Кто суп кларетом запивает,

Тот слеп и глух, как труп, бывает?

А между тем, Пресвятая Дева, сколько мы знаем именитых полководцев, которым прямо на поле битвы раздавали тумачки благословенного хлеба, чтобы они более благопристойным образом качались на качелях, играли на лютне, играли за дам, играли задом и производили всякие другие вольные движения!

Ныне, однако ж, род людской сбили с толку лестерские сукна: кто загулял, кто -- пять, четыре и два, и если только суд не вынесет надлежащего решения, придется ему и в этом году зубами щелкать, так что он вынужден будет пуститься, -- а может, уже и пустился, -- во все тяжкие. Если какой-нибудь несчастный человек идет в парильню натереть себе рожу коровьим калом или же смазать на зиму свой сапожок, а полицейские и дозорные получают питательный отвар из клистирной трубки или же кишечные извержения из судна, подставляемого к их музыкальным инструментам, то значит ли это, что дозволяется обрезать края у серебряных монет и поджаривать деревянные?

Мы иной раз предполагаем так, а Бог располагает иначе, и когда солнце зашло, скотинка уже вся под кровом. И в том я смело могу сослаться на людей всем известных.

В тридцать шестом году я купил себе немецкого жеребчика побежечки рысистой, шерстей довольно-таки приличных, масти ярко-красной, как уверяли ювелиры, однако ж со всем тем нотариус не преминул поставить свое *cetera* { И прочее (лат.) }. Я человек не ученый, хватать зубами луну не умею, однако в горшке с маслом, в котором были закупорены Вулкановы орудия, прошел слух, будто бы соленый бык заставлял находить вино и без свечки, хранился же он в мешке из-под угля, и на нем были налобник и набедренник, необходимые для того, чтобы хорошенько поджарить грубую пищу, то есть баранью голову. Видно, правду говорит пословица: вороньи кони в горелом лесу видны как на ладони, когда ждешь свою возлюбленную на свидание. Я спрашивал по этому поводу совета у господ ученых, и они вынесли решение по *frisesomorum*: единственно, что, дескать, нужно, это косить летом в погребке, снабженном достаточным количеством бумаги, чернил, перьев, ножичков перочинных и прочего тому подобного, ибо, как скоро запряженная лошадь начинает пахнуть чесноком, ржавчина разъедает ей печень, и тогда уже остается только, предвкушая послеобеденный сон, как следует дать по шее. Вот отчего так дорога соль!

Не думайте, милостивые государи, что упомянутая служанка в самом деле проглотила колпицу, чтобы, как показывает судебный пристав, увеличить тем свое приданое, и что колбаса прошла через ростовщицьи кошельки, а кто желает отомстить людоедам, то нет ничего лучше, как взять связку луку, да триста головок репы, да немножко телячьей брыжейки, да лучшего золота, какое только есть у алхимиков, все это смешать, размешать, промешать и перемешать, подлить туда грабельного соуса, а засим намазать и натереть этим составом людоедские туфли и спрятать их в какой-нибудь кротовьей норке, сало же беречь пуше глаза.

И ежели вам не повезет в шашки, то положите дамку на кровать, порезвитесь с нею и -- турлура-на-на -- пейте до дна, *depiscando grenoillibus* { Выуживая лягушек (средневеков. лат.) } во всех прекрасных котурнообразных гамашах, -- это для гусят, тех, что прямо из гнезда и которые с увлечением играют в фук, пока железо куется и пока растапливается сургуч для любителей пива.

У четырех быков, о которых здесь идет речь, память оказалась коротковатой, -- что верно, то верно. Как бы то ни было, им так хотелось разучить гаммы, что они не побоялись ни баклана, ни савойской утки, и добрые мои земляки возлагали на них большие надежды. "Из этих ребят выйдут молодцы по части арифметики, -- говорили они. -- Это будет для нас статья устава". Мы не должны упускать волка, когда ставим изгородь над той ветряной мельницей, о которой здесь упоминала противная сторона. Однако ж нечистый дух позавидовал этому и ухватил немцев за зад, а ведь их сам черт не перепьет: "*Her, tringue, tringue!*" { Сударь, пей, пей! (нем.) } и -- размен фигурами, как на шахматном поле, ибо у нас нет никаких оснований утверждать, что в Париже на Малом мосту продаются деревенские куры, и пусть даже эти курочки хохлаты, как болотные дурочки, то есть удода, пусть даже все пожертвуют свои бородавки чернилам, заново отточенным буквами прописными и обыкновенными, -- по мне все едино, лишь бы под переплетом не завелись черви.

Положим даже, что в то время, как ловят и связывают парами бродячих собак, обезьянки растреляют поимку, прежде чем нотариус с помощью каббалистического искусства сумеет вручить свою бумагу, но это еще не значит (да простят мне почтенные судьи!), что шесть арпанов луга с широким полотнищем равняются трем бочкам наилучших чернил, так, чтобы не дуть в миску, и приняв в соображение, что на похоронах короля Карла шерсти было сколько угодно, по два с половиной очка, то есть, разумею, в день Магдалины за руно.

Мне приходится наблюдать во всех приличных домах такой обычай, что когда идут ловить птиц, предварительно разика два пройдясь метлой по дымовой трубе и выставив свою кандидатуру, то из кожи лезут вон, да еще дуют в зад, чтоб поскорее остыл, только и всего, и -- шариком по кегелькам -

Едва лишь на письмо взглянули,
Как тут же ей коров вернули.

И такое же точно решение было вынесено в Сен-Мартене по делу одного повесы из Лож-Фужрез, на что я почитаю своим долгом обратить внимание господ судей.

Я совсем не хочу сказать, чтобы по справедливости и на законном основании нельзя было лишить имущества тех, кто пьет святую воду, как поступают с алебардой ткача, на которую сажают непокорных: по заслугам, дескать, и честь.

Типс, милостивые государи, *quid juris pro minoribus?* { В таком случае, милостивые государи, что за права у слабейших? (лат.) } Ведь обычай подобен салическому закону: кто первый отважится обломать корове рога, кто станет сморкаться, когда другие или выпивают, или выпивают, тот должен, набивая себе брюхо, вместе с тем постараться скрыть мужскую свою слабость при помощи моха, сорванного в то время, когда люди зевают за полунощницей, чтобы вздернуть на дыбу белые анжуйские вина, которые дают тем, кто их пьет, под зад коленом, как бретонцы друг дружке в драке.

На этом я заканчиваю и прошу, как и противная сторона, оплатить мне судебные издержки и возместить протори и убытки.

Как скоро сеньор Пейвино умолк, Пантагрюэль сказал сеньору Лижизад:

-- Что вы имеете на это возразить, друг мой?

Тот же ему ответил так:

-- Ничего, милостивый государь, не имею. Я сообщил суду истинную правду, а теперь давайте, ради Бога, покончим с нашей тяжбой, -- ведь мы оба основательно поиздержались.

ГЛАВА XIII. О том, как Пантагрюэль решил тяжбу двух вельмож

Тут Пантагрюэль встал и объявил всем присутствующим председателям судов, советникам и докторам:

-- Итак, милостивые государя, вы услышали доводы тяжущихся *vive vocis oraculo* { Из их собственных уст (лат.) }. Что вы на это скажете?

Ему ответили так:

-- Слышать-то мы, точно, слышали, да только ни черта не поняли. По сему обстоятельству мы просим вас *ипа voce* { Единогласно (лат.) } и умоляем: будьте добры, вынесите приговор, какой вам только заблагорассудится, и *ex pite prout ex tune* { Отныне, а равно и впредь (лат.) }, мы единогласно его одобрим и утвердим.

-- В таком случае, милостивые государя, -- продолжал Пантагрюэль, -- я исполню вашу просьбу. Впрочем, мне лично это дело не представляется таким трудным, как вам. Ваш параграф *Caton*, закон *Frater*, закон *Callus*, закон *Quinque pedum*, закон *Vinum*, закон *Si Dominus*, закон *Mater*, закон *Mulier bona*, закон *Si quis*, закон *Pomponius*, закон *Fundi*, закон *Emptor*, закон *Pretor*, закон *Venditor* { "Катон", "Брат", "Галл", "Пять футов", "Вино", "Если господин", "Мать", "Добрая жена", "Если кто-либо", "Помпоний", "Поместия", "Покупатель", "Претор", "Продавец" (лат.) } и многие другие, на мой взгляд, значительно труднее.

Сказавши это, он несколько раз прошелся по зале, будучи погружен в глубокое раздумье, о чем можно было судить по тому, что он время от времени тихонько верещал, будто осел, которому слишком туго затянули подпруги; думал же он о том, как бы удовлетворить обе стороны, ни одной из них в то же время не оказав предпочтения; затем он снова уселся и объявил нижеследующий приговор:

-- Имея в виду, приняв в соображение и всесторонне рассмотрев тяжбу между сеньорами Лижизад и Пейвино, суд постановляет:

Учитывая мелкую дрожь летучей мыши, храбро отклонившейся от летнего солнцестояния, дабы поухаживать за небылицами, коим с помощью пешки удалось сделать шах и мат благодаря злым обидам светобоящихся ночных птиц, обитающих в римском климате с распятым на коне, самостоятельно натягивая арбалет, истец имел полное право проконопатить галион, который надувала служанка, -- одна нога здесь, другая там, -- выдавая ему, отличающемуся совестью неподкупною, в виде возмещения столько же чечевичных семечек, сколько шерстинок у восемнадцати коров, и такое же точно количество -- мастеру хитрого плетенья.

Равным образом суд не находит достаточных оснований для того, чтобы предъявить ему обвинение в кусочках кала, -обвинение, которое он навлек на себя тем, что якобы не смог полностью опорожнить свой кишечник, ибо таково решение пары перчаток, надушенных ветрами при свече из орехового масла, вроде тех, какими пользуются в Мирбале, ослабив булинь с помощью медных ядер, из которых конюхи обершталмейстерно выпекают овощи, оседлываемые чучелами птиц с соколиными бубенчиками, расшитыми кружевами, которые его шурин, ступая ногой в ногу, мемориально нес в корзинке, расшитой красными нитями в виде трех изогнутых полосок, по угловому воровскому притону, где стреляют метелками в картонного червеобразного попугая.

Что же касается обвинений, взведенных им на ответчика, будто бы тот занимался починкой обуви, сыроедством, а также смолением мумий, то они с колебательной точки зрения неправдоподобны, что убедительно доказал упомянутый ответчик, на основании чего суд приговаривает истца к трем полным стаканам творогу, приправленного, разбавленного, трампавленного, как велит местный обычай, каковые стаканы он обязуется уплатить упомянутому истцу в майской половине августа.

Упомянутый же ответчик обязуется доставить сена и пакли на предмет затыкания

гортанных прорех, перекрученных устрицами, пропущенными через решето на колесиках.

Будьте же снова друзьями, без оплаты издержек, и на этом судебное заседание закрывается.

После объявления приговора и истец и ответчик удалились, причем оба они были вполне удовлетворены состоявшимся решением, а ведь это было нечто неслыханное: со времен потопа такого еще не случалось, и еще тринадцать юбилейных годов не случится, чтобы тяжущиеся стороны были одинаково довольны окончательным приговором.

Что же касается при сем присутствовавших советников и докторов, то они в продолжение, по крайней мере, трех часов пребывали в экстазе и в полном восхищении от сверхчеловеческой мудрости Пантагрюэля, наглядно сказавшейся в том, как он решил это трудное и щекотливое дело, и восторженное их состояние длилось бы еще дольше, но тут принесли изрядное количество уксуса и розовой воды, каковые средства подействовали на них так, что они, слава Богу, опомнились и пришли в себя.

ГЛАВА XIV. Панург рассказывает о том, как ему удалось вырваться из рук турок

О приговоре Пантагрюэля все тот же час слышали и узнали, отпечатан он был во множестве экземпляров, передан в судебные архивы, и отзываться о Пантагрюэле все с тех пор начали так:

-- Соломон отдал матери ребенка на основании простой догадки, он никогда не обнаруживал такой дивной мудрости, как Пантагрюэль. Мы счастливы, что Пантагрюэль находится в нашей стране.

Его даже хотели сделать докладчиком и председателем суда, но он, вежливо поблагодарив, решительно отказался.

-- Подобного рода должности, -- пояснил он, -- требуют от человека слишком много раболепства, и если принять в рассуждение испорченность человеческой природы, то лица, вступающие в такие должности, лишь с величайшим трудом могут спасти свою душу. И сдается мне, что если пустота, образовавшаяся после отпадения некоторых ангелов, будет заполняться только этого звания людьми, то Страшный суд не наступит и через тридцать семь юбилейных годов, предсказания же Николая Кузанского окажутся ложными. Мое дело предупредить вас об этом заранее. А вот если у вас найдется несколько бочек доброго вина, то я охотно приму их в подарок.

И они охотно так именно и сделали: послали ему лучшего вина, какое только было в городе, и Пантагрюэль выпил в меру. Зато бедняга Панург хватил лишнего, ибо сух был, как копченая сельдь. Вино ударило ему в ноги, и они стали у него подгибаться, словно у отощавшего кота. Когда он единым духом осушил большой кубок красного вина, кто-то ему заметил:

-- Эй, эй! Что-то вы, милый мой, уж очень усердствуете!

-- К черту! -- отрезал Панург. -- Тут тебе не парижские, с позволения сказать, пьянчуги, которые пьют, как зяблики, и начинают клевать корм не прежде, чем их, словно воробьев, похлопают по хвосту. Эх, приятель! Если б я так же быстро умел подниматься, как спускать вино к себе в утробу, я бы уж вместе с Эмпедоклом вознесся превыше лунной сферы! Однако что за черт? Никак не возьму в толк: вино превосходное, превкусное, а чем больше его пью, тем сильнее у меня жажда. Видно, тень монсеньора Пантагрюэля так же легко вызывает жажду, как луна - простуду.

Присутствующие покатались со смеху. Заметив это Пантагрюэль спросил:

-- Чего вы там смеетесь, Панург?

-- Сеньор! -- отвечал Панург. -- Я им рассказывал, как эти черти турки несчастны оттого, что им нельзя пить вино. Если б все зло Магометова Корана заключалось лишь в этом, и тогда ни за что не перешел бы я в их закон.

-- А скажите на милость, как вам удалось вырваться? -спросил Пантагрюэль.

-- Расскажу все как было, сеньор, -- сказал Панург, -вот настолечко не прилгну.

-- Турки, сукины дети, посадили меня на вертел, предварительно нашпиговав салом, как кролика: ведь я был до того худ, что иначе им бы меня не угрызть. И начали они меня

живьем поджаривать. Вот, стало быть, поджаривают они меня, а я мысленно поручил себя божественному милосердию, помолился святому Лаврентию, и все не покидала меня надежда на Бога, что Он избавит меня от этой муки, и избавление наконец совершилось воистину чудесное. Итак, я всецело поручил себя воле Божией и только вопию: "Господи, помоги мне! Господи, спаси меня! Господи, спаси меня от мучений, которым меня подвергают эти собаки, эти злодеи за то, что я от закона Твоего не отрекся!" А мой поджариватель возьми да и засни в это время -- не то по воле Божьей, не то по воле какого-нибудь доброго Меркурия, ловко усыпившего моего стоглазого Аргуса.

Почувствовал я, что он больше не поворачивает вертела, гляжу, а он себе спит. Тут я схватил зубами головешку за необгорелый конец и швырнул ее турку прямо в пах, а другую постарался зашвырнуть под походную кровать, на которой валялся соломенный тюфяк моего высокочтимого поджаривателя, кровать же стояла возле самой печки.

Солома мигом загорелась, потом огонь перекинулся на кровать, с кровати на сводчатый потолок, сбитый из сосновых досок. Но это еще что! Головешка, которой я угодил в пах моему подлому истязателю, прожгла ему весь лобок, и у него уже занялись яички. Если б это место не было у него таким вонючим, он бы и до утра не спохватился, а тут он вскочил, словно бешеный козел, высунулся в окно и давай кричать во всю мочь: "Даль барот! Даль барот!" -- что значит: "Пожар! Пожар!" Затем подбежал ко мне, разрезал веревки, которыми были связаны мои руки, и уже начал резать на ногах, -- он собирался швырнуть меня в огонь. Но тут хозяин дома, заслышав крики и почувствовав запах дыма на той улице, где он в это время прогуливался с целой компанией пашей и муфтиев, опрометью бросился тушить пожар и спасать свои пожитки.

Не успел он прибежать, как сей же час схватил вертел, на который я был насажен, и уложил им на месте моего поджаривателя, и то ли из-за отсутствия медицинской помощи, то ли по какой другой причине, но только поджариватель скоростижно скончался, -- хозяин всадил ему вертел чуть повыше пупка, ближе к правому боку, и пропорол третью долю печени, а затем острие пошло вверх и проткнуло диафрагму, вышло же оно через сердечную сумку в плечевом поясе, между позвоночником и левой лопаткой.

Когда хозяин вытащил из меня вертел, я, правда, упал подле жаровни, но ушибся слегка, совсем слегка, -- силу удара ослабило сало.

А мой паша, видя, что дело плохо, что дом его не отстоять и что все пропало, стал призывать на помощь всех чертей и, между прочим, Грильгота, Астарота, Раппала и Грибуйля, каждого по девяти раз.

Тут я струхнул не на шутку. "Черти сию минуту явятся сюда за этим безумцем, -- подумал я. -- Может, они будут настолько любезны, что и меня заодно прихватят? Ведь я наполовину изжарен, так что сальце может оказаться причиной моего несчастья, ибо черти большие любители сала, -- об этом прямо говорит философ Ямвлих, а также Мюрмо в своей апологии *De bossutis et contrefactis pro Magistros nostros* {"Об искривленных и уродливых, в защиту докторов богословия" (средневек. лат.)}. Все же я осенил себя крестным знаменем, воскликнул: "Agyos athanatos, ho Theos!" {Святой Боже, святой Бессмертный! (греч.)} -- и никто из чертей не явился.

Тогда поганый мой паша задумал покончить с собой: он попытался пронзить себе сердце моим вертелом. И точно, он уже приставил его к груди, но вертел оказался недостаточно острым и дальше не пошел: как турок ни нажимал, ничего у него не вышло. Тогда я приблизился к нему и сказал: "Миссер мужлан! Ты попусту тратишь время, -- так ты себя никогда не убьешь, а только поранишь, и потом тебя до самой смерти будут терзать лекари. Если хочешь, я убью тебя наповал, так что ты и не охнешь. Я уж многих таким манером на тот свет отправил, можешь мне поверить, и ничего: остались довольны". -- "Ах, мой друг, умоляю тебя! -- сказал паша. -- Я подарю тебе за это мой кошелек. На, бери! В нем шестьсот серафов и, сверх того несколько брильянтов и рубинов чистой воды".

-- Где же они? -- спросил Эпистемон.

-- Клянусь Иоанном Предтечей, -- отвечал Панург, -- весьма далеко отсюда, если только

они еще существуют.

Но где же прошлогодний снег?

Это больше всего волновало парижского поэта Виллона

-- Будь добр, кончай свой рассказ, -- молвил Панта грюэль, -- нам любопытно знать, как ты разделался со своим пашой.

-- Честное слово порядочного человека, все это истинная правда, -- продолжал Панург. -- Я стянул ему горло полуобгоревшей обтрепанной штаниной, крепко-накрепко связал руки и ноги, чтобы он не ворохнулся, потом засунул ему вертел в глотку и, зацепив вертел за два толстых крюка, на которых висели алебарды, подвесил таким образом пашу. А внизу, прямо под ним, я развел славный костер, и тут мой милорд прокоптился, как сельдь в коптильне. Ну, а я схватил его кошелек да еще копыцею, что висело на крюке, и дал стрекача. Одному Богу известно, как от меня тогда несло козлом!

Вышел я на улицу, смотрю: все сбежались на пожар и таскают воду. Видя, что я наполовину обгорел, турки прониклись ко мне естественным чувством жалости и вылили на меня всю воду, -- это меня здорово освежило и пошло на пользу. Потом турки дали мне кое-чего подзакусить, но я почти ни к чему не притронулся: они ведь, по своему обыкновению, принесли одной только воды, чтобы запивать.

Больше они мне ничего худого не сделали, не считая разве того, что один паршивый маленький турок с горбом спереди попытался стащить у меня под шумок сало, -- ну да я так хватил его копыцем по пальцам, что в другой раз он уже не отважился. А одна гулящая девица, которая принесла мне ихнего любимого варенья из индейских орехов, все глазела на моего беднягу, -- уж очень он был тогда жалкий, весь съежился от огня, так что, стань он на ноги, он доходил бы мне только до колен. Но вот что удивительно; у меня окончательно прошла боль в том самом боку, который жарился, пока мой мучитель спал, а до этого я целых семь лет страдал от прострела.

Ну так вот, пока турки со мной возились, пожар распространился (не спрашивайте меня, каким образом) и истребил более двух тысяч домов, так что в конце концов один из турок, заметив это, вскричал: "Клянусь Магометовым чревом, весь город в огне, а мы тут затеяли возню!" При этих словах все разбежались по своим домам.

А я -- я пошел по направлению к городским воротам. Когда же я поднялся на пригорок, прямо сейчас же за воротами, то обернулся, как жена Лота, и увидел, что весь город полыхает, как Содом и Гоморра, и такое я в эту минуту почувствовал удовлетворение, что чуть было в штаны не наложил от радости. Но Бог меня наказал.

-- Каким образом? -- спросил Пантагрюэль.

-- А вот как, -- отвечал Панург. -- Смотрю это я в восторге на яркое пламя, да еще и насмехаюсь. "Ах, говорю, бедные блошки! Ах, бедные мышки! Суровая зима вам предстоит, -- огонь забрался к вам в норки". В это самое время из города, спасаясь от огня, выбежали шестьсот -- да нет, какое там шестьсот! -- более тысячи трехсот одиннадцати псов, больших и малых. Они сразу почуяли запах моей грешной, наполовину изжаренной плоти, и прямо на меня, и, конечно, разорвали бы в одну минуту, если бы мой ангел-хранитель не внушил мне, что есть прекрасное средство от зубной боли.

-- А какие у тебя были основания бояться зубной боли? -- спросил Пантагрюэль. -- Ведь от ревматизма ты же вылечился.

-- А, идите вы к Богу в рай! -- воскликнул Панург. -- Это ли не отчаянная зубная боль, когда собаки хватают вас за ноги? Но тут я вспомнил о сале -- и ну швырять его собакам, а те сейчас же из-за него передрались. Благодаря этому они от меня отстали, а я отстал от них. Они себе знай грызутся, а я, радостный и счастливый, от них ускользнул, и да здравствует вертел!

ГЛАВА XV. О том, как Панург учил самоновейшему способу строить стены вокруг Парижа

Как-то раз Пантагрюэль, желая отдохнуть от занятий, отправился на прогулку в предместье Сен-Марсо, с тем чтобы непременно побывать в Фоли-Гобелен. Его сопровождал

Панург, под плащом у которого всегда была фляжка и кусок ветчины, -- он с ними никогда не расставался и называл их своими телохранителями. Зато никаких шпаг он не признавал, и когда Пантагрюэль обещал подарить ему шпагу, он ответил, что она будет перегревать ему селезенку.

-- Ну, а если все-таки на тебя нападут, как же ты будешь защищаться? -- спросил Эпистемон.

-- Здоровенными пинками, -- отвечал Панург, -- лишь бы только колющее оружие было воспрещено.

На возвратном пути Панург, обозрев стены вокруг Парижа, насмешливым тоном заговорил:

-- Посмотрите, какие прекрасные стены. Очень крепкие стены, -- для защиты только что вылупившихся гусят лучше не придумаешь! Но, клянусь бородой, такому городу, как этот, они могут сослужить плохую службу. Корове пукнуть стоит -- и более шести брасов такой стены тотчас же рухнет наземь.

-- Друг мой! -- возразил Пантагрюэль. -- Знаешь ли ты, что ответил Агесилай, когда его спросили, почему великий лакедемонский город не обнесен стеною? Указав на его жителей и граждан, искушенных в ратном искусстве, сильных и хорошо вооруженных, он воскликнул: "Вот стены города!" Этим он хотел сказать, что самая крепкая стена -- это костяк воина и что нет у городов более надежного и крепкого оплота, чем доблесть их обитателей и граждан. Так же точно и этот город силен своим многочисленным и воинственным населением и в ином оплоте не нуждается. К тому же если б кто и захотел обнести его стеной наподобие Страсбурга, Орлеана или же Феррары, то все равно не смог бы этого сделать, -- так велики были бы издержки и расходы.

-- Пожалуй, -- согласился Панург, -- а все-таки, когда враг подступает, не вредно надеть на себя этакую каменную личину, хотя бы для того, чтобы успеть спросить: "Кто там?" А насчет того, что вы говорите, будто постройка стен должна обойтись слишком дорого, то пусть только отцы города выставят мне вина, а уж я научу их самоновейшему и весьма дешевому способу воздвигать стены.

-- Какому же это? -- спросил Пантагрюэль.

-- Вам я его открою, -- сказал Панург, -- только никому про это ни слова. По моим наблюдениям, главные женские приманки здесь дешевле камней. Вот из них-то и надобно строить стены: сперва расставить эти приманки по всем правилам архитектурной симметрии, -- какие побольше, те в самый низ, потом, слегка наклонно, средние, сверху самые маленькие, а затем прошпиговать все это наподобие остроконечных кнопок, как на большой башне в Бурже, теми затвердевшими шпажонками, что обретаются в монастырских гульфиках. Какой же черт разрушит такие стены? Они крепче любого металла, им никакие удары не страшны.

И если даже передки орудий станут об них тереться, -- вот увидите (клянусь Богом), из этих благословенных плодов дурной болезни тут же потечет сок, напоминающий мелкий, да зато спорый дождь. Вот черт их дери! И молния-то в них никогда не ударит. А почему? А потому что они священны и благословенны. Тут есть только одно неудобство.

-- Хо-хо! Ха-ха-ха! Какое же? -- спросил Пантагрюэль.

-- Дело в том, что мухи страсть как любят эти плоды. В одну минуту налетят, нагадят, -- горе нам, горе, папа римский опозорен! Впрочем, и от этого найдется средство: нужно покрыть плоды лисьими хвостами или же большущими причиндалами провансальских ослов. Мы скоро будем ужинать, так вот я вам кстати расскажу занятную историю, которую *frater Lubinus* { Брат Любен (лат.) } приводит в своей книге *De cotpotationibus mendicantium* { "О попойках нищих" (лат.) }.

Однажды, в те времена, когда животные еще умели говорить (то есть дня три тому назад), какой-то злосчастный лев гулял по Бьеврскому лесу и бормотал себе под нос молитвы, а на одном из деревьев, под которыми случилось ему проходить, сидел злой угольщик и обрубал сучья; и вот, увидев льва, угольщик запустил в него топором и сильно

ранил в бедро. Лев на трех ногах бросился в чащу леса в надежде, что кто-нибудь ему поможет, и вскоре повстречал плотника; плотник охотно согласился осмотреть его рану, постарался как можно лучше обмыть ее, наложил туда мху, наказал льву, чтобы тот не давал мухам садиться и гадить на рану, а сам пошел за тысячелистником.

Лев выздоровел, и вот однажды, гуляя в том же самом лесу, увидел он, что какая-то древняя старуха рубит и собирает хворост. При виде льва старушонка со страху грохнулась навзничь, да так, что и платье и сорочка задрались у нее до плеч. Движимый состраданием, лев бросился к ней узнать, не ушиблась ли она, и, узрев непоказанное место, вскричал: "О бедная женщина! Кто тебя так поранил?"

Затем он окликнул и позвал бежавшего мимо лиса: "Лис, куманек! Поди-ка сюда, ты мне нужен по важному делу!" Как скоро лис подошел, лев ему сказал: "Куманек, дружок! Эту бедную женщину опасно ранили между ног, отчего произошел явный перерыв в ее земном бытии. Посмотри, как велика рана, -- от заднего прохода до пупа. Ампулы четыре будет, -- нет, пожалуй, все пять с половиной наберутся. Это ее кто-нибудь пестом так хватил. Рана, по-моему, свежая. Так вот я тебя о чем попрошу: чтобы на нее не надели мухи, обмахивай ее получше хвостом и внутри и снаружи. Хвост у тебя хороший, длинный. Махай, голубчик, пожалуйста, махай, а я пойду наберу мху, чтобы заткнуть рану, -- все мы должны помогать друг другу, так нам Господь заповедал. Махай сильнее! Так, так, дружок, махай лучше, такую рану должно почаще обмахивать, иначе бедной женщине невоготу придется. Махай, куманечек, знай себе махай! Господь недаром дал тебе такой хвост, -- он у тебя большой, с толстым концом. Помахивай и не скучай. Добрый мухоотмахиватель, который, беспрестанно отмахивая мух, махает своим махалом, никогда не будет мухами отмахнут. Махай же, проказник, махай, мой дьячок! Я не стану тебе мешать". Затем он пошел за мхом и, немного отойдя, крикнул: "Махай, махай, куманек! Махай, куманечек, и не сердись, что приходится махать много. Я тебя сделаю платным махателем, хочешь -- при королеве Марии, хочешь -- при доне Педро Кастильском. Только смотри махай! Махай, и все!" Бедный лис усердно махал и так и сяк, и внутри и снаружи, а в это время старая притворщица издавала звуки и смердела, как сто чертей. Несчастный лис находился в весьма затруднительном положении, ибо не знал, как ему повернуться, чтобы благоуханные старухины ветры не дули прямо на него. Когда же он зашел с другой стороны, то увидел, что на зад у нее тоже дыра, не такая, впрочем, большая, как та, которую он обмахивал, и вот из нее-то и исходило это зловонное и отвратительное дуновение.

Наконец лев возвратился, принес мху столько, сколько едва поместилось в восемнадцати вязанках, и начал пропихивать мох палкой; когда же он засунул добрых шестнадцать с половиной вязанок, то пришел в изумление: "Что за черт! Какая глубокая рана! Да туда войдет мху больше двух тележек". Лис, однако ж, остановил его: "Лев, дружище! Будь добр, не запикивай туда весь мох, оставь немножко, -- там, сзади, есть еще одна дырка: вонь оттуда идет, как от сотни чертей. Я задыхаюсь от этого мерзкого запаха".

Так вот почему должно охранять эти стены от мух и иметь платных мухоотмахивателей.

Тут Пантагрюэль обратился к Панургу с вопросом:

-- Откуда ты выдумал, будто женские срамные части здесь так дешевы? В этом городе много женщин недоступных, целомудренных, а равно и девственниц.

-- Et ubi prenis? { А где вы их возьмете? (искаж. лат.) } -- спросил Панург. -- Я вам сейчас выскажу не мое личное мнение, -- таково действительное положение вещей. Скажу, не хвастаясь: я успел поддеть на удочку четыреста семнадцать с тех пор, как я в этом городе, а я и всего-то здесь девять дней, и вот только нынче утром встретился мне один добрый человек, который нес в переметной суме, вроде Эзоповой, двух девочек по третьему, от силы -- по четвертому годiku, одну -- впереди, другую -- сзади. Он попросил у меня милостыню, я же ему на это ответил, что у меня куда больше яиц, чем денег, а потом спросил: "Добрый человек! Что, эти две девочки -девственницы?" -- "Братец! -- отвечал он. -- Я вот уже два года как их ношу, и если говорить о той, которая впереди, потому как она всегда у меня

перед глазами, то она вроде как будто девственница, -- впрочем, руку на отсечение я за это не дам. А насчет той, которая сзади, ничего определенного сказать не могу".

-- Какой же ты славный малый! -- воскликнул Пантагрюэль. -- Я велю одеть тебя в ливрею моих фамильных цветов.

И он, точно, вырядил Панурга по последней моде; Панург только пожелал, чтобы гульфик на его штанах был в три фута длиною, и притом не круглый, а четырехугольный, что и было исполнено, и на Панурга после этого было одно удовольствие смотреть. И сам Панург часто говаривал, что род человеческий еще не знает всех преимуществ и всей пользы длинного гульфика, но со временем он-де это поймет, ибо все полезные вещи изобретаются в свое время.

-- Да хранит Господь того, кому длинный гульфик спас жизнь! -- твердил он. -- Да хранит Господь того, кому длинный гульфик принес в один день сто шестьдесят девять тысяч эку! Да хранит Господь того, кто благодаря своему длинному гульфику спас целый город от голодной смерти! Нет, ей-Богу, когда у меня будет больше свободного времени, я непременно напишу книгу Об удобствах длинных гульфиков!

И точно: он написал большую прекрасную книгу с картинками, однако, сколько мне известно, в свет она еще не вышла.

ГЛАВА XVI. О нраве и обычае Панурга

Панург был мужчина лет тридцати пяти, среднего роста, не высокий, не низенький, с крючковатым, напоминавшим ручку от бритвы носом, любивший оставлять с носом других, в высшей степени обходительный, впрочем слегка распутный и от рождения подверженный особой болезнью, о которой в те времена говорили так:

Безденежье -- недуг невыносимый.

Со всем тем он знал шестьдесят три способа добывания денег, из которых самым честным и самым обычным являлась незаметная кража, и был он озорник, шулер, кутила, гуляка и жулик, каких и в Париже немного.

А в сущности, чудеснейший из смертных.

И вечно он строил каверзы полицейским и ночному дозору. Соберет иной раз трех-четыре парней, напоит их к вечеру, как тамплиеров, отведет на улицу св. Женевьевы или к Наваррскому коллежу, и как раз перед тем, как здесь пройти ночному дозору, -- о чем Панург догадывался, положив сначала шпагу на мостовую, а потом приложив ухо к земле: если шпага звенела, то это было непреложным знаком, что дозор близко, -- Панург и его товарищи брали какую-нибудь тележку, раскачивали ее изо всех сил и пускали с горы прямо под ноги ночному дозору, отчего бедные дозорные валились наземь, как свиньи, а в это время Панург с товарищами убегали в противоположную сторону: должно заметить, что и двух дней не прошло, а Панург уже знал все парижские улицы и закоулки, как Deus det { Боже, ниспошли [нам мир свой] (лат.) }.

Иной раз в таком месте, которого ночному дозору никак нельзя было миновать, он насыпал порошу, потом, завидев дозор, поджигал, а потом с удовлетворением смотрел, какую легкость движений выказывают караульные, вообразившие, что ноги им жжет антонов огонь.

Особенно доставалось от него несчастным магистрам наук и богословам. Встретит, бывало, кого-нибудь из них на улице -- и не преминет сделать гадость: одному насыплет навозу в шляпу, другому привесит сзади лисий хвост или заячьи уши, а не то придумает еще какую-нибудь пакость.

В тот день, когда всем богословам было ведено явиться в Сорбонну на предмет раскумекивания догматов, он приготовил так называемую бурбонскую смесь -- смесь чеснока, гальбанума, асафетиды, кастореума и теплого навоза, подлил туда гною из злокачественных нарывов и рано утром густо намазал этой смесью всю мостовую -- так, чтобы самому черту стало невмочь. И уж как начали эти добрые люди драться при всех козла, так все нутро свое здесь и оставили. Человек десять -- двенадцать умерли потом от чумы, четырнадцать заболели проказой, восемнадцать покрылись паршой, а более двадцати семи подхватили дурную болезнь.

Панург, однако ж, и в ус себе не дул. Он имел обыкновение носить под плащом хлыст и этим хлыстом немилосердно стегал молодых слуг, чтобы они попроворней несли вино своим хозяевам.

В его куртке насчитывалось более двадцати шести карманчиков и карманов, и все они у него были набиты:

в одном из них хранились свинцовая игральная кость и острый, как у скорняка, ножичек, которым он срезал кошельки;

в другом -- сосуд с виноградным соком, которым он прыскал в глаза прохожим;

в третьем -- головки репейника с воткнутыми в них гусиными и петушьими перышками, -- он сажал их добрым людям на плащ или же на шляпу, а еще он любил приделывать людям рожки, с которыми они потом так и ходили по всему городу, а иногда и всю жизнь; дамам он тоже прицеплял их к головному убору, сзади, -- в виде мужской принадлежности;

в четвертом -- уйма пакетиков со вшами и блохами, -- он собирал их у нищей братии на кладбище Невинноубиенных младенцев, а затем при помощи тростинок или перьев, которыми пишут, стряхивал на воротнички наиболее жеманным девицам, преимущественно в церкви; к слову сказать, в церкви он никогда не поднимался на хоры, -- он предпочитал и за обедней, и за вечерней, и во время проповеди быть внизу, среди женщин;

в пятом -- множество крючков и крючочков, которыми он любил сцеплять мужчин и женщин, стоявших тесной толпой, главным образом тех женщин, которые носили платья из тонкой тафты, -стоило им дернуться, и платье -- в клочья;

в шестом -- коробочка с трутом, огнивом, кремнем и тому подобными приспособлениями;

в седьмом -- два-три зажигательных стекла, которыми он иной раз доводил до бешенства мужчин и женщин и заставлял их забывать, что они находятся в храме; недаром Панург говорил, что женщина, которая не умеет обиды терпеть, в гневе способна и за обедней п . . . ть, -- разница, мол, только в нескольких буквах;

в восьмом -- запас ниток и иголок, с помощью которых он черт знает чего только не вытворял.

Однажды, заметив, что в Большом зале суда монах-францисканец собирается служить мессу, Панург вызвался помочь ему одеться и облачиться, но, снаряжая его, он ухитрился пришить его ризу к рясе и к сорочке, а как скоро члены суда расселись по местам в ожидании службы, он поспешил удалиться. И вот когда бедный *frater* {Брат (лат.) }, произнеся *Ite, missa est* { Идите, обедня окончена (лат.) } стал снимать с себя ризу, то с нею вместе совок и рясу и сорочку, так как все это было одно к другому накрепко пришито, и, оголившись до плеч, обнаружил перед всеми свои украшения, должно полагать внушительных размеров. И чем решительнее *frater* все это с себя стаскивал, тем больше обнажался, пока наконец один из членов суда не возопил: "Что же это такое? Уж не думает ли честной отец, что мы станем прикладываться к его задку? Нет, пусть антонов огонь его в зад поцелует!" С тех пор бедным честным отцам ведено было разоблачаться только у себя в ризнице, но ни в коем случае не при всех, особенно не при женщинах, дабы не вводить их в соблазн. Когда же кто-нибудь спрашивал, отчего это у фратеров такие длинные уды, Панург всякий раз отлично разрешал проблему.

-- У ослов оттого длинные уши, -- пояснял он, -- что их матки, как утверждает *De Alliaco* в своих *Suppositiones*, не надевают им на голову чепчика. На том же самом основании причинное место у святых отцов оттого такое длинное, что они не носят подштанников, -- бедному монашескому уду предоставлена полная свобода, вот он и болтается, как неприкаянный, у них на коленях, ни дать ни взять четки у женщин. А большой он у них оттого, что благодаря этому болтанию к нему притекают все телесные соки, ибо, как утверждают законоведы, волнение и движение вызывают притяжение.

Item еще один карман у Панурга был набит квасцами, -- эти квасцы он сыпал самым чопорным женщинам за воротник, отчего некоторые из них вынуждены были при всех

раздеваться, другие плясали, как петух на угольях, третьи катались, как бильярдный шар по барабану, четвертые бегали по улицам, Панург же устремлялся за ними, и тем из них, которые раздевались, он, как учтивый и любезный кавалер, набрасывал на спину плащ.

Item еще в одном кармане у него была склянка с деревянным маслом, и когда он встречался с нарядно одетой дамой или же мужчиной, то, делая вид, будто пробует ткань на ощупь, замасливал и портил самые видные места на платье, да еще приговаривал: "Ах, какое хорошее сукно, какой хороший атлас, какая хорошая тафта, сударыня! Пошли вам Бог все, что вашей душеньке угодно, -- новое платье, нового дружка! Храни вас Господь!" С этими словами он клал даме руку на воротник. И несмываемое сальное пятно, остававшееся на платье, так прочно потом въедалось в душу, в тело и в доброе имя, что сам черт его бы не свел. А Панург говорил на прощанье: "Смотрите, сударыня, не упадите, тут впереди большая грязная лужа".

Еще в одном кармане хранился у него растертый в порошок молочай, и в тот же карман он клал изящной работы хорошенький носовой платочек, который он в рядах Сент-Шанель стянул у одной пригожей торговки, когда снимал у нее с груди вошь, -- вошь эту он, кстати сказать, сам же ей и посадил. Находясь в обществе порядочных женщин, Панург всякий раз заговаривал о рукоделье, клал руку даме на грудь и спрашивал: "Это фламандские вышивки или же из Эно?" Затем он доставал свой носовой платок. "Полюбуйтесь, полюбуйтесь, вот это работа! -- говорил он. -- Не то из Пипиньяна, не то из Какассоны!" Тут он изо всех сил встряхивал платок перед самым носом у дам, отчего те чихали четыре часа без передышки. Сам же он в это время пукал, как жеребец, а дамы со смехом спрашивали:

-- Панург! Да вы что это, пукаете?

-- Помилуйте, сударыня, -- отвечал он, -- я подбираю аккомпанемент к песенке, которую вы выводите носом.

Еще в одном кармане находились у него отвертки, отмычки, клещи и прочие тому подобные орудия, против которых ни одна дверь и ни один сундук устоять не могли.

Еще один карман был у него набит бирюльками, играл же он в них мастерски, ибо пальцы у него были гибкие, как у Минервы или же у Арахны, и в былые времена он даже показывал на улицах фокусы, а когда он менял тестон или же какую-нибудь другую монету, то, будь меняла проворнее самого Муша, все равно у него каждый раз бесследно исчезали пять-шесть бланков, так что он ощущал лишь дуновение ветра, поднимавшегося при их исчезновении, -- а все быстрота и ловкость Панурговых рук, и притом никакого мошенничества!

ГЛАВА XVII. О том, как Панург приобретал индульгенции, как он выдавал замуж старух и какие процессы вел он в Париже

Однажды, заметив, что Панург чем-то слегка озабочен и не склонен поддерживать разговор, я решил, что причиной тому безденежье, и обратился к нему с такими словами:

-- Судя по выражению вашего лица, Панург, вы больны, и я догадываюсь, чем именно: ваша болезнь называется истощением кошелька. Но вы не беспокойтесь: у меня есть приبلудные шесть с половиной су, -- полагаю, они для вас будут не лишними.

Панург же мне на это ответил так:

-- Э, что деньги? Прах! В один прекрасный день мне их девать некуда будет, -- ведь у меня есть философский камень, он притягивает к себе деньги из чужих кошельков, как магнит -железо. А может быть, вы желаете приобрести индульгенцию? -спросил он.

-- Даю вам слово, я не очень-то гонюсь за отпущением грехов на этом свете, -- отвечал я, -- посмотрим, что будет на том. Впрочем, пожалуй, но только, по чести, я готов затратить на индульгенцию один денье, ни больше ни меньше.

-- Ссудите и мне один денье под проценты, -- сказал он.

-- Нет, нет, -- сказал я, -- я просто даю вам его взаймы, от чистого сердца.

-- Grates vobis, Dominos, -- сказал он.

Мы начали с церкви св. Гервасия, и там я купил только одну индульгенцию, ибо по части индульгенций я довольствуюсь малым, и прочитал несколько кратких молитв св.

Бригитте, меж тем как Панург покупал индульгенции у всех продавцов и с каждым из них неукоснительно расплачивался.

Затем мы побывали в Соборе Богоматери, у св. Иоанна, у св. Антония и во всех других церквах, где только продавались индульгенции. Я больше не купил ни одной, а он прикладывался ко всем мощам и везде платил. На возвратном пути мы с ним зашли в кабачок "Замок", и он показал мне не то десять, не то двенадцать своих карманов: они были полны денег. Тут я перекрестился и спросил:

-- Как это вам удалось в такое короткое время набрать столько денег?

Он же мне ответил, что понатаскал их с блюд, на которых лежат индульгенции.

-- Когда я клал на блюдо первый денье, -- пояснил он, -- у меня это так ловко вышло, что сборщику показалось, будто я положил крупную монету. Потом я одной рукой захватил десяток денье, -- а может, и десяток лиаров, а уж за десяток дублей-то я ручаюсь, -- другой же рукой -- целых три или даже четыре десятка, и так во всех церквах, в которых мы с вами побывали.

-- Да, но вы обрекаете себя на вечные муки, как змей искушитель, -- заметил я. -- Вы -- вор и святотатец.

-- По-вашему так, а по-моему не так, -- возразил он. -- Ведь продавцы индульгенций сами мне дают эти деньги, -- они предлагают мне приложиться к мощам и говорят при этом: "Centuplum accipies" {"Сторицей воздастся тебе" (лат.) }. Это значит, что за один денье я имею право взять, сто, ибо слово accipies здесь следует понимать так, как его толкуют евреи, которые вместо повелительного наклонения употребляют будущее время. Могу вам привести пример из закона; Diliges Dominum и Dilige {"Ты возлюбишь Господа" и "Возлюби" (лат.) }. Поэтому, когда индульгенщик мне говорит: "Centuplum accipies", то он хочет этим сказать: "Centuplum accipe" {"Сторицей воздай себе" (лат.) }, я в таком именно духе толкуют эти слова раввины Кимхи, Абен Эзра, разные там масореты и рассуждает ibi {"Об этом" (лат.)} Бартол. Да и потом сам папа Сикст пожаловал мне ренту в полторы тысячи франков из церковных доходов за то, что я вылечил его от злокачественной опухоли, которая так его мучила, что он боялся остаться хромым на всю жизнь. Вот я сам себе, своими руками, и выплачиваю эту ренту из церковных доходов. Ах, мой друг! -- продолжал он. -- Если б вы знали, как я нагрел руки на крестовом походе, вы бы ахнули от изумления! Я заработал на нем более шести тысяч флоринов.

-- Куда же они девались, черт побери? -- вскричат я. -- Ведь у вас ничего не осталось.

-- Девались туда, откуда явились, -- сказал он, -- переменяли хозяина, только и всего. Самое меньшее три тысячи из этих денег я израсходовал на бракосочетания, но только не юных девиц, -- у этих от женихов отбою нет, -- а древних, беззубых старух, ибо я рассуждал так: "Эти почтенные женщины в молодости даром времени не теряли, рады были угодить первому встречному, пока уж сами мужчины не стали ими брезговать, так пускай же, черт побери, перед смертью они еще разок побарахтаются". На сей предмет я одной давал сто флоринов, другой сто двадцать, третьей триста, смотря по тому, насколько они были гнусны, отвратительны и омерзительны, ибо чем они были ужаснее и противнее, тем больше приходилось им давать денег, иначе сам черт бы на них не польстился. Затем я шел к какому-нибудь дюжему и ражему носильщику и заключал брачную сделку; однако ж, прежде чем показать старуху, я показывал ему экую и говорил: "Послушай, братец, если ты согласишься хорошенько нынче поерзать, то все это будет твое". Потом я выставлял хорошее угощение, лучшие вина и как можно больше пряностей, чтобы раззадорить и разгорячить старух. Благодаря этому они трудились не хуже других, только по моему распоряжению самым из них уродливым и безобразным закрывали лицо мешком. Помимо всего прочего, я много издержал на судебные процессы.

-- Какие еще процессы? -- спросил я. -- Ведь у вас же ни кола ни двора.

-- Друг мой, -- отвечал он, -- местные девицы по наущению дьявола изобрели высокие воротники, закрывающие даже шею, так что руку некуда просунуть, -- сзади застежка, а спереди все закрыто, -- разумеется, бедным любовникам, вздыхателям и созерцателям это не

понравилось В один прекрасный вторник я подал в суд на этих девиц и в своем прошении я указал, какой громадный ущерб наносит это моим интересам, и предупреждал, что если суд не примет надлежащих мер, то я на том же самом основании пришью себе гульфик сзади. Коротко говоря, девицы объединились, выставили свои причины и поручили ведение дела своему поверенному. Однако ж я за себя постоял, и в конце концов суд разрешил девицам носить высокие воротники, но с условием, что они будут оставлять спереди небольшой вырез.

Еще у меня был весьма грязный и дурно пахнущий процесс с магистром Фи-фи и его единомышленниками: я предъявил требование, чтобы они не читали украдкой по ночам Бочку с золотом и отхожие, то бишь отдельные места из Сентенций, - пусть, мол, читают их белым днем, в Сорбонне, в присутствии всех богословов, -- а суд приговорил меня к уплате издержек за то, что я не соблюл какой-то формальности по отношению к приставу.

В другой раз я подал в суд на мулов председателей, советников и других лиц и потребовал, чтобы советницы сшили им слюнявки, а то они запаковали своей слюной двор при суде, куда их ставят грызть удила, и из-за этого слуги судебных лишены возможности располагаться со всеми удобствами на мощеном дворе и играть в кости или же в чертышалки, не боясь запачкать колени. Я это дело выиграл, но стоило оно мне немало. А затем прикиньте-ка, во что мне обходятся ежедневные угощения этих самых слуг.

-- А зачем вы это делаете? -- спросил я.

-- Друг мой! -- сказал Панург. -- У вас нет никаких развлечений, а у меня их больше, чем у самого короля. Давайте объединимся, -- вот уж тогда мы наделаем дел!

-- Нет, нет, -- сказал я, -- клянусь святым Петлионом, когда-нибудь вас повесят!

-- А вас когда-нибудь похоронят, -- заметил Панург. -- Что же, по-вашему, почетнее: воздух или земля? Эх вы, шляпа! Сам Христос висел в воздухе. Пока слуги пируют, я сторожу их мулов и некоторым подрезаю стременные ремни так, чтобы они держались на ниточке. Потом какой-нибудь разжиревший советник или кто-нибудь еще в этом роде вспрыгнет на мула -- ан, глядь, уж и валяется, как свинья, все на него смотрят, и смеху тут бывает побольше, чем на сто франков. А я смеюсь больше всех, потому что, когда советник вернется домой, он велит измолотить верного своего слугу, как недоспелую пшеницу. Вот почему я никогда не жалею, что потратился на угощение.

Одним словом, Панург знал не только, как уже было сказано, шестьдесят три способа добывать деньги, но и целых двести четырнадцать способов их тратить, не считая расходов на замаривание червячка.

ГЛАВА XVIII. О том, как один великий английский ученый пожелал диспутировать с Пантагрюэлем и был побежден Панургом

На этих же днях один ученый муж по имени Таумаст, до которого докатилась молва и слава о беспримерной Пантагрюэлевой учености, прибыл из Англии единственно для того, чтобы повидать Пантагрюэля, подвергнуть испытанию его ученость и удостовериться, такова ли она на самом деле, как о ней толкуют. И вот по приезде в Париж он тотчас же отправился к Пантагрюэлю, проживавшему в подворье Сен-Дени, а Пантагрюэль в это время гулял с Панургом в саду и философствовал по способу перипатетиков. В первое мгновение, увидев, что Пантагрюэль такой огромный и высоченный, англичанин задрожал от страха; затем, как полагается, поздоровался с ним и повел такую учтивую речь:

-- Известно, что Платон, царь философов, заметил, что когда бы мудрость и наука приняли телесные, зримые очертания, то весь мир был бы повергнут в полное смятение, ибо достаточно слуху об этом распространиться и дойти до тех пытливых и любознательных умов, которые именуются философами, чтобы они мгновенно лишились сна и покоя, -- так неодолимо влечет и тянет их к человеку, в коем наука воздвигла свой храм и чьими устами она глаголет. И наглядный пример тому являет нам, во-первых, царица Савская, приходившая от пределов Востока и моря Персидского увидеть дом Соломона и послушать мудрости его; во-вторых, Анахарсис, пришедший из Скифии в Афины, чтобы увидеть Солона; затем Пифагор, посетивший прорицателей мемфисских; затем Платон, посетивший

магов египетских и Архита Тарентского; затем Аполлоний Тианский, достигший гор Кавказа, прошедший Скифию, землю массагетов, Индию и проплывший великую реку Фисон до брахманов, чтобы увидеть Гиарха, и прошедший Вавилонию, Халдею, Мизию, Ассирию, землю парфян, Сирию, Финикию, Аравию, Палестину, Александрию, вплоть до Эфиопии, чтобы увидеть гимнософистов. Так же точно из сопредельных держав -- Франции и Испании -- стекались ученые люди в Рим, чтобы повидать и послушать Тита Ливия. Себя я не смею отнести к числу и разряду людей столь совершенных, -- я лишь хочу прослыть человеком любознательным, поклонником не только науки, но и ученых. И вот, как скоро до меня долетел слух о бесценных твоих познаниях, я оставил отечество, родных и дом свой и, невзирая на дальность расстояния и утомительность морского путешествия в страну, мне к тому же неведомую, устремился сюда единственно для того, чтобы повидать тебя и побеседовать с тобою о некоторых вопросах философии, геомантии и каббалы, кои мне не ясны и пред коими мой разум бессилен; если же ты сумеешь их разрешить, то я и все мое потомство будем с той минуты твоими рабами, ибо ничем иным я не смогу тебя как должно отблагодарить. Вопросы эти я изложу в письменной форме и завтра же оповещу всех здешних ученых, дабы мы могли диспутировать публично, в их присутствии. Диспутировать же я предлагаю таким образом. Я не хочу диспутировать *pro* и *contra*, как диспутируют глупые софисты здесь, у вас, и в других местах. Так же точно я не хочу диспутировать ни в декламационной манере академиков, ни посредством чисел, как диспутировал Пифагор и как намеревался диспутировать в Риме Пико делла Мирандола, -- я хочу диспутировать только знаками, молча, ибо все эти предметы до того трудны, что слова человеческие не выразят их так, как бы мне хотелось. Того ради пусть твое величие соизволит явиться на диспут. Он будет происходить в Большом зале Наваррского коллежа в семь часов утра.

Когда он кончил свою речь, Пантагрюэль с большим достоинством ему ответил:

-- Милостивый государь! Я охотно делюсь с каждым теми дарами, коими меня наделил Господь, так как всякое благо исходит от него и так как ему угодно, чтобы оно приумножалось среди людей, достойных и способных воспринять небесную манну благородных знаний, ты же, по моим сведениям, в настоящее время занимаешь среди них первое место, а потому я тебе объявляю, что я когда угодно готов, сколько мне позволят мои скромные силы, ответить на любой из твоих вопросов, хотя, впрочем, не ты у меня должен учиться, а я у тебя, но уж раз ты сам предложил, то мы с тобой побеседуем о неясных для тебя вопросах и постараемся найти решение на дне того неисчерпаемого кладезя, в котором, как сказал Гераклит, таится истина. Я вполне одобряю предложенный тобою способ диспутировать молча, посредством знаков, ибо мы и так друг друга поймем, и у нас не будет рукоплесканий, к коим прибегают во время диспутов бездельники софисты, когда им нравится аргументация. Итак, завтра я не премину явиться в указанный час куда ты мне назначил, но только уговоримся заранее, что мы с тобой не поссоримся и не повздорим, ибо не почестей и не рукоплесканий ищем мы, а только истины.

Таумаст же ему на это ответил так:

-- Милостивый государь! Господь да не оставит тебя своими щедротами и воздаст тебе за то, что твое величие соизволило снизойти к моему ничтожеству. Итак, прощай, до завтра!

-- Прощай! -- сказал Пантагрюэль.

Любезные мои читатели! Вы не можете себе представить, какие высокие и возвышенные мысли посещали всю ночь и Таумаста и Пантагрюэля. В конце концов помянутый Таумаст, остановившийся в подворье Ключи, сказал привратнику, что никогда еще его так не томила жажда.

-- У меня такое чувство, точно Пантагрюэль хватает меня за горло, -- признался он. -- Сделайте милость, прикажите подать вина и, чтобы пополоскать горло, холодной воды.

Пантагрюэль был крайне возбужден и всю ночь просидел над:

Книгой Беды *De numeris et signis* {"О числах и знаках" (лат.)},

Книгой Плотина *De inenarrabilibus* {"О вещах, изложению не поддающихся" (лат.)},

Книгой Прокла De magia { "О магии" (лит.) },
Книгами Артемидора Peri onirocraticon { "Об истолковании снов" (греч.) },
Анаксагора Peri semion { "О знаках" (греч.) },
Инария Peri aphata { "О невыразимом" (греч.) },
Книгами Филистимона,
Гиппонакта Peri anecphoneton { "О вещах, кои следует обходить молчанием" (греч.) },
и множеством других, пока наконец Панург не сказал:

-- Сеньор! Выкиньте вы все это из головы и ложитесь спать. Вы чересчур возбуждены, -- боюсь, как бы у вас от переутомления мозга не сделалась горячка. Прежде, однако ж, хлебните разиков двадцать пять -- тридцать, да и спите себе сколько влезет, а утром на диспуте с господином англичанином вместо вас выступлю я, и если я не доведу его ad metan pop loqui { До рубежа безмолвия (средневеков. лат.) } можете меня обругать.

-- Панург, друг мой! -- возразил Пантагрюэль. -- Но ведь он же человек на редкость образованный. Под силу ли будет тебе с ним тягаться?

-- Еще как под силу! -- молвил Панург. -- Кончен разговор, -- предоставьте все мне. Кто образованнее чертей?

-- Разумеется, никто, кроме тех, кого коснулась божественная благодать, -- отвечал Пантагрюэль.

-- Со всем тем, -- продолжал Панург, -- я много раз выступал против чертей -- и всех их положил на обе лопатки и посадил в лужу. Так что можете быть уверены: завтра у меня этот знаменитый англичанин публично обкакается.

Панург всю ночь пьянствовал со слугами и играл с ними в primus et secundus и в палочки, а расплачивался застегками от штанов. Когда же условленный час настал, он пошел со своим господином в указанное место, а там уже собрались все парижане, и стар и млад, -- можете мне поверить.

"Хоть этот чертов Пантагрюэль и одолел всех болтунов и желторотых сорбоннашек, -- думали они, -- но уж на сей раз ему достанется на орехи: ведь англичанин-то сущий черт из Вовера. Посмотрим, кто кого".

Итак, все были в сборе, Таумаст их ждал, и когда Пантагрюэль с Панургом вошли в залу, все школяры, и младшие и старшие, по своей дурацкой привычке захлопали в ладоши. Пантагрюэль, однако ж, на них гаркнул, да так, что голос его был подобен выстрелу из двойной пушки:

-- Тише, черт побери, тише! Клянусь Богом, мерзавцы, если вы будете меня раздражать, я вам всем отсеку головы.

При этих словах собравшиеся обмерли и больше уж кашлянуть не смели, словно каждый из них проглотил пятнадцать фунтов перьев, и хотя они успели крикнуть всего один раз, но пить всем захотелось отчаянно, и от жажды все высунули языки на полфута, как будто Пантагрюэль насыпал им в рот соли.

Тут Панург обратился к англичанину:

-- Милостивый государь! Ты прибыл сюда для того, чтобы заводить перебранку по поводу поставленных тобою вопросов, или же для того, чтобы поучиться и познать истину?

Таумаст же ему на это ответил:

-- Милостивый государь! Меня привело сюда бескорыстное желание поучиться и познать то, в чем я всю жизнь сомневался, ибо до сих пор ни одна книга и ни один человек не смогли разрешить мои сомнения. Заводить же из-за чего-либо перебранку я не намерен, -- это ниже моего достоинства, -- пусть этим занимаются каналы софисты, сорбоннии, сорбоннолухи, сорбоннщики, сорбонники, сорбоннилы, сорбоннавцы, сорбоннобники, бросонники, росбонники, ищущие на диспутах не истины, но противоречий и разногласий.

-- Итак, -- продолжал Панург, -- я, скромный ученик моего наставника, господина Пантагрюэля, попытаюсь убоготворить тебя и удовлетворить всем и во всем, а потому нам незачем беспокоить его самого. Пусть лучше он возьмет на себя обязанности председателя, рассудит нас и окончательно рассеет твои сомнения, если ты найдешь, что я не удовлетворил

твоей любознательности.

-- Отлично придумано, -- заметил Таумаст. -- Начинай же!

Надобно вам знать, что у Панурга на конце длинного гульфика красовалась кисточка из красных, белых, зеленых и синих шелковых нитей, а в самый гульфик он положил большущий апельсин.

ГЛАВА XIX. О том, как Панург положил на обе лопатки англичанина, диспутировавшего знаками

Тут собравшиеся приготовились внимательно слушать, англичанин же высоко поднял сперва одну руку, потом другую, сложил кончики пальцев в виде куриной ж..ки, как выражаются в Шиноне, и четыре раза подряд провел ногтями то по одной руке, то по другой, затем разжал пальцы и ладонью одной руки оглушительно хлопнул по другой. Потом опять соединил руки, потом дважды хлопнул в ладоши и четыре раза сжал и разжал пальцы; затем опять сложил руки и, словно взывая к Богу, воздел их.

Вдруг Панург поднял правую руку, засунул большой ее палец в правую же ноздрю, а остальные четыре пальца сжал и вытянул на уровне кончика носа, левый глаз совершенно закрыл, а правый прищурил, низко опустив и бровь и веко; затем высоко поднял левую руку, плотно сжал и вытянул четыре пальца, а большой палец поднял, после чего левая его рука приняла такое же точно положение, как и правая, отделяло же их одну от другой расстояние в полтора локтя. Потом он опустил обе руки, а затем поднял до уровня плеч и как бы нацелился в нос англичанину.

-- Но если Меркурий... -- начал было англичанин.

Однако ж Панург перебил его:

-- Маска, вы заговорили!

Тогда англичанин сделал вот какой знак: он высоко поднял раскрытую левую руку, сжал в кулак четыре пальца, а большой палец вытянул и приставил к кончику носа. Потом быстрым движением поднял раскрытую правую руку и, не сжимая, опустил, приставил большой палец к мизинцу левой, а другими четырьмя пальцами левой руки начал медленно двигать, потом наоборот: правой сделал то, что раньше проделывал левой, а левой -- то, что раньше проделывал правой.

Панург не растерялся: левой рукой он приподнял свой преогромный гульфик, а правой вынул оттуда кусок бычьего ребра и две одинаковой формы палочки, одну -- черного дерева, другую -- красного бразильского дерева, симметрично расположил их между пальцами и, ударя одну о другую, стал издавать звук, напоминающий погремушки бретонских прокаженных, более, однако же, сильный и приятный для слуха, и при этом он еще, не спуская глаз с англичанина, весело прищелкивал языком.

По мнению богословов, врачей и хирургов, этот знак указывал, что англичанин болен проказой.

По мнению же советников, законовевов и знатоков канонического права, этим он хотел сказать, что и прокаженный может быть по-своему счастлив, как то некогда открыл нам Господь.

Англичанин этим не смутился: он поднял обе руки, три главных пальца сжал, затем пропустил большие пальцы между указательными и средними, мизинцы же вытянул во всю длину и поднес к лицу Панурга, а потом соединил руки так, что большой палец правой касался большого пальца левой, а мизинец левой - мизинца правой.

Панург, не долго думая, поднял руки и сделал вот какой знак: он приставил ноготь указательного пальца левой руки к ногтю большого пальца той же руки, так что внутри образовалось как бы колечко, а все пальцы правой, за исключением указательного, сжал в кулак, указательный же он то совал в это колечко, то вынимал. Потом вытянул указательный и средний пальцы левой руки, раздвинул их сколько мог и протянул Таумасту. Затем, вытянув левую руку наподобие птичьего крыла или же рыбьего плавника и приставив большой палец этой руки к углу левого глаза, стал тихонечко двигать левой рукой то туда, то сюда; потом то же самое проделал он правой рукой, приставив палец к углу правого глаза.

Таумаст побледнел, задрожал и сделал вот какой знак: средним пальцем правой руки ударил по тому месту, откуда растет большой палец, а затем указательный палец правой руки всунул в кольцо, которое он по примеру Панурга образовал на левой руке, но только в верхнюю часть кольца, а не в нижнюю, как это делал Панург.

Тут Панург хлопнул в ладоши, свистнул в кулак, потом опять всунул указательный палец правой руки в кольцо левой и быстро-быстро начал шевелить им. После этого он выставил вперед подбородок и пристально посмотрел на Таумаста.

Зрители до сих пор ничего не понимали в этих знаках, но тут они отлично поняли, что Панург обратился к Таумасту с безмолвным вопросом:

-- Что вы на это скажете?

Таумаст же сильно вспотел и имел теперь вид человека, погрузившегося в созерцание. Потом его вдруг осенило, и он приложил ногти левой руки к ногтям правой, затем расставил пальцы полукругом, а затем постарался как можно выше поднять обе руки.

В ответ на это Панург подпер челюсть большим пальцем правой руки, а мизинец той же руки вставил в кольцо левой и при этом весьма мелодично начал стучать нижними зубами о верхние.

Таумаст от великого напряжения вскочил, но, вскочив, трахнул так, что стены задрожали, обмочился и испортил воздух, как все черти, вместе взятые. Собравшиеся стали зажимать носы, оттого что он еще и обделался от волнения. Затем он поднял правую руку и сложил вместе кончики пальцев, а левую приложил к груди.

В ответ на это Панург потянул за свой длинный гульфик с кисточкой, растянул его на полтора локтя и левой рукой подержал некоторое время на весу, правой же рукою достал апельсин и, семь раз подбросив его, на восьмом разе зажал в кулак правой руки, а самую руку поднял, и некоторое время она у него оставалась неподвижной; затем начал трясти прекрасным своим гульфиком, привлекая к нему внимание Таумаста.

Тогда Таумаст надул щеки, точно волынщик, и столь шумно принялся выпускать воздух, словно он надувал свиной пузырь.

В ответ на это Панург вставил один из пальцев левой руки себе в зад, а ртом втянул воздух с таким присвистом, как будто бы высасывал устрицу из раковины или же ел суп; затем чуть приоткрыл рот и ладонью правой руки хлопнул себя по губам, глубоко и шумно вздохнув, как если бы этот вздох с поверхности диафрагмы прошел через его трахею, и повторил он это шестнадцать раз подряд.

А Таумаст между тем дышал, как гусь. Тогда Панург засунул указательный палец правой руки себе в рот и, напрягши мускулы рта, крепко его зажал, а затем вытащил с громким звуком, напоминающим выстрел из игрушечной пушечки, из которой мальчишки стреляют редиской, и проделал он это девять раз подряд. Вдруг Таумаст воскликнул:

-- А-а, милостивые государи, я понял, в чем тут секрет! Это самоуглубление!

С последним словом англичанин выхватил свой кинжал и некоторое время держал его острием вниз.

В ответ на это Панург уцепился за край своего длинного гульфика и изо всех сил стал трясти им на уровне бедер, затем, сцепив пальцы обеих рук наподобие гребня, положил руки на голову, язык же при этом высунул сколько мог, а глаза закатил, точно околевающая коза.

-- А, понимаю! -- сказал Таумаст. -- Ну, а это?

И он приставил рукоять кинжала к груди, а к острию поднес ладонь, пальцы же слегка согнул.

В ответ на это Панург склонил голову влево, приставил средний палец к правому уху, а большой палец поднял вверх. Затем скрестил руки на груди, пять раз кашлянул, а на пятом разе топнул ногой. Затем поднял левую руку и, сжав пальцы в кулак, приставил костяшку большого пальца ко лбу, а правой рукой шесть раз ударил себя в грудь.

Таумаст, по-видимому не удовлетворенный, приставил большой палец левой руки к кончику носа, а другие пальцы той же руки сжал в кулак.

Тогда Панург приставил два главных пальца к углам рта, растянул его сколько мог и

оскалил зубы, а затем большими пальцами сильно надавил на веки и скорчил, как показалось собравшимся, довольно неприятную рожу.

ГЛАВА XX. О том, как Таумаст расхваливал Панурговы добродетели и ученость

После этого Таумаст встал и, сняв шапочку, вполголоса выразил Панургу благодарность, а затем, обратясь ко всему собранию, заговорил громко:

-- Милостивые государи! Сейчас вполне уместно будет привести слова Евангелия: *Et esse plus quam Salomon hic* { И вот перед вами больше, нежели Соломон (лат.)}. Здесь перед вами сокровище бесценное: я имею в виду монсеньора Пантагрюэля, слава которого привлекла меня сюда из глубины Англии, ибо я жаждал побеседовать с ним о занимавших мое воображение неразрешимых вопросах магии, алхимии, каббалы, геомантии, астрологии а равно и философии.

В настоящее время, однако ж, я досаую на его славу, -мне кажется, она завидует ему, ибо она не соответствуя и тысячной доле того, что есть в действительности.

На ваших глазах даже не он сам, а его ученик удовлетворил меня вполне, сообщил мне больше, чем я у него спрашивал, и, сверх того, вызвал во мне и тут же разрешил новые глубокие сомнения. Смею вас уверить, что он открыл предо мной истинный кладезь и бездну энциклопедических знаний, открыл таким способом, элементарного представления о котором, казалось мне, никто на свете еще не имеет, -- я говорю о нашем диспуте, который мы вели посредством знаков, не сказав ни полслова друг другу. В недалеком будущем, чтобы люди не думали, будто все это одна насмешка, я изложу в письменной форме то, о чем мы беседовали и что мы установили, а затем напечатаю, дабы каждый, подобно мне, извлек для себя из этого пользу, вы же теперь можете судить, как бы говорил учитель, если даже ученик его оказался способным на такой подвиг, ибо *pop est discipulus super magistrum* { Не бывает ученик выше учителя своего (лат.)}.

Итак, прославим Бога, я же, со своей стороны, покорно благодарю вас за оказанную мне честь. Да не оставит вас Господь своими милостями в жизни вечной!

Пантагрюэль в подобных же выражениях поблагодарил собравшихся и увел Таумаства к себе обедать, и можете мне поверить, что пили они, как пьют все добрые люди в день поминовения усопших -- до расстегивания пуговиц на животе (тогда на животе полагалось быть пуговицам, как в наши дни на воротниках), до того, что друг друга узнать не могли.

Пресвятая Дева, как же они куликали, как же у них бутылки взад-вперед ходили и как же они сами горло драли:

-- Наливай!

-- Подавай!

-- Паж, еще вина!

-- Подливай, черт побери, подливай!

На долю каждого пришлось не менее двадцати пяти -тридцати бочек, и знаете, как они пили? *Sicut terra sine aqua*, оттого что было жарко и вдобавок их донимала жажда.

Что касается положений, выдвинутых Таумаством, а также знаков, коими пользовались диспутанты, то я мог бы вам все это изложить и объяснить на основании их собственных рассказов, но до меня дошел слух, будто, Таумаст написал об этом большую книгу и издал ее в Лондоне и будто он все там осветил, ничего решительно не упустив. Поэтому до времени я воздерживаюсь.

ГЛАВА XXI. О том, как Панург влюбился в даму из высшего парижского общества

Победа на диспуте с англичанином создала Панургу имя в Париже, после чего он оценил по достоинству свой гюльфик и велел вышить его на римский манер. Панургу открыто воздавали хвалу, о нем сложили песню, которую распевали даже мальчишки, когда шли покупать горчицу он стал желанным гостем в обществе дам и девиц, и этот успех до такой степени вскружил ему голову, что он задумал взять верх над одной знатной дамой.

И точно: отказавшись от длинных предисловий и подходов, к коим обыкновенно прибегают довольствующиеся созерцанием вздыхатели, заядлые постники, не притрагивающиеся к мясу, в один прекрасный день он прямо ей объявил:

-- Сударыня! Было бы в высшей степени полезно для государства, приятно для вас, почетно для всего вашего рода, а мне так просто необходимо ваше согласие от меня зачать. А что за мной дело не станет -- в этом вы убедитесь на опыте.

При этих словах дама отскочила от него на сто миль и сказала:

-- Наглец! Как вы смеете обращаться ко мне с подобными предложениями? Да знаете ли вы, с кем разговариваете? Убирайтесь вон! Чтоб духу вашего здесь не было! Если б я вас так не презирала, я бы велела отрубить вам руки и ноги.

-- Я бы ничего не имел против, чтобы мне отрубили руки и ноги, -- заметил Панург, -- при условии, если мы с вами малость повеселимся и поиграем в иголочку с ниточкой. Вот господин Жан Жеди, -- он показал на свой длинный гульфик, -- от его веселого пляса вас самое в жар бросит. Он -- кавалер любезный, научит вас всяким фокусам и премудростям, только уж после его ухода вам придется произвести уборку. На это дама ему сказала:

-- Прочь, наглец, прочь! Еще одно слово -- и я позову слуг и велю избить вас до полусмерти.

-- О нет! -- возразил Панург. -- Это вы на словах такая сердитая, или меня обманывает ваше лицо. Скорее земля вознесется на небо, а небо низринется в преисподнюю и во всей природе произойдет полный переворот, чем в такой красивой и изящной женщине, как вы, найдется хоть капля желчи или же коварства... Впрочем, недаром говорится, что чрезвычайно трудно

Отыскать таких красоток,

Нрав которых был бы кроток.

Но ведь здесь имеется в виду красота грубая. Вы же так ослепительно, так необыкновенно, так божественно красивы, что природа, должно думать, одарила вас подобною красотой как некий образец, желая показать нам, на что она способна, когда захочет обнаружить все свое могущество и умение. Вы -- мед, вы -- сахар, вы -- манна небесная. Это вам должен был присудить Парис золотое яблоко, а не Венере, не Юноне и не Минерве, ибо Юнона никогда не была столь величественна, Минерва -- благоразумна, а Венера -- столь изящна, как вы. О небесные боги и богини! Блажен тот, кому вы позволите обнять эту женщину, поцеловать ее и потереться об нее! И, клянусь Богом, это буду я: я вижу, что она от меня без ума. Мне так наворожили феи, -- я это знаю и следую их предугаданию. Не будем же терять время, -- мой ключик, ваш замочек.

И он хотел было ее облапить, но она сделала вид, что бросается к окну звать соседей на помощь. Тогда Панург поспешил удалиться и, убегая, крикнул:

-- Сударыня! Подождите, не трудитесь звать, я сам за ними сбегаю!

Так он и ушел, не слишком огорченный отказом, и выпил в тот день не меньше обыкновенного.

Наутро, когда знатная дама собиралась к обедне, он был уже в церкви.

Отвесив низкий поклон, он подал ей святой воды, как ни в чем не бывало опустился рядом с ней на колени и сказал:

-- Сударыня! Да будет вам известно, что от любви к вам я потерял способность мочиться и испражняться. Вы не можете себе представить, как это ужасно. Если со мной приключится что-нибудь худое, кто будет виноват?

-- Уходите, уходите, -- сказала дама, -- какое мне до вас дело? Не мешайте мне молиться.

-- Сначала подберите рифму к слову кочет. Напрасно надеяться: кочет... Дальше?

-- Не стану, -- сказала она.

-- На красную девицу вскочит, -- заключил Панург. -- А теперь помолитесь Богу, чтобы Он послал мне то, чего жаждет возвышенная душа ваша, и дайте мне, пожалуйста, ваши четки.

-- Натё, -- сказала она, -- только отвяжитесь.

И она уже готова была снять свои цестриновые четки с крупными золотыми шариками, но в это время Панург проворно выхватил один из своих ножичков и ловко срезал четки,

дабы отнести их потом в лавчонку для скупки краденого.

-- Хотите ножичек? -- спросил он. -- Нет, нет, -отвечала она.

-- А ведь он, было бы вам известно, -- сказал Панург, -в полном вашем распоряжении, со всеми своими принадлежностями, со всеми своими кишками и потрохами.

Дама, однако ж, беспокоилась за свои четки, тем более что в церкви она чувствовала себя без них как без рук. "У этого пустомели, как видно, ветер в голове, -- думала она. -- К тому же еще он чужестранец. Не видать мне больше моих четок. А что скажет муж? Он на меня рассердится. Ну да я ему скажу, что у меня их срезал вор в церкви, и он легко этому поверит, как скоро увидит на поясе обрывок ленты".

После обеда Панург, засунув в рукав большой кошелек с жетонами, отправился к даме и начал прямо с вопроса:

-- Кто из нас двоих сильнее любит: вы меня или я вас?

Она же ему на это ответила:

-- О себе могу сказать, что я к вам ненависти не питаю. Я всех людей люблю, -- так нас учит Господь.

-- А может, вы все-таки в меня влюблены? -- спросил он.

-- Я вам тысячу раз говорила, чтобы вы не смели обращаться ко мне с подобными речами, -- объявила она. -- Если вы еще со мной об этом заговорите, я вам покажу, что значит вести со мной нескромные речи. Подите прочь, но только прежде верните мне четки, а то муж может спросить, где они.

-- Как, сударыня? Вернуть четки? -- воскликнул Панург. -Я вам их не верну, ей-ей не верну, я вам с удовольствием предложу другие взамен. Какие вам больше нравятся? Золотые с эмалью, в виде крупных шаров или же любовных сетей, или массивные, как слитки? Может быть, вам хочется из черного дерева, или же из крупных гиацинтов, из крупных, прекрасно отшлифованных гранатов с шариками чистой бирюзы, или же из прекрасных топазов вперемежку с шариками чистой воды сапфиров, или же из прекрасных рубинов-баласов с крупными бриллиантовыми шариками в двадцать восемь каратов каждый? Нет, нет, это все не то. Я могу вам предложить прекрасные четки из чистой воды изумрудов с шариками из серого янтаря и с крупной персидской жемчужиной величиною с апельсин в виде застежки. Стоят они всего-навсего двадцать пять тысяч дукатов. Я хочу вам их подарить, -- денег у меня хватит.

Все это он говорил, позвякивая жетонами, точно это были экю.

-- А то, может, хотите бархату лилового, атласу вышитого, атласу алого? Не нужно ли вам цепочек, золотых вещей, головных повязок, колец? Вам стоит только сказать. Пятьдесят тысяч дукатов -- это для меня не деньги.

При этих словах у дамы потекли слюнки, но все же она сказала:

-- Нет, благодарю, от вас я ничего не хочу.

-- Ну, а я от вас хочу, истинный Господь, -- сказал он. -- И вам это обойдется бесплатно, вас от этого не убудет. Позвольте вас познакомить, -- он показал на свой длинный гульфик, -- это господин Жан Шуар, ему требуется помещение.

Тут он попытался обнять ее, но она закричала, -- впрочем, не слишком громко.

Тогда Панург с хитрым видом сказал ей:

-- Значит, вы мне так ничего и не дадите? Ну, ладно, шут с вами. Только ни почестей, ни прибыли вы от этого себе не ждите. А что я заставлю вас снюхаться с кобельками -- это уж как Бог свят.

И с этими словами он из боязни побоев, опасаться каковых у него были все основания, пустился бежать без оглядки.

ГЛАВА XXII. О том, как Панург сыграл с парижанкой шутку, отнюдь не послужившую ей к украшению

Надобно вам знать, что на следующий день приходился великий праздник Тела господня, праздник, когда все женщины наряжаются особенно пышно, и в этот-то самый день наша дама надела прелестное платье из алого атласа и мантилью из очень дорогого

белого бархата.

Накануне Панург искал, искал, и, наконец, нашел суку в течке, привязал ее к своему поясу, привел к себе в комнату и весь день и всю ночь отлично кормил. Наутро он ее убил, засим извлек из нее то, о чем толкуют греческие геоманты, разрезал на мельчайшие частицы и, спрятав это снадобье в один из самых глубоких своих карманов, отправился в церковь и стал там, где должна была пройти дама с процессией, положенной в этот день по уставу; как же скоро дама вошла в церковь, Панург предложил ей святой воды и весьма любезно с ней поздоровался, а немного погодя, после того как она прочла краткие молитвы, опустился рядом с ней на скамью и вручил ей написанное на бумаге рондо, ниже воспроизводимое:

РОНДО

На этот раз надеюсь я, что снова
Меня вы не прогоните сурово,
Как в день, когда, не вняв моим мольбам,
Хоть ни делами, ни речами вам
Не причинил я ничего дурного,
Вы не нашли приветливого слова,
Чтоб, облегчая боль отказа злого,
Шепнуть мне; "Друг, нельзя быть вместе нам
На этот раз".
Не скрою я из-за стыда пустого,
Что сердце от тоски сгореть готово
По той, кто краше всех прекрасных дам,
Что хоронить меня придется вам,
Коль не дадите мне вскочить в седло вы
На этот раз.

А пока она раскрывала и читала бумажку, Панург проворно насыпал ей в разные места своего снадобья, преимущественно в складки платья и в сборки на рукавах, и, насыпав, сказал:

-- Сударыня! Бедные влюбленные не всегда бывают счастливы. Что касается меня, то я все же надеюсь, что мои бессонные ночи, когда я проплакал все очи от любви к вам, будут мне зачтены за муки в чистилище. Во всяком случае, молитесь Бога, чтобы он послал мне терпение.

Не успел Панург договорить, как псы, почуяв запах снадобья, которым он обсыпал даму, отовсюду набегали в церковь и бросились прямо к ней. Маленькие и большие, гладкие и худые -- все оказались тут и, выставив свои причиндалы, принялись обнюхивать даму и с разных сторон на нее мочиться. Свет не запомнит такого безобразия!

Панург сперва отгонял их, затем, отвесив даме поклон, прошел в дальний придел и стал наблюдать за этой забавой, а мерзкие псы между тем обсикали даме все платье, один здоровенный борзой кобель ухитрился даже написать ей на голову, другие -- на рукава, третьи -- на спину, четвертые -- на башмаки, дамы же, находившиеся рядом, делали отчаянные усилия, чтобы ее спасти.

Панург, обратясь к одному из знатных парижан, со смехом сказал:

-- Должно быть, у этой дамы течка, а может статься, ее только что покрыл борзой кобель.

Удостоверившись, что псы грызутся из-за дамы, словно из-за суки в течке, Панург пошел за Пантагрюэлем.

Каждому псу, который попадался ему на дороге, он неукоснительно давал пинка и приговаривал:

-- Что ж ты не идешь на свадьбу? Твои товарищи все уже давно там. Скорей, скорей, черт побери, скорей!

Придя домой, он сказал Пантагрюэлю:

-- Государь! К одной даме, первой красавице города, со всех концов набегали кобели и

хотят ее потыкать, -- пойдете посмотрим.

Пантагрюэль охотно согласился и, посмотрев, нашел, что это зрелище очаровательное и доселе не виданное.

Но на этом дело не кончилось: во время процессии даму сопровождало более шестисот тысяч четырнадцати псов, доставлявших ей тьму неприятностей, и, куда бы она ни направлялась, всякий раз набегали еще псы и, следуя за ней по пятам, сикали на то место, которого она касалась своим платьем.

Представление это привлекло множество зрителей, и они не спускали глаз с собак, прыгавших даме на шею и портивших ей роскошный убор, дама же в конце концов порешила спастись бегством и побежала домой, но -- она от собак, а собаки за ней, а слуги давай гоготать!

А когда она вбежала к себе в дом и захлопнула дверь, все собаки, налетевшие сюда издалека, так отделали ее дверь, что из их мочи образовался целый ручей, в котором свободно могли плавать утки, и это и есть тот самый ручей, что и сейчас еще протекает недалеко от Св. Виктора и где Гобелен, пользуясь особыми свойствами собачьей мочи, о коих некогда поставил нас в известность мэтр Орибус, красит материи в пунцовый цвет.

На таком ручье с божьей помощью можно было бы и мельницу поставить, но, конечно, не такую, как Базакльская мельница в Тулузе.

ГЛАВА XXIII. О том, как Пантагрюэль, получив известие, что дипсоды вторглись в страну амавров, выехал из Парижа, и о причине того, почему во Франции такие короткие мили

Малое время спустя Пантагрюэль получил известие, что отец его Гаргантюа унесен феей Морганой в Страну фей, как некогда были унесены Енох и Илия, и что, прослышав об этом, дипсоды перешли границу, опустошили великую страну Утопию и осадили столицу амавров, вследствие чего Пантагрюэль, ни с кем не попрощавшись, покинул Париж, так как дело было срочное, и прибыл в Руан.

Дорогою Пантагрюэль, обратив внимание на то, что во Франции мили гораздо короче, нежели в других странах, спросил Панурга, что служит тому причиной и основанием, Панург же рассказал ему историю, которую приводит Маротус дю Лак, *monachus*, в Деяниях королей Канарийских, а именно:

В древности земли не мерились ни милями, ни милиариями, ни стадиями, ни парасангами, пока наконец король Фарамонд не ввел этого разделения, и вот каким образом: он отобрал в Париже сто красивых и статных молодых людей, неробкого притом десятка, и сто красивых девушек-пикардиек, целую неделю держал их в неге и холе, а затем призвал к себе, каждому из молодых людей дал по девушке, дал денег на расходы и велел идти в разные стороны и там, где они пощекочут своих девиц, класть камень, -- это, мол, и будет миля.

И вот молодые люди и их спутницы начали веселое свое путешествие, а так как делать им было нечего, силы же у них были свежие, то и баловались они на каждой меже, -- вот почему французские мили такие короткие.

Но потом, когда они много прошли и устали как собаки, а масла в лампах поубавилось, они уже не резвились так часто и довольствовались (я говорю о мужчинах) жалким и несчастным разочком в день. Вот откуда в Бретани, в Ландах, в Германии и других более отдаленных странах такие длинные мили.

Существуют и другие предположения, но это мне представляется наиболее правдоподобным. Пантагрюэль был с этим вполне согласен. Из Руана они проследовали в Онфлер, и там Пантагрюэль, Панург, Эпистемон, Эвсфен и Карпалим сели на корабль.

И пока в ожидании попутного ветра они конопатили судно, Пантагрюэль получил от одной парижанки, которую он довольно долго содержал, письмо с таким адресом:

"Имеющему наибольший успех у красавиц и наименее верному из всех отважных П. Н. Т. Г. Р. Л."

ГЛАВА XXIV. Письмо, которое привез Пантагрюэлю посланец одной парижанки, и

объяснение слов, начертанных на золотом кольце

Этот адрес привел Пантагрюэля в крайнее изумление; спросив у посланца, как зовут отправительницу, он распечатал письмо, и единственно, что он там обнаружил, это золотое кольцо с брильянтом. Тогда Пантагрюэль позвал Панурга и показал письмо.

Панург высказал предположение, что на листе бумаги что-то написано, но только весьма хитроумным способом, и слова-де разобрать невозможно.

Дабы узнать, что же это за слова, он поднес лист бумаги к огню на тот случай, если письмо написано раствором нашатыря.

Затем он опустил лист бумаги в воду на тот случай, если письмо написано соком молочая.

Затем он поднес его к свече на тот случай, если письмо написано луковым соком.

Затем он натер его ореховым маслом на тот случай, если письмо написано соком фигового дерева.

Затем он натер его молоком женщины, кормившей свою перворожденную дочь, -- на тот случай, если письмо написано кровью жабы.

Затем он натер один уголок письма пеплом от гнезда ласточки на тот случай, если оно написано соком иудейской вишни.

Затем он натер другой уголок серой из уха на тот случай, если письмо написано желчью ворона.

Затем он вымочил письмо в уксусе на тот случай, если оно написано касторовым маслом.

Затем он смазал его жиром летучей мыши на тот случай, если оно написано китовой спермой, так называемой серой амброй.

Затем он осторожно окунул его в таз с холодной водой и сейчас же вынул -- на тот случай, если оно написано квасцами.

Наконец, так и не добившись толку, он подозвал посланца и спросил:

-- А что, братец, не дала ли тебе дама, которая тебя сюда послала, какой-нибудь палки?

Панург полагал, что здесь кроется та самая хитрость, о которой говорится у Авла Геллия.

-- Нет, сударь, -- отвечал посланец.

Панург хотел было обрить его, чтобы удостовериться, не написала ли дама свое послание особыми чернилами на его выбритой голове, но, увидев, что волосы у посланца предлинные, отказался от этой мысли, решив, что за столь короткий срок они не могли так отрасти. Тогда он обратился к Пантагрюэлю:

-- Клянусь Богом, государь, я не знаю, как тут быть и что мне вам сказать. Дабы увериться, написано что-нибудь на этом листе или нет, я применил некоторые приемы мессера Франческо ди Ньянто, тосканца, у которого есть описание способов чтения тайнописи, я воспользовался тем, что писал по этому поводу Зороастр в Peri grammaton ascriton {"О буквах, кои разобрать невозможно" (греч.) } и Кальфурний Басе в De literis illegibilibus {"О буквах, не поддающихся прочтению" (лат.)}, но ровным счетом ничего не обнаружил и полагаю, что все дело в кольце. Давайте посмотрим.

Рассмотрев кольцо, они обнаружили на внутренней его стороне надпись на еврейском языке:

ЛАМА САВАХФАНИ

Тогда они позвали Эпистемона и спросили, что это значит.

Эпистемон им ответил, что это слова еврейские и означают-де они: "Для чего Ты меня оставил?"

Панург живо смекнул:

-- Я понимаю, в чем дело. Видите этот брильянт? Он фальшивый. Вот вам и объяснение того, что хочет сказать дама:

Неверный! Для чего меня оставил ты?

Пантагрюэль тотчас догадался, -- он вспомнил, что перед отъездом не успел

попрощаться со своей дамой, и это его опечалило; он готов был вернуться в Париж единственно для того, чтобы с ней помириться.

Эпистемон, однако ж, напомнил ему прощание Энея с Дидоной, а также совет Гераклида Тарентского: когда корабль стоит на якоре, а мешкать с отплытием нельзя, то лучше перерезать канат, нежели тратить время на то, чтобы его развязывать, а потому Пантагрюэлю надлежит-де выбросить это из головы и поспешить в родной город, коему угрожает опасность.

И точно: по прошествии часа подул ветер, именуемый норд-норд-вест, корабль на всех парусах вышел в открытое море и несколько дней спустя, миновав Порто-Санто и Мадейру, пристал к Канарским островам.

Выйдя из гавани, наши путешественники прошли мимо Капо-Бланко, Сенегала, Зеленого мыса, Гамбрии, Сагреса, Мелли и мыса Доброй Надежды и остановились в королевстве Мелиндском.

Выйдя оттуда, они уже при северном ветре прошли мимо Медена, Ути, Удема, Геласима, Острова фей и королевства Ахории; в конце концов они прибыли в гавань Утопии, находившуюся на расстоянии трех миль с небольшим от столицы амавров.

Немного отдохнув на суше, Пантагрюэль сказал:

-- Друзья! Город отсюда недалеко. Однако ж, прежде чем идти дальше, давайте обсудим, что нам делать, дабы не уподобиться афинянам, которые сперва действовали, а потом уже совещались. Согласны ли вы жить и умереть со мной?

-- Да, сеньор, -- сказали все, -- можете быть в нас уверены, как в своих собственных пальцах.

-- В таком случае, -- продолжал Пантагрюэль, -- остается только одно обстоятельство, которое смущает меня и тревожит: я не знаю ни расположения, ни численности неприятельских войск, осадивших город. Вот если б я это знал, я бы чувствовал себя увереннее. Давайте же вместе подумаем, как бы нам это узнать.

Все ему дружно ответили:

-- Пошлите нас в разведку, а сами подождите здесь. Мы вам сегодня же доставим точные сведения.

-- Я берусь проникнуть в лагерь врагов, минуя часовых и караулы, -- объявил Панург, -- да еще и попирую и подерусь с ними, так и оставшись неузнанным, осмотрю орудия, палатки военачальников, пущу пыль в глаза солдатам, и никто не догадается, с кем имеет дело. Меня сам черт в дураках не оставит, потому что я веду свое происхождение от Зомира.

-- Я знаю все уловки и все подвиги отважных полководцев и воителей былых времен, все хитрости и тонкости военной науки, -- объявил Эпистемон. -- Я пойду к врагам и если даже буду открыт и разоблачен, то все же сумею от них ускользнуть, да еще нараскажу им про вас все что угодно, и они мне поверят, потому что я веду свое происхождение от Синона.

-- Я перелезу через их окопы, невзирая на караулы и часовых, -- объявил Эвсфен, -- будь они сильны как черт, я все равно переломаю им руки и ноги и пройду по их животам, потому что я веду свое происхождение от Геркулеса.

-- Я проберусь туда, куда одни только птицы залетают, -- объявил Карпалим. -- Тело у меня до того гибкое, что они оглянуться не успеют, а уж я перескочу через окопы и пройду весь их лагерь; я не боюсь ни копья, ни стрелы, ни самого быстрого коня, будь то Пересев Пегас или лошадка Паколе, -- я уйду от них цел и невредим. Я берусь пройти по лугу и по полю, не примяв ни цветка, ни колоска, потому что я веду свое происхождение от амазонки Камиллы.

ГЛАВА XXV. О том, как Панург, Карпалим, Эвсфен и Эпистемон, сподвижники Пантагрюэля, пустившись на хитрости, уничтожили шестьсот шестьдесят рыцарей

Не успел Карпалим это вымолвить, как показалось шестьсот шестьдесят рыцарей, летевших сюда во весь опор на быстрых конях, -- мчались же они так для того, чтобы поскорее узнать, какой это корабль только что вошел в гавань, и чтобы при благоприятных обстоятельствах захватить всю команду.

Тут Пантагрюэль сказал:

-- Друзья, спрячьтесь на корабле! Смотрите: вон мчатся наши враги, но я перебью их всех, как скотину, даже если б их было вдесятеро больше. А вы тем временем прячьтесь и постарайтесь приятно провести время.

Панург же ему на это возразил:

-- Нет, государь, так не годится. Как раз наоборот: идите на корабль вы и возьмите с собой всех остальных, -- я один справлюсь с врагами, только не мешкайте. Идите, идите!

Другие на это сказали:

-- Он прав, государь. Спрячьтесь, а мы поможем Панургу. Вы сейчас увидите, на что мы способны.

Тогда Пантагрюэль сказал:

-- Ну что ж, я согласен, но только если неприятель осилит вас, я приду на выручку.

Панург между тем снял с корабля два длинных каната и, прикрепив их к палубному кабестану, бросил концы на землю, а из концов сделал два круга: один побольше, другой, внутри первого, поменьше.

-- Ступайте на корабль, -- сказал он Эпистемону, -- а когда я подам знак, вы как можно быстрее вертите кабестан и тащите к себе оба каната.

Затем он обратился к Эвсфену и Карпалиму:

-- А вы, друзья, оставайтесь здесь, встретьте неприятеля лицом к лицу, окажите ему беспрекословное повиновение и сделайте вид, что сдаетесь. Смотрите только не заходите в канатные круги, держитесь от них подальше.

Не долго думая, он сбегал на корабль и, схватив пук соломы и бочонок с пушечным порохом, насыпал пороху в канатные круги, а сам с фитилем в руке стал подле них.

Рыцари домчались духом, передние прискакали к самому кораблю, однако ж берег был скользкий, и сорок четыре всадника вместе с конями грянулись оземь. Другие всадники, полагая, что передовые встретили сопротивление, подтянулись. Но тут Панург повел с ними такую речь:

-- Милостивые государи! Вы, как видно, ушиблись. Вы уж нас извините, хотя мы и не виноваты, -- виновата масленистость морской воды, ведь морская вода всегда бывает жирная. Мы сдаемся на милость победителей.

Последние слова повторили за ним два его товарища и Эпистемон, стоявший на палубе.

Панург между тем отошел и, увидев, что враги находятся внутри канатных кругов, а его товарищи, давая дорогу рыцарям, толпой нахлынувшим, чтобы посмотреть на корабль и на мореходов, отошли в сторону, внезапно крикнул Эпистемону:

-- Тяни! Тяни!

В ту же минуту Эпистемон начал вертеть кабестан, вследствие чего оба каната обмотались вокруг коней и легко опрокинули их вместе со всадниками; всадники взялись за мечи и хотели было разрубить канаты, но в это время Панург поджег фитиль, и все они вдруг оказались в огне, словно души, осужденные на вечную муку. Никто не уцелел, ни люди, ни кони, за исключением одного только рыцаря, которого помчал арабский скакун. Карпалим, однако ж, это заметил и с такой быстротою и легкостью пустился за ним в погоню, что тот не успел отъехать на сто шагов, как уже был настигнут; тут Карпалим вскочил на круп его коня, обхватил рыцаря сзади и погнал коня по направлению к кораблю.

Удостоверившись, что неприятель потерпел полное поражение, Пантагрюэль возликовал; он не мог надивиться ловкости своих товарищей, расхвалил их и велел им отдохнуть на бережку, славно закусить на вольном воздухе и в мире и согласии хорошенько выпить вместе с пленником, однако ж бедняга пленник был не вполне уверен, что Пантагрюэль не проглотит его целиком, и точно: глотка у Пантагрюэля была до того широкая, что он проглотил бы его так же легко, как вы -- дробинку, и во рту у него пленник занял бы не больше места, чем зерно проса в пасти осла.

ГЛАВА XXVI. О том, как Пантагрюэлю и его товарищам опротивела солонина и как Карпалим отправился на охоту за дичью

В то время как они угощались, Карпалим сказал:

-- Клянусь чревом святого Обжория, неужто мы так и не отведаем дичинки? От солонины страшно пить хочется. Я вам сейчас принесу окорочок одной из тех лошадок, которых мы сожгли, -- это будет довольно вкусное жаркое.

Только было он приподнялся, как из чащи леса выбежала на опушку большая красивая козуля, по-видимому привлеченная огнем, который здесь развел Панург.

Карпалим, не долго думая, пустился за ней с быстротою арбалетной стрелы и в одну минуту схватил ее; догоняя же козулю, он одновременно поймал на лету руками:

Четырех крупных дроф,

Семь стрепетов,

Двадцать шесть серых куропаток,

Тридцать две красных,

Шестнадцать фазанов,

Девять бекасов,

Девятнадцать цапель,

Тридцать два диких голубя,

а ногами убил;

Штук десять -- двенадцать то ли зайчиков, то ли кроликов, выскочивших из нор,

Восемнадцать "пастушков", ходивших парочками,

Пятнадцать вепрят,

Двух барсуков,

Трех крупных лисиц.

Хватив козулю кривой саблей по голове, он убил ее, взвалил себе на плечи, подобрал зайцев, "пастушков" и вепрят и, приблизившись на такое расстояние, откуда его можно было услышать, крикнул:

-- Панург, дружище! Уксусу, уксусу!

Добрый Пантагрюэль при этом подумал, что Карпалима тошнит, и велел налить ему уксусу. Панург, однако, живо смекнул, что тут пахнет зайчатиной, и точно: мгновение спустя он уже показывал доблестному Пантагрюэлю на отличную козулю, которую Карпалим нес на плечах, и на зайцев, которыми был увешан весь его пояс.

Эпистемон нимало не медля смастерил во имя девяти муз девять деревянных вертелов античного образца, Эвсфен занялся сдиранием шкур, Панург поставил два седла, которые прежде принадлежали рыцарям, таким образом, что из них получилось нечто вроде жаровни, обязанности повара были возложены на пленника, и он изжарил дичь на том же самом огне, в котором сгорели рыцари.

И пошел у них пир горой. Все ели до отвала. Любо-дорого было смотреть, как они лопали.

Наконец Пантагрюэль сказал:

-- Подвязать бы каждому из вас к подбородку по две пары бубенчиков, а мне колокола с пуатьерской, реннской, турецкой и камбрейской звонниц, -- то-то славный концерт закатили бы мы, работая челюстями!

-- Давайте лучше поговорим о деле, -- вмешался Панург, -- о том, как бы нам одолеть врагов.

-- И то правда, -- молвил Пантагрюэль. Тут он обратился к пленнику: -- Друг мой! Скажи нам всю правду, не лги ни в чем, если не хочешь, чтобы мы с тебя с живого содрали шкуру, ибо знай: я глотаю живых детей. Расскажи нам все, что тебе известно о расположении, численности и силах вашего войска.

На это ему пленник ответил так:

-- Узнайте же, государь, всю правду. В нашем войске числится триста на диво громадных великанов в каменных латах, -- впрочем, за вами им все же не угнаться, кроме разве одного, который ими командует, по имени Вурдалак, и которому служат доспехами наковальни циклопов; сто шестьдесят три тысячи пехотинцев, облаченных в панцири из

кожи упырей, -- все люди сильные и храбрые; одиннадцать тысяч четыреста латников, три тысячи шестьсот двойных пушек, осадным же нашим орудиям и счету нет; затем девяносто четыре тысячи подкопщиков и сто пятьдесят тысяч шлюх, красивых, как богини...

-- Вот это я люблю! -- ввернул Панург.

-- Среди них есть амазонки, уроженки Лиона, парижанки, есть из Турени, Анжу, Пуату, есть нормандки, немки, -- коротко говоря, представительницы всех стран и всех наречий.

-- Так, так, -- сказал Пантагрюэль, -- ну, а король тут, с войском?

-- Как же, государь, -- отвечал пленник, -- он сам, своею собственной персоной, находится здесь, и величаем мы его Днархом, королем дипсодов, что значит жаждущие, ибо вам еще не приходилось видеть людей, так сильно жаждущих и так охотно пьющих, как мы, а его палатку охраняют великаны.

-- Довольно, -- сказал Пантагрюэль. -- Ну как, друзья мои, пойдете вы со мною на них?

Панург же ему ответил так:

-- Разрази Господь того, кто вас бросит! Я надумал, как мне перебить их всех, ровно свиней. А чтобы кто-нибудь из них ушел от меня целехонек -- это уж черта с два! Одно меня только смущает...

-- Что же именно? -- осведомился Пантагрюэль.

-- Как бы мне ухитриться за один день перепробовать всех девок и чтобы ни одна не ускользнула, пока я не натешусь ею властью?

-- Ха-ха-ха! -- рассмеялся Пантагрюэль.

А Карпалим сказал:

-- Ишь ты, черт! Я тоже себе парочку облюбую, ей-ей облюбую!

-- А я хуже вас, что ли? -- заговорил Эвсфен. -- Я с самого Руана пощусь, а ведь стрелка-то у меня подсакивала и до десяти и до одиннадцати, и сейчас она еще тугая и твердая, как сто чертей.

-- Вот мы тебе и дадим самых дородных и жирных, -рассудил Панург.

-- Что такое? -- воскликнул Эпистемон. -- Все будут кататься, а я буду осла водить? Какого дурака нашли! Мы будем действовать по закону военного времени: Qui potest capere capiat { Кто может ухватить, пусть хватает (лат.) }.

-- Да нет, зачем же, -- возразил Панург, -- осла привяжи, а сам катайся, как все.

Добрый Пантагрюэль засмеялся и сказал:

-- Вы делите шкуру неубитого медведя. Боюсь, что еще и стемнеть не успеет, а у вас уже пропадет охота строгать, и что на вас самих покатаются пики и копья.

-- Баста! -- воскликнул Эпистемон. -- Я вам их пригоню, а вы уж их жарьте, парьте, делайте из них фрикасе, кладите в начинку. Их меньше, чем было у Ксеркса, ибо его войско насчитывало триста тысяч воинов, если верить Геродоту и Помпею Трогу, а между тем Фемистокл с горсточкой бойцов разгромил Ксеркса. Так не предавайтесь же, Бога ради, унынию!

-- Начхать нам на них! -- сказал Панург. -- Я один своим гульфиком смету с лица земли всех мужчин, а святой Дыркитру, который обитает у меня в гульфике, поскоблит всех женщин.

-- Ну, друзья мои, в поход! -- молвил Пантагрюэль.

ГЛАВА XXVII. О том, как Пантагрюэль воздвиг трофейный столп в память их подвига, а Панург -- другой, в память зайцев, как из ветров Пантагрюэля родились маленькие мужчины, а из его газов -- маленькие женщины, и как Панург сломал на двух стаканах толстую палку

-- Прежде чем мы отсюда уйдем, -- объявил Пантагрюэль, -- я хочу в память подвига, ныне совершенного нами, воздвигнуть здесь изрядный трофейный столп.

Тут все они, взывав духом, с пением деревенских песен поставили высокий столп и к нему привесили седло, конский налобник с плюмажем, стремяна, шпоры, кольчугу, полный набор стальных доспехов, топор, рапиру, железную перчатку, булаву, кольчужные ластовицы, наколенники, ожерелье, -- словом, все приспособления, необходимые для того,

чтобы воздвигнуть триумфальную арку или же трофейный столп.

Затем, дабы увековечить сей подвиг, Пантагрюэль начертал следующую победную песнь:

Здесь храбрецы сражались вчетвером
И, словно Фабий или Сципион,
Смекалкой победив, а не мечом,
Сумели взять противника в полон,
Хоть в налетевший вражий эскадрон
Шестьсот и шестьдесят рубак входило.
Ферзи, туры и пешки всех времен!
Запомните, что ум грозней, чем сила,
Ибо повсеместно
Каждому известно,
Что к победе рать
Лишь Творец небесный
Мудро и чудесно
Властен направлять,
Что верх в бою нам может дать
Лишь Вседержитель бестелесный
И что на Бога уповать
Всегда обязан воин честный.

Пока Пантагрюэль сочинял вышеприведенные стихи, Панург насадил на высокий столп сперва рога, шкуру и переднюю правую ногу козули, потом уши трех зайчат, спинку кролика, челюсти матерого зайца, крылья пары дроф, лапки четырех голубей, склянку с уксусом, рожок, куда они клали соль, деревянный вертел, шпиговальную иглу, старый дырявый котел, соусник, глиняную солонку и бовезский стаканчик.

И в подражание стихотворной надписи на Пантагрюэлевом трофейном столпе он написал следующее:

Здесь четверо пьянчужек, сев кружком,
Сумели нанести такой урон
Бутылкам, флягам, бурдюкам с вином,
Что даже Бахус был бы изумлен;
Был ими жирный заяц поглощен,
Чья плоть им брюхо доверху набила.
Так сильно сдобрен уксусом был он,
Что от восторга рожи им скривило,
Ибо интересно,
Важно и уместно
Объедалам знать,
Что в желудке тесно
От дичины пресной
Тотчас может стать,
Что без вина обед жевать -
Страшней и горше муки крестной,
Что к зайцу уксус не подать -
Всегда для повара нелестно.
Наконец Пантагрюэль сказал:

-- Пора, друзья мои! Загуляли мы с вами, а между тем вряд ли великие чревоугодники способны на ратные подвиги. Нет лучше тени, чем тень от знамени, лучше пара, чем пар от коня, лучше звона, чем звон доспехов.

При этих словах Эпистемон усмехнулся и сказал:

-- Нет лучше тени, чем тень от кухни, лучше пара, чем пар от пирога, и лучше звона,

чем звон чаш.

Панург же на это сказал:

-- Нет лучше тени, чем тень от полога, лучше пара, чем пар от женских грудей, и лучше звона, чем звон мужских доспехов.

С этими словами он встал, пукнул, подпрыгнул, присвистнул, а затем весело и громко крикнул:

-- Да здравствует Пантагрюэль!

Пантагрюэль последовал примеру Панурга, но от звука который он издал, земля задрожала на девять миль в окружности, и вместе с испорченным воздухом из него вышло более пятидесяти трех тысяч маленьких человечков -- карликов и уродцев, а из выпущенных им газов народилось столько же маленьких горбатеньких женщин, каких вы можете встретить всюду: ростом они бывают не выше коровьего хвоста, а в ширину не больше лимузинской репы.

-- Что такое? -- воскликнул Панург. -- Неужто ваши ветры столь плодовиты? Истинный Бог, премилые вышли уродцы и премилые пер..... то бишь горбуны! Надо бы их поженить -- они наплодят слепней.

Пантагрюэль так и сделал: он назвал их пигмеями и отослал жить на ближний остров, и там они с тех пор сильно размножились, однако журавли ведут с ними непрерывную войну, а те храбро защищаются, ибо эти человеческие огрызки (в Шотландии их называют "ручками от скребков") чрезвычайно вспыльчивы. Физическую причину этого должно искать в том, что сердце у них находится около самого заднего прохода.

Тем временем Панург взял два стакана одинаковой величины, доверху наполнил их водой, один стакан поставил на одну скамью, другой, на расстоянии пяти футов, на другую, потом взял копьцо в пять с половиной футов длиной и положил его на стаканы так, чтобы концы копья касались только самых краев.

Затем он взял здоровенный кол и, обратясь к Пантагрюэлю и его сподвижникам, молвил:

-- Посмотрите, господа, как легко достанется нам победа над врагом. Подобно тому как я сломаю копьцо прямо на стаканах, не расколотив их при этом и не разбив, более того: не пролив ни капли воды, так же точно мы проломим головы дипсодам, не будучи сами ранены и вообще без всяких с нашей стороны потерь. А чтобы никто не подумал, что здесь какое-нибудь колдовство, я попрошу вас, -- примолвил он, обратясь к Эвсфену, -- ударить что есть мочи вот этим колом в самую середину.

Эвсфен ударил и расколол копьцо на две совершенно равные части, причем из обоих стаканов не пролилось ни капли воды. Панург же сказал:

-- Я еще и не то умею! Вперед! Нам бояться нечего!

ГЛАВА XXVIII. О том, каким необыкновенным способом Пантагрюэль одержал победу над дипсодами и великанами

После всех этих разговоров Пантагрюэль позвал пленника и тут же отпустил его.

-- Иди в свой лагерь, к своему королю, -- сказал он, -- расскажи обо всем, что ты здесь видел, и предупреди, что завтра в полдень я буду у него пировать, ибо как скоро придут мои галеры, -- а это будет, самое позднее, завтра утром, -- я с помощью миллиона восьмисот тысяч воинов и семи тысяч великанов, -- великаны же эти, все как на подбор, ростом еще выше меня, -- докажу твоему королю, как безрассудно и неразумно он поступил, напав на мою державу.

Что к нему идет морем войско, это он все выдумал. Пленник же ему сказал, что отныне он его верный раб, что он был бы счастлив никогда не возвращаться в свой лагерь и предпочел бы сражаться на стороне Пантагрюэля против своих, если б только Пантагрюэль это ему позволил.

Пантагрюэль, однако ж, не согласился; он велел пленнику немедленно отправляться и идти туда, куда ему было приказано, дал ему баночку с молочаем и зернами красного перца, вымоченными в водке, и велел отнести это королю и сказать, что если король способен

съесть хотя бы унцию этого компота, ничем не запивая, значит он смело может вступить с Пантагрюэлем в единоборство.

Тут пленник, простирая к Пантагрюэлю руки, стал молить, чтобы он пощадил его во время битвы. Пантагрюэль же ему сказал:

-- Передай своему королю то, что я тебе велел, а затем возложи все надежды на Бога, и Он тебя не оставит. Уж на что я могуч, -- сам видишь, -- и рать у меня неисчислимая, а все же я не надеюсь ни на силу, ни на ловкость свою; все мое упование -на Бога, заступника моего, ибо Он никогда не оставит тех, кто все надежды свои и помыслы возносит к Нему.

Услышав такие речи, пленник стал просить Пантагрюэля взять с него умеренный выкуп. Пантагрюэль же на это ответил, что его цель не грабить и не обирать людей, но, напротив, обогащать их и отпускать на свободу.

-- Ступай себе с Богом, -- сказал Пантагрюэль, -- и избегай дурного общества, а то недолго и до беды.

Когда пленник ушел, Пантагрюэль обратился к своим соратникам:

-- Друзья мои! Я наговорил пленнику, что к нам морем движется войско, и дал понять, что нападём мы на них не раньше завтрашнего полудня, -- это я для того, чтобы они, убоявшись великого нашествия, порешили укрепиться и привести весь лагерь в боевую готовность к завтрашнему утру. Между тем истинное мое намерение заключается в том, чтобы напасть на них примерно в первосонье.

Но оставим Пантагрюэля с его апостолами и поговорим о короле Анархе и его войске.

Пленник, прибыв к месту своего назначения, явился к королю и рассказал ему о том, как пришел огромный великан по имени Пантагрюэль, как он разгромил и сжег шестьсот пятьдесят девять рыцарей, и только он один, мол, спасся, дабы уведомить обо всем короля, помянутый же великан приказал передать королю, чтобы завтра в полдень тот ждал его к обеду, ибо великан как раз в это время собирается на него напасть.

Затем пленник вручил королю баночку с вареньем. Но едва король проглотил одну ложечку, в ту же секунду горло ему словно огнем обожгло: на язычке образовался нарыв, а язык облупился, и каких-каких средств ему ни давали, ничто не помогало, он все только пил без конца, а чуть отведет стакан от губ -- язык у него опять горит. Пришлось беспрестанно вливать ему в глотку вино через воронку.

Глядя на него, военачальники, паши и телохранители также решились отведать этого снадобья, -- они желали удостовериться, подлинно ль оно возбуждает такую жажду, но и с ними произошло то же, что с королем. И все они так лихо натянулись, что по всему лагерю прошел слух: кто-то, дескать, возвратился из плена и сказал, что завтра утром надобно ожидать нападения, а по сему, дескать, случаю король и его военачальники готовятся к бою и то и знай опрокидывают да опрокидывают. А за ними и все войско насосалось, нализалось и нарезалось. Словом, перепились до того, что прямо посреди лагеря повалились спать как свиньи.

А теперь возвратимся к доброму Пантагрюэлю и расскажем о том, как он повел себя при сложившихся обстоятельствах.

Покинув то место, где был воздвигнут трофейный столп, Пантагрюэль вместо посоха взял в руку мачту со своего корабля, нагрузил на марс двести тридцать семь бочонков анжуйского белого вина, вывезенного из Руана, привязал к поясу чан с солью, который ему было так же легко нести, как женам ландскнехтов корзиночки с провизией, и вместе со своими сподвижниками тронулся в путь.

Когда они были уже недалеко от вражьего стана, Панург сказал Пантагрюэлю:

-- Хотите, государь, сделать доброе дело? Снимите с марса анжуйское белое и давайте разопьем его по-бретонски.

Пантагрюэль охотно согласился, и они так славно выпили, что во всех двухстах тридцати семи бочонках не осталось ни единой капли, -- только Панург успел наполнить про запас фляжку из турской вываренной кожи (он называл эту фляжку своим *vade tесит* { Иди со мной (лат.)}), да еще осталось на донышке винной гущи для уксуса.

Когда же все они как следует наклюкались, Панург дал Пантагрюэлю какого-то чертова снадобья, составленного из литонтрипона, нефрокатартикона, айвового варенья со шпанскими мушками и прочих мочегонных средств. Наконец Пантагрюэль сказал Карпалиму:

-- Идите в город, взберитесь, как крыса, по стене, -- это вы отлично умеете, -- и скажите горожанам, чтобы они сей же час выступили и как можно скорее ринулись на врага, а затем спуститесь, возьмите горящий факел и подожгите все вражеские палатки и шатры. Затем крикните во весь свой громоподобный голос и пускайтесь наутек.

-- Так, -- заметил Карпалим, -- а что, если я вдобавок заклепаю все их орудия?

-- Нет, нет, -- возразил Пантагрюэль, -- лучше подожгите их пороховые склады.

Карпалим повиновался, немедленно отбыл и в точности исполнил все, что ему приказал Пантагрюэль, после чего из города выступили находившиеся там воины.

Поджигая палатки и шатры, Карпалим до того осторожно шагал по телам спящих, что никто из них не проснулся, -- все по-прежнему храпели и спали крепким сном. Пробравшись к тому месту, где находилась вражеская артиллерия, он поджег все боевые припасы, и это могло для него кончиться дурно. Пламя занялось так быстро, что бедный Карпалим чуть было не сгорел, и, если б не поразительное его проворство, он бы изжарился, как поросенок; все его спасение было в том, что он помчался легче стрелы, пущенной из арбалета.

Миновав окопы, Карпалим так дико закричал, что можно было подумать, будто все черти сорвались с цепи. От его крика проснулись враги, но знаете ли как? Они проснулись такие очумелые, словно их разбудил звон к утрене, -- в Люс сонском краю этот звон называют почеша себе промеж ног.

Тем временем Пантагрюэль стал сыпать из чана соль, а так как враги спали с раскрытыми и разинутыми ртами, то он забил им солью глотки, отчего бедняги заперхали, как бараны, и завопили:

-- Ах, Пантагрюэль, из-за тебя все у нас внутри горит!

Тут Пантагрюэлю неожиданно захотелось помочиться, ибо на него оказало действие Панургово снадобье, и он так обильно оросил и полил лагерь противника, что находившиеся здесь люди все до одного утонули, -- это был самый настоящий потоп, распространившийся на десять миль в окружности, и в истории говорится, что если б тут была еще огромная кобыла Пантагрюэлева отца и столько же напустила, то потоп был бы еще страшнее, чем при Девкалионе, ибо всякий раз, как она мочилась, появлялась река побольше Роны и Дуная.

Увидев это, вышедшие из города сказали:

-- Они умерли лютой смертью. Смотрите, сколько крови!

Однако они ошибались -- при свете пылающих шатров и бледном сиянии луны они приняли мочу Пантагрюэля за кровь врагов.

Враги же, пробудившись и увидев с одной стороны пожар, а с другой наводнение и мочепотоп, не знали, что сказать и на что подумать. Одни говорили, что настал конец света и Страшный суд и что теперь все сгорит, другие -- что их преследуют Нептун, Протей, Тритон и прочие морские божества и что это в самом деле соленая морская вода.

О, кто бы мог теперь рассказать, как Пантагрюэль обошелся с тремьями великанов! О моя Муза, о Каллиопа, о Талия! Вдохнови меня, укрепи мой дух, ибо где мне взять слов для описания этой грозной битвы? Вот он, камень преткновения для логически мыслящего человека, вот она, настоящая-то ловушка, вот она, трудность непреодолимая!

Мне бы теперь бокал лучшего вина, какое когда-либо пили те, что будут читать правдивую эту историю!

ГЛАВА XXIX. О том, как Пантагрюэль сокрушил триста великанов, закованных в каменные латы, и предводителя их Вурдалака

Великаны, видя, что их лагерь затоплен, со всеми предосторожностями вынесли короля Анарха из крепости на своих плечах, подобно тому как Эней вынес отца своего Анхиза из пылающей Трои.

Панург, завидев их, сказал Пантагрюэлю:

-- Глядите, государь, -- великаны идут. Огрейте-ка вы их по старинке, со всего размаху, своею мачтой, -- сейчас самое время выказать доблесть, а мы тоже от вас не отстанем: ручаюсь вам, что я перебью их немало. В самом деле, Давид без особых усилий убил Голиафа, ну, а я-то справился бы с дюжиной таких, как Давид: ведь он тогда еще был маленький за...нец, так неужели же я не разделался бы с дюжиной Давидов? И потом еще этот жирный блудник Эвсфен, -- силы у него, как у четырех быков, он тоже не будет из себя неженку строить. Смелее, бейте их чем ни попадя!

Пантагрюэль же ему сказал:

-- Смелости-то у меня больше, чем на пятьдесят франков, да это еще не все. Сам Геркулес не решался идти против двоих.

-- Изволили в кувшин пукнуть, -- заметил Панург. -Сравнивать себя с Геркулесом! Да у вас в зубах больше силы, а в заднице больше ума, нежели у Геркулеса во всем теле и в душе, ей-Богу! Человек стоит столько, во сколько он сам себя ценит.

Меж тем как они вели этот разговор, приблизился Вурдалак со всеми своими великанами, и как скоро он увидел, что Пантагрюэль один, тот же час возымел дерзновенное и безрассудное намерение убить этого человечешку и сказал своим соратникам-великанам:

-- Эй вы, потаскуны несчастные! Клянусь Магометом, если кто-нибудь из вас вздумает схватиться вот с этим, вы у меня умрете лихою смертью. Дайте мне сразиться с ним одному, а вам зато любопытно будет на нас посмотреть.

Тут все великаны вместе с королем отошли поближе к бутылкам, а Панург и его товарищи последовали их примеру; при этом Панург сделал вид, что болен дурной болезнью; шея и пальцы у него будто бы задергались, и он хриплым голосом заговорил:

-- Мы больше не воюем с вами, друзья, ей-же-ей, не воюем! Позвольте нам подкрепиться вместе с вами, пока будут мериться силами наши главари.

Король и великаны охотно разделили с ними трапезу. За едой Панург стал рассказывать им предания Турпина, сказания о чудесах святителя Николая и сказки Аиста.

Вурдалак между тем вышел на Пантагрюэля с палицей из халибской стали; весила эта стальная палица девять тысяч семьсот квинталов два четвертона и оканчивалась тринадцатью алмазными остриями, из коих самое маленькое равнялось по величине самому большому колоколу Собора Парижской Богоматери, а если и было немножко поуже, то разве на ноготок, или в крайнем случае, чтоб вам сказать -- не соврать, на спинку того ножичка, который называется ухорезом, но уж больше -- ни-ни! И была эта палица заколдована, так что ее никоим образом нельзя было сломать, -- напротив: она сама ломала все, к чему бы ни притронулась.

И вот когда Вурдалак, расвирепев, стал наступать, Пантагрюэль, возведя очи горе, всецело поручил себя воле Божией и дал следующий обет:

-- Господи Боже, избавитель мой и спаситель! Ты видишь мою беду. Меня привело сюда свойственное всем людям рвение, ибо Ты сам заповедал нам охранять и защищать себя, своих жен, детей, отчизну и семью -- все, кроме того, что является Твоим личным делом, дело же это есть вера, ибо в такого рода деле Ты не желаешь иметь никаких Других помощников, кроме католического исповедания и верности Твоему учению, и Ты воспретил нам применять в сем случае какое бы то ни было оружие и какие бы то ни было средства обороны, понеже Ты всемогущ, и когда речь идет о Твоем деле, когда посягают на Твое право. Ты сам себя защищаешь так, что лучше и желать невозможно, -- Ты, кому подвластны тысячи тысяч сотен миллионов ангельских сил, а ведь наименьший из ангелов Твоих способен истребить весь род человеческий и подвинуть небо и землю по Твоему произволению, каковую Твою кару испытал на себе стан Сеннахериба! Если же Тебе будет угодно прийти мне сейчас на помощь, ибо на Тебя одного возлагаю я все упование мое и все надежды, то обещаю Тебе, что во всех землях, как в Утопии, так и в других странах, коими я буду владеть и править, я велю проповедовать Твое святое Евангелие так, чтобы оно доходило во всей своей чистоте, простоте и подлинности, ересь же кучки папистов и лжепророков, отравивших весь мир своими чисто человеческими нововведениями и

извращенными вымыслами, будет у меня искоренена.

Тогда с неба раздался голос: *Nos fac et vinctes*, то есть: "Делай так -- и победишь".

Тут Пантагрюэль, видя, что Вурдалак с разинутой пастью идет на него, бесстрашно ринулся ему навстречу и, полагая, что диким криком он нагонит на него страху, как учили лакедемоняне, заорал во всю мочь:

-- Смерть тебе, паскуднику, смерть!

Вслед за тем из чана, что висел у него за поясом, он высыпал на Вурдалака восемнадцать с лишним бочонков и одну кадку соли, и соль набилась Вурдалаку в рот, в гортань, в нос и в глаза.

Вурдалак, озверев, взмахнул палицей, собираясь раскроить Пантагрюэлю череп. Пантагрюэль, однако ж, был увертлив, глаза его отличались зоркостью, а ноги быстротой. Левою ногою он сделал шаг назад, и удар пришелся не по нему, а по чану, который и раскололся на четыре тысячи восемьдесят шесть кусков, а остаток соли высыпался прямо на землю.

Тут Пантагрюэль, орудуя своей мачтой, как секирой, толстым ее концом кольнул Вурдалака повыше соска и, отведя мачту влево, нанес ему еще режущий удар между шеей и панцирем. Затем, сделав выпад правой ногой, он другим концом мачты ткнул ему в пах; при этом он сломал марс, и из трех, не то из четырех бочек, которые там еще оставались, вылилось вино, при виде коего Вурдалак заключил, что Пантагрюэль проткнул ему мочевого пузырь, ибо вытекшее вино Вурдалак принял за собственную мочу.

Пантагрюэль, однако ж, этим не удовольствовался, -- он хотел было отвести мачту и еще раз ударить, но в это время Вурдалак, подняв палицу, выступил вперед с намерением обрушить ее на Пантагрюэля. И точно: он нанес такой сокрушительный удар, что если б сам Господь не помог доброму Пантагрюэлю, Вурдалак рассек бы его от макушки до селезенки, однако Пантагрюэль успел увернуться: удар пришелся правее, и Вурдалакова палица, врезавшись в высокую скалу, на шестьдесят три с лишним фута ушла в землю, а из скалы поднялся к небу столб пламени, обхватом своим равный девяти тысячам шести бочкам.

Видя, что Вурдалак возится со своею палицею и никак не может вытащить ее из утеса, Пантагрюэль налетел на него и чуть было не снес ему голову напрочь, но, на беду, мачта его дотронулась до рукояти Вурдалаковой палицы, а палица, как известно, была заколдована.

Вследствие этого мачта Пантагрюэля переломилась на расстоянии трех пальцев от того места, за которое он ее держал, Пантагрюэль же с видом литейщика, у которого от колокола остались одни черепки, крикнул:

-- Эй, Панург, где ты?

Услышав крик, Панург обратился к королю и его великанам:

-- Если их не разнять, -- ей-Богу, они друг дружку на смерть уходят!

Великаны, однако ж, веселились, как на свадьбе.

Тут Карпалим двинулся было на выручку своему господину, но один из великанов остановил его:

-- Клянусь Гольфарином, Магометовым племянником: если ты сделаешь еще один шаг, я суну тебя в задник моих штанов вместо свечки. Кстати, у меня запор, и испражняюсь я не иначе, как со скрежетом зубовным.

Пантагрюэль между тем, лишившись своего оружия, схватил обломок мачты и давай охаживать великана, но великану было так же больно, как наковальне, если вы дадите ей щелчка.

Наконец Вурдалак тащил, тащил, да и вытащил палицу и стал замахиваться ею на Пантагрюэля, а Пантагрюэль не стоял на месте -- он ловко увертывался от его ударов; когда же Вурдалак пригрозил ему: "Погоди, злодей, сейчас я из тебя начинку сделаю! Полно тебе насыпать жажду на бедных людей!" - Пантагрюэль с такой силой пхнул его ногой в живот, что Вурдалак грохнулся вверх тормашками, а Пантагрюэль проволока его еще по земле такое расстояние, какое может пролететь пущенная из лука стрела.

У Вурдалака пошла горлом кровь.

-- Магомет! Магомет! Магомет! -- вопил он.

Услышав его крик, все великаны вскочили, однако Панург остановил их:

-- Не ходите, господа! Поверьте мне: наш предводитель сошел с ума и бьет не глядя, куда попало. Вам от него не поздоровится.

Но великаны, видя, что у Пантагрюэля нет больше мачты, не послушались Панурга.

Завидев великанов, Пантагрюэль схватил Вурдалака за ноги и поднял его над головой, словно пику, а так как доспехами Вурдалаку служили наковальни, то, начав им колошматить великанов, одетых в каменные латы, он расколотил их всех, будто каменщик, которому нужно набить побольше щебня, так что ни один из них перед ним не устоял, -- каменные их доспехи ломались с таким ужасающим грохотом, что мне невольно вспомнилось, как в Бурже растаяла на солнце большая Масляная башня св. Стефана.

Панург, Карпалим и Эвсфен тем временем прирезывали валявшихся на земле. Ручаюсь вам, что не уцелел никто. При взгляде на Пантагрюэля можно было подумать, что это косец, который своею косою (сиречь Вурдалаком) косит траву на лугу (сиречь великанов). От такого фехтования Вурдалак приказал долго жить. Произошло это, когда Пантагрюэль хватил им великана по имени Рифландуй, закованного в броню из песчаника, осколок же этой брони начисто снес голову Эпистемону; надобно заметить, что большинство великанов носило более легкие доспехи: кто -из туфа, кто -- из шифера.

Наконец, видя, что все враги перебиты, Пантагрюэль размахнулся что было силы и зашвырнул труп Вурдалака прямо в город, и упал Вурдалак на главную площадь, шлепнулся животом, как лягушка, и придавил обгорелого кота, мокрую кошку, ощипанную утку и взнузданного гуся.

ГЛАВА XXX., повествующая о том, как Панург искусно вылечил Эпистемона, не сносившего своей головы, а равно и о бесах и о душах, осужденных на вечную муку

После окончательного разгрома великанов Пантагрюэль приблизился к тому месту, где стояли бутылки, кликнул Панурга и других, и все предстали перед ним целыми и невредимыми, за исключением Эвсфена, которому один из великанов слегка поцарапал лицо в то время, как Эвсфен перерезал ему горло, и Эпистемона, который вовсе не явился, чем Пантагрюэль был так опечален, что хотел даже наложить на себя руки. Панург, однако ж, ему сказал:

-- Полно, государь, обождите немного, мы поищем его среди мертвецов и посмотрим, как обстоит дело.

Стали искать и наконец нашли: Эпистемон, мертвый, держал в руках свою окровавленную голову. При виде этого Эвсфен воскликнул:

-- О злая смерть! Ты похитила у нас лучшего из людей!

При этих словах Пантагрюэль, загрустив так, как не грустил еще ни один человек на свете, встал и сказал Панургу:

-- Ах, мой друг! Пророчество ваших двух стаканов и копья обмануло нас!

Панург же на это сказал:

-- Не плачьте, друзья! Он еще теплый. Я его вылечу, и он у меня будет таким здоровым, каким никогда не был прежде.

С этими словами Панург взял в руки Эпистемонову голову и, чтобы она не остыла, положил ее себе прямо на гульфик. Эвсфен и Карпалим, не обольщая себя надеждой, что Эпистемон оживет, а единственно для того, чтобы Пантагрюэль на него посмотрел, отнесли его тело туда, где они бражничали. Панург, однако ж, их одобрил:

-- Даю голову на отсечение, что я его вылечу. (Обычный заклад всех сумасбродов!) Довольно слезы лить, лучше помогите-ка мне!

Он тщательно обмыл отличным белым вином сначала шею, потом голову убитого, присыпал их диадермическим порошком, который всюду носил с собой в одном из карманчиков, затем смазал какой-то мазью и, дабы Эпистемон, избави Бог, не стал вертишейкой, -- а таких людей Панург ненавидел смертельной ненавистью, -- приладил голову к туловищу так, что вена прилась к вене, сухожилие к сухожилию, позвонок к

позвонку. Чтобы голова не отвалилась, он сделал стежков пятнадцать -шестнадцать по всей шее и слегка смазал по шву мазью, которую он называл воскресительной.

Вдруг Эпистемон вздохнул, потом открыл глаза, потом зевнул, потом чихнул, потом изо всех сил трахнул.

-- Вот теперь я могу сказать наверное, что он здоров, -объявил Панург и дал Эпистемону стакан забористого белого вина со сладким сухарем.

Так искусно был вылечен Эпистемон; он только хрипел после этого недели три с лишним, да еще привязался к нему сухой кашель, но и кашель в конце концов прошел благодаря возлияниям.

Эпистемон сейчас же заговорил и, сообщив, что видел чертей, запросто беседовал с Люцифером и хорошенько подзакусил в аду, а также в Елисейских полях, решительно объявил, что черти -- славные ребята. Перейдя же к рассказу о грешниках, он выразил сожаление, что Панург слишком рано вернул его к жизни.

-- Мне было весьма любопытно на них поглядеть, -признался он.

-- Да что ты говоришь! -- воскликнул Пантагрюэль. -Обходятся с ними совсем не так плохо, как вы думаете, -продолжал Эпистемон, -- но только в их положении произошла странная перемена: я видел, как Александр Великий чинил старые штаны, -- этим он кое-как зарабатывал себе на хлеб.

Ксеркс торгует на улице горчицей,

Ромул -- солью,

Нума -- гвоздями,

Тарквиний сквалыжничает,

Пизон крестьянствует,

Сулла -- паромщик,

Кир -- скотник,

Фемистокл -- стекольщик,

Эпаминонд -- зеркальщик,

Брут и Кассий -- землемеры,

Демосфен -- винодел,

Цицерон -- истопник,

Фабий нанизывает бусы,

Артаксеркс -- веревочник,

Эней -- мельник,

Ахилл захирел,

Агамемнон стал блюдолизом,

Одиссей -- косец,

Нестор -- рудокоп,

Дарий -- золотарь,

Анк Марций -- конопатчик,

Камилл тачает башмаки на деревянной подошве,

Марцелл шелушит бобы,

Друз щелкает миндальные орехи,

Сципион Африканский, в одном сапоге, торгует на улице винной гущей,

Газдрубал -- фонарями,

Ганнибал -- яйцами,

Приам -- тряпичник,

Ланселот, Рыцарь Озера, сдирает шкуры с павших лошадей,

Все рыцари Круглого стола -- жалкие поденщики, служат гребцами на переправах через Коцит, Флегетон, Стикс, Ахерон и Лету и катают господ чертей: словом, они вроде лионских лодочников или же венецианских гондольеров, с той только разницей, что за перевоз они получают щелчок по носу, а вечером -- заплесневелую краюху хлеба,

Траян ловит лягушек,

Антонин -- лакей,
Коммод мастерит разные вещицы из гагата,
Пертинакс щелкает лесные орехи,
Лукулл -- повар,
Юстиниан -- игрушечник,
Гектор -- кухонный мужик,
Парис -- голодранец,
Ахилл убирает сено,
Камбиз -- погонщик мулов,
Артаксеркс -- лудильщик,
Нерон -- скрипач, а Фьерабрас у него слугой и всячески ему досаждают: кормит плохим хлебом, поит прокисшим вином, а себе забирает все самое лучшее,
Юлий Цезарь и Помпей смолят суда,
Валентин и Орсон служат при адских банях и накладывают дамам на лицо маски,
Гинглен и Говен ходят за свиньями,
Жофруа Большой Зуб торгует огнивами,
Готфрид Бульонский -- резчик по дереву,
Ясон -- звонарь,
Дон Педро Кастильский торгует мелкими реликвиями,
Моргант -- пивовар,
Гюон Бордоский -- бочар,
Пирр -- судомой,
Антиох -- трубочист,
Ромул чинит дешевую обувь,
Октавиан скоблит пергамент,
Нерва -- конюх,
Папа Юлий торгует с лотка пирожками и уже не носит своей длинной бородачи,
Жан Парижский чистит башмачки,
Артур Бретонский выводит пятна на шляпах,
Персфоре -- носильщик,
Папа Бонифаций Восьмой торгует тесьмой,
Папа Николай Третий продает бумагу,
Папа Александр -- крысолов,
Папа Сикст лечит от дурной болезни.
-- Что такое? -- спросил Пантагрюэль. -- Там тоже болеют дурной болезнью?
-- Разумеется, -- отвечал Эпистемон. -- Такой массы венериков я еще нигде не видал.
Их там сто с лишним миллионов, потому, видите ли, что у кого не было дурной болезни на этом свете, тот должен переболеть ею в мире ином.
-- Стало быть, меня это, слава Богу, не касается, -вставил Панург, -- я уж через все стадии прошел.
-- Ожье Датчанин торгует сбруей,
Царь Тигран -- кровельщик,
Гальен Восстановитель -- кротолов,
Четверо сыновей Эмона -- зубодеры,
Папа Каликст бреет непотребные места,
Папа Урбин -- приживал,
Мелюзина -- судомойка,
Матабрюна -- прачка,
Клеопатра торгует луком,
Елена пристраивает горничных,
Семирамида ловит вшей у бродяг,
Дидона торгует ивишнями,

Пенфесиля -- кресс-салатом,
Лукреция -- хозяйка постоянного двора,
Гортензия -- пряха,
Ливия изготавливает ярь-медянку.

Таким образом, те, что были важными господами на этом свете, терпят нужду и влачат жалкое и унижительное существование на том. И наоборот: философы и все те, кто на этом свете бедствовал, стали на том свете важными господами.

Я видел, как Диоген, в пурпуровой тоге и со скипетром в правой руке, своим великолепием пускал пыль в глаза Александру Великому и колотил его палкой за то, что тот плохо вычинил ему штаны.

Я видел Эпиктета, одетого со вкусом, по французской моде: под купой дерев он развлекался с компанией девиц -- пил, танцевал, закатывал пиры по всякому поводу, а возле него лежала груда экю с изображением солнца. Над виноградной беседкой были написаны в качестве его девиза следующие стихи:

Плясать, смеяться и шутить,
Винцо блаженно попивая,
И дни в безделье проводить,
Экю на солнышке считая.

Увидев меня, он любезно предложил мне выпить, я охотно согласился, и мы с ним хлопнули по-богословски. Тут к нему подошел Кир и попросил, ради Меркурия, один денье на покупку лука, а то, мол, ему нечем поужинать.

"Нет, нет, я денье не подаю, -- сказал Эпиктет. -- На вот тебе, мошенник, экю и стань наконец порядочным человеком".

Обрадовался Кир такому богатому улову, однако ж всякое прочее жулье, которое там околачивается, как, например, Александр Великий, Дарий и другие, ночью обчистили его.

Я видел, как Патлен, казначей Радаманта, приценивался к пирожкам, которыми торговал папа Юлий.

"Почем десяток?" -- спросил Патлен.

"Три бланка", -- отвечал папа.

"Не хочешь ли три удара палкой? -- сказал Патлен. -- Давай сюда пирожки, негодяй, а сам ступай за другими".

Бедный папа заплакал и пошел. Он сказал своему хозяину-пирожнику, что у него отняли пирожки, а тот отхлестал его так, что кожа его не годилась потом даже на волынку.

Я видел, как мэтр Жан Лемер, изображая папу, заставлял всех бывших королей и пап целовать ему ногу, затем важно, по-кошачьи выгибая спину, благословлял их и приговаривал:

"Покупайте индульгенции, бестии вы такие, покупайте, благо дешевы! Разрешаю вас от вин и гренов, то бишь от вин и грехов, и позволяю вам оставаться никчемными людьми до конца дней".

Затем он подозвал Кайета с Трибуле и сказал:

"Господа кардиналы! Дайте им скорей по булле, -- каждому стукните разочек колом по задней части!"

Что и было исполнено незамедлительно.

Я слышал, как мэтр Франсуа Виллон спрашивал Ксеркса:

"Почем горчица?"

"Один денье", -- отвечал Ксеркс.

Виллон же ему на это сказал:

"Лихорадка тебе в бок, негодяй! Здесь таких цен нет. Ты нам тут вздуваешь цены на продовольствие".

И с этими словами он пустил струю ему в кадку, как это делают торговцы горчицей в Париже.

Я видел вольного стрелка из Баньоле -- он инквизитор по делам еретиков. Однажды он

застал Персфоре за таким занятием: Персфоре мочился у стены, на которой был намалеван антонов огонь. Стрелок объявил его еретиком и совсем уже было собрался сжечь его, однако Моргант вместо полагавшегося стрелку proficial'a и прочих мелких доходов подарил ему девять бочек пива.

Тут вмешался Пантагрюэль:

-- Ну, все эти забавные истории ты расскажешь в другой раз. А теперь нам вот что любопытно знать: как там обходятся с ростовщиками?

-- Я видел, как все они копались в грязи и собирали ржавые булавки и старые гвозди, -- отвечал Эпистемон, --точь-в-точь как здесь у нас, на земле, разные оборванцы, но за квинтал этой дребедени дают не больше ломтя хлеба, да и вообще там торговля плохая. Оттого у них, у горемык, иной раз по три недели, а то и больше, крошки хлеба во рту не бывает, а работают они с утра до ночи и все надеются, что будет и на их улице праздник. И неутомимы же они, окаянные: с затратой сил не считаются, о своем бедственном положении забывают, только бы им заработать к концу года несколько несчастных денье.

-- Ну, а теперь давайте есть и пить, -- сказал Пантагрюэль. -- Прошу вас, друзья мои, -- нам предстоит кутить весь этот месяц.

Тут они выставили целый строй бутылок и из походных запасов устроили пир, однако ж бедный король Анарх так и не повеселел, по поводу чего Панург заметил:

-- А какому ремеслу обучим мы господина короля здесь?

К тому времени, когда ему нужно будет отправиться на тот свет, ко всем чертям, он уж должен хорошенько набить руку.

-- Твоя правда, -- рассудил Пантагрюэль. -- Делай с ним что хочешь, дарю его тебе.

-- Покорно благодарю, -- молвил Панург. -- Я ни от каких подарков не отказываюсь, а уж от ваших и говорить нечего.

ГЛАВА XXXI. О том, как Пантагрюэль вступил в столицу амавров, как Панург женил короля Анарха и сделал его продавцом зеленого соуса

После этой чудесной победы Пантагрюэль послал Карпалима в столицу амавров оповестить жителей о том, что король Анарх попал в плен и что все враги разбиты. Получив это известие, все жители в совершенном восторге, соблюдая строжайший порядок и с приличествующей такому триумфу торжественностью, вышли навстречу Пантагрюэлю и ввели его в город, а в городе по случаю радостного события всюду были зажжены огни и расставлены на улицах круглые столы, ломившиеся от яств. Казалось, что вернулись времена Сатурна, -- такое было устроено великое торжество.

Пантагрюэль, однако ж, объявил собравшимся:

-- Господа! Нужно ковать железо, пока горячо. Поэтому, пока нас еще не развезло, я хочу взять с налета все королевство дипсодов. Выступить в поход я намерен завтра после попойки, так вот пусть все желающие идти со мной к этому времени будут готовы. Для того чтобы завоевать страну, мне больше людей не требуется, я вполне обойдусь своими силами, но я вижу, что город ваш переполнен, на улицах повернуться негде. Вот я и хочу переселить желающих в качестве колонистов в Дипсодию и подарить им всю эту страну, а земля там плодородная, воздух целебный, местность красивая: другого такого благодатного края на всем свете не сыщешь, -- кто из вас там был, тот может подтвердить.

Слух об этом волеизъявлении и решении облетел весь город, и на другое утро на дворцовой площади собрались миллион восемьсот пятьдесят шесть тысяч одиннадцать человек, не считая женщин и детей. И все двинулись прямо на Дипсодию в таком отменном порядке, что их можно было сравнить с сынами Израилевыми, когда те, выйдя из Египта, переходили через Чермное море.

Однако, прежде чем описать этот поход, я хочу рассказать вам о том, как Панург обошелся со своим пленником, королем Анархом. Панург вспомнил, что сообщил Эпистемон касательно того, как в Елисейских полях обходятся с бывшими царями и богачами и как бывшие цари и богачи зарабатывают себе на кусок хлеба каким-нибудь низким и постыдным ремеслом.

На этом основании Панург в один прекрасный день надел на короля полотняный голубой камзол в знак того, что король ой как глуп и зол! и морского фасона штаны, обуви же ему не дал, чтобы не портить, как он сказал, вида, а еще он надел на короля синюю шапочку с большим каплуным пером, -- нет, виноват: сколько я помню, не с одним, а с двумя перьями, -- и синий, с зелеными полосками, пояс.

Вырядив короля таким образом, Панург привел его к Пантагрюэлю и спросил:

-- Знаком вам этот пентюх?

-- Вовсе не знаком, -- отвечал Пантагрюэль.

-- Перед вами первостатейный король. Я хочу сделать из него порядочного человека. Эти чертовы короли здесь у нас, на земле, -- сущие ослы: ничего-то они не знают, ни на что не годны, только и умеют, что причинять зло несчастным подданным да ради своей беззаконной и мерзкой прихоти будоражить весь мир войнами. Я хочу приспособить его к делу -- научу его торговать зеленым соусом. А ну, кричи: "Кому соусу зеленого?"

Бедняга прокричал.

-- Низко взял, -- заметил Панург и, схватив короля за ухо, принялся наставлять его: -- Бери выше: соль-ре-до! Так, так! Недурная, черт побери, глотка! Право, только теперь, когда ты перестал быть королем, для тебя начнется счастливая жизнь.

Пантагрюэлю это доставило большое удовольствие, ибо, смею вас уверить, он был добрейшей души человек. Так вышел из Анарха хороший продавец зеленого соуса.

Два дня спустя Панург женил его на старой шлюхе и принял на себя свадебные расходы, а угощение свадебное состояло из бараньих голов, жареной свинины с горчицей и потрохов с чесноком, причем пять возов этой снеди Панург послал Пантагрюэлю, и тот съел все, -- так это ему понравилось, а из вин там были грушевая и рябиновая наливки; танцевали же на свадьбе под скрипку, на которой играл нанятый Панургом слепой музыкант.

После обеда Панург привел молодоженов во дворец, представил их Пантагрюэлю и, указывая на новобрачную, объявил:

-- Вот эта уже не будет трещать.

-- Отчего? -- осведомился Пантагрюэль.

-- Потому что она славно наколота, -- отвечал Панург.

-- Что это значит? -- спросил Пантагрюэль.

-- Разве вы не знаете, -- продолжал Панург, -- что если каштаны -- цельные, то, когда их жарят, они трещат, как сумасшедшие, а чтобы они не трескали, их накалывают? Наша новобрачная тоже славно наколота снизу, вот почему она никогда уже не будет трещать.

Пантагрюэль подарил молодоженам домишко в глухом переулке да еще каменную ступку для приготовления соуса. И зажили они своим домком, а из Анарха получился один из самых бойких продавцов зеленого соуса, каких только знала Утопия. Впрочем, впоследствии до меня дошел слух, что жена колотит его смертным боем, а бедный муж до того глуп, что даже постоять за себя не умеет.

ГЛАВА XXXII. О том, как Пантагрюэль накрыл языком целое войско и о том, что автор увидел у него во рту

Когда Пантагрюэль со своей ратью вступил в землю дипсодскую, дипсоды обрадовались и поспешили сдать; они добровольно передавали ему ключи от всех городов, к которым он подступал. Одни лишь альмироды заупрямились и ответили Пантагрюэлевым герольдам, что они сдадутся только на самых выгодных для них условиях.

-- Каких им еще условий нужно? -- воскликнул Пантагрюэль. -- Ведь нам оставалось только распить мировую. Вперед! Разорить их, когда так!

Был отдан приказ наступать, и войско построилось. По дороге в открытом поле их, однако ж, застал проливной дождь, и тут все затряслись от холода и стали жаться друг к другу. Тогда Пантагрюэль велел объявить через военачальников, что это пустяки: ему видно, дескать, что происходит над облаками, и он утверждает, что выпадет всего лишь роса, да и то не обильная, на всякий же, мол, случай пусть войско выстроится, и он его накроет. Тут все построились сомкнутыми колоннами, Пантагрюэль высунул язык только наполовину и

накрыл всех, как насадка цыплят.

Тем временем я, рассказчик правдивых этих истории, укрылся под листом лопуха, не менее широким, чем арка Мантрибльского моста. Когда же я увидел, как хорошо они защищены, я было направился к ним под прикрытие, но их там набилось, как сельдей в бочке, и втиснуться мне не удалось. Тогда я постарался залезть как можно выше и, пройдя добрых две мили по языку, в конце концов забрался в рот.

Но, боги и богини, что я там увидел! Да поразит меня Юпитер громовержущим своим трезубцем, если я вру! Я ходил там, как по св. Софии в Константинополе, и видел скалы, высокие, как горы в Дании, -- по-видимому, это зубы, -- обширные луга, дремучие леса и большие укрепленные города, вроде нашего Лиона или Пуатье.

Первый, кого я там встретил, был один добрый человек, сажавший капусту. Я очень удивился и спросил:

-- Что ты, братец, делаешь?

-- Сажаю капусту, -- отвечал он.

-- Чего ради? -- спросил я.

-- Ах, сударь! -- отвечал он. -- Не всем же быть богатыми, -- всем сытым быть, так и хлеба не станет. Это мой заработок, я ношу капусту на рынок вон в тот город, что сзади.

-- Господи Иисусе! -- воскликнул я. -- Да здесь целый новый свет!

-- Нисколько он не новый, -- возразил он, -- а вот говорят, что где-то неподалеку есть новая земля, с солнцем и с луной, и что на ней творятся славные дела, однако наш свет древнее.

-- Отлично, братец, -- сказал я, -- а как же называется город, куда ты носишь продавать капусту?

-- Город называется Асфараг, -- отвечал он, -- живут там христиане, люди хорошие, они вас накормят и напоят.

Коротко говоря, я порешил туда сходить.

Дорогой я повстречал малого, ловившего голубей, и спросил его:

-- Откуда здесь голуби, братец?

-- С другого света, сударь, -- отвечал он.

Тут я себе представил, что, когда Пантагрюэль зевает, голуби, приняв его глотку за голубятню, тучами влетают туда.

Затем я вошел в город, и он показался мне красивым и хорошо укрепленным, а местность -- здоровой, но, к великому моему удивлению, стража у ворот потребовала у меня свидетельство о состоянии здоровья.

Да что у вас тут, чума свирепствует, господа? -- спросил я.

-- Ах, сеньор! -- отвечали они. -- В наших краях умирает столько народа, что телеги не успевают свозить мертвые тела.

-- Боже правый! -- воскликнул я. -- Да где же это?

Оказалось, что это в Ларинге и в Фаринге, двух больших богатых торговых городах вроде Руана и Нанта, рассадником же чумы являются зловонные и заразные испарения, кои с некоторых пор стали подниматься из пропастей, отчего за одну неделю умерли два миллиона двести шестьдесят тысяч шестнадцать с чем-то человек.

Я призадумался, пораскинул умом и догадался, что зловоние это исходит из Пантагрюэлева желудка, оттого что он, как было сказано выше, наелся мяса с чесноком.

Далее путь мой лежал среди скалистых гор, и на одну из них я взобрался и нашел, что это самое красивое место в мире: я увидел прекрасные манежи для игры в мяч, галереи, луга, обширные виноградники и множество домиков в итальянском вкусе, раскиданных среди прелестных полей, и тут я провел месяца четыре, и нигде еще не ел я так сытно, как здесь.

Затем, пробираясь к нижней губе, я стал спускаться по коренным зубам, но по дороге в большом лесу, тянувшемся до самых ушей, меня ограбили разбойники.

Далее я набрел на село, прилепившееся к горному склону, -- вот только я забыл его название; нигде я так хорошо не питался, как здесь, да еще и денег немного заработал. И

знаете чем? Спать. Здесь нанимают людей спать, платят им по деньгу, и заработать этим можно не меньше пяти-шести су в день, те же, кто особенно громко храпит, зарабатывают до семи с половиной су. Я рассказал сенаторам, как меня обчистили, и они мне сказали, что по ту сторону в самом деле живут разбойники и лиходеи, из чего я вывел заключение, что как у нас говорят: "по эту сторону гор", "по ту сторону гор", так здесь существует "эта" и "та" сторона зубов, и на "этой" стороне гораздо привольнее, и воздух здесь лучше.

Тут я понял, сколь правы те, которые говорят, что одна половина человеческого рода не знает, как живет другая: ведь никто еще не описал этих краев, а между тем здесь более двадцати пяти населенных королевств, не считая пустынь и большого пролива; впоследствии я все-таки написал объемистую книгу под заглавием История горланов, назвал же я местных жителей так потому, что живут они в горле у моего повелителя Пантагрюэля.

В конце концов мне захотелось обратно, и, спустившись по его бороде, я спрыгнул к нему на плечи, оттуда скатился наземь и упал к его ногам.

-- Откуда ты, Алькофрибас? -- заметив меня, спросил он.

-- Из вашей глотки, государь, -- отвечал я.

-- Сколько же времени ты там пробыл? -- спросил он.

-- Я находился там с того времени, как вы пошли на альмиродов, -- отвечал я.

-- Значит, больше полугода, -- сказал он. -- Что же ты пил? Чем питался?

-- Тем же, что и вы, государь, -- отвечал я. -- Я брал пошину с самых лакомых кусков, проходивших через вашу глотку.

-- Ну, а куда же девалось твое г....? -- спросил он.

-- В глотку к вам, государь, поступало оно, -- отвечал я.

-- Ха-ха-ха! Шутник же ты, я вижу! -- молвил Пантагрюэль. -- А мы тут с Божьей помощью завоевали всю землю дипсодскую. Тебе я жалую кастелянство Рагу.

-- Весьма признателен, государь. -- сказал я. -- Я ничем не заслужил такой милости.

ГЛАВА XXXIII. О том, как Пантагрюэль занемог и как он излечился

Малое время спустя добрый Пантагрюэль заболел: у него схватило живот, и он не мог ни пить, ни есть, а так как беда не приходит одна, то у него еще появилась горячая моча, и вы себе не представляете, что это была за мука, однако всевозможные слабительные и мочегонные, которые применялись врачами, очень ему помогли: он помочился, и боль отпустила.

Моча у него была такая горячая, что и по сию пору еще не остыла, и там, где она протекала, в разных местах образовались так называемые горячие источники, а именно:

Во Франции:

В Котре, В Баларюке,

В Лимонсе, В Нери,

В Даксе, В Бурбон-Ланси и др.

В Италии:

В Монте-Гротто, В Сант-Элена,

В Абано, В Казанова,

В Сан-Пьетро-ди-Падуа, В Сан-Бартоломео.

В графстве Болонском:

В Порретте

и во многих других местах.

К великому моему изумлению, множество шальных философов и лекарей тратит время на споры, что придает вышеперечисленным источникам теплоту: бура, или же сера, или же квасцы, или же рудниковая селитра, и городят при этом всякий вздор, а между тем уж лучше бы они зады себе чесали, а не языки, и не теряли попусту время на споры о том происхождение чего им неведомо, тогда как дело объясняется весьма просто, и раздумывать тут нечего: вышеназванные источники горячи оттого, что своим возникновением они обязаны горячей моче доброго Пантагрюэля.

Итак, да будет вам известно, что от основной своей болезни он излечился вот каким

образом. Для того только чтобы очистить желудок, он принял:

четыре квинтала колофонской скаммонии,
сто тридцать восемь возов кассии,
одиннадцать тысяч девятьсот фунтов ревеня,
не считая всяких прочих снадобий.

Надобно вам знать, что, по совету врачей, решено было очистить ему желудок от всего, что причиняло боль. Того ради было изготовлено шестнадцать больших медных шаров, побольше того, что украшает памятник Вергилию в Риме, с дверцами на пружине, которые открывались и закрывались изнутри.

В один из этих шаров вошел человек с фонарем и горящим факелом, и Пантагрюэль проглотил его, как пилюльку.

В пять других шаров вошли, неся на плечах заступы, пять молодцов.

В три других шара вошли, неся на плечах лопаты, три мужика.

В семь остальных шаров вошли, неся на плечах кошелки, корзинщики, и все они были проглочены, как пилюли.

Очутившись в желудке, они открыли дверцы и вышли из своих клетушек: сначала человек с фонарем, потом все остальные; оказалось, что они находятся на глубине страшной полуторамильной пропасти, еще более зловонной и заразной, чем Мефита, болота Камарины и зловонное Сорбоннское озеро, которое описывает Страбон, так что если б они перед спуском не приняли средств, укрепляющих сердце, желудок и кувшин для вина (как обыкновенно называют башку), то непременно задохнулись бы и умерли от этих ужасных испарений. Вот бы такими ароматами и благовониями осмердить полумаски юных наших прелестниц!

Бредя ощупью и принохиваясь, путники приблизились к калу и разложившимся мокротам: то была целая гора нечистот. Золотари принялись подрывать ее, а другие лопатами накладывали нечистоты в плетушки; когда же все было вычищено, путники разошлись по своим шарам. Вслед за тем Пантагрюэль постарался отдать назад и без труда извергнул их, ибо в его глотке они занимали не больше места, чем в вашей -- легонькая отрыжка, и они весело вышли вон, что напомнило мне, как греки вышли из троянского коня. И вот благодаря этому Пантагрюэль излечился и поправился.

А одну из этих медных пилюль вы и сейчас еще можете видеть в Орлеане на колокольне церкви Креста Господня.

ГЛАВА XXXIV. Заключение с извинениями автора

Итак, господа, вы прослушали начало ужасающей истории моего государя и повелителя Пантагрюэля. На сем я оканчиваю эту первую о нем книгу, -- у меня немножко голова болит, от винного сока клапаны в мозгу плоховато действуют.

Конец истории вы получите к ближайшей Франкфуртской ярмарке и тогда узнаете, как Панург женился и как ему в первый же месяц после свадьбы наставили рога; как Пантагрюэль открыл философский камень и каким образом следует его находить и как им пользоваться; как Пантагрюэль перевалил горы Каспийские; как он плавал в Атлантическом море, как одолел каннибалов и завоевал Жемчужные острова; как он женился на дочери царя индийского, именуемого пресвитером Иоанном; как он воевал с бесами, спалил пять палат адских, разграбил главную адскую палату, бросил Прозерпину в огонь, выбил Люциферу четыре зуба и сломал рог у него на задку; как он совершил путешествие на луну, дабы удостовериться, подлинно ли луна ущербна и правда ли, что три ее четверти находятся в голове у женщин, а также вашему вниманию будет предложено множество других вполне правдоподобных и веселых приключений. Это прекрасные евангельские тексты на французском языке.

До свиданья, милостивые государи, *pardonnante my* { Простите меня (итал.)} и не придавайте особого значения моим промахам, ибо, уж, верно, вы не придаете значения своим собственным.

Если вы мне скажете: "Почтеннейший автор! Должно полагать, вы не весьма умный

человек, коль скоро предлагаете нашему вниманию потешные эти враки и нелепицы", то я вам отвечу, что вы умны как раз настолько, чтобы получать от них удовольствие.

Как бы то ни было, вы, читающие их ради приятного времяпрепровождения, и я, для препровождения времени их писавший, мы в большей мере заслуживаем снисхождения, нежели орава фарисеев, ханжей, притворщиков, лицемеров, святош -пьяных рож, тайных бабников и похабников, а равно и представителей всех прочих сект, надевающих на себя всевозможные личины, чтобы обманывать людей.

Уверяя народ, что они все только, мол, созерцают да молятся, постятся да умерщвляют плоть, а ежели что и вкушают, так единственно для того, чтобы поддержать бранный свой состав, -- на самом деле они Бог знает как обжираются,

Et Curios simulant, sed bacchanalia vivunt

{ И те, что себя выдают за Куриев, на самом деле -вакханты (лат.)}.

Все это крупными и четкими буквами написано на их красных мордах и толстенных брюхах, как бы они там ни окуривались серой.

Умственные же их занятия состоят лишь из чтения пантагрюэлических книг, однако читают они их не столько для того, чтобы весело провести время, сколько для того, чтобы кому-нибудь напакостить исподтишка; все они -- вертишейки, подслушейки, подглядзуны, бл..уны, беспослушники, сиречь наушники, вот она, их ученость. Этим они напоминают тех голодранцев, которые в пору созревания вишен роются и копаются в детском дерьме и найденные косточки продаю аптекарям, изготавливающим махалевое масло.

Бегите от них, относитесь к ним с презрением и омерзением, как отношусь к ним я, и если желаете быть добрыми пантагрюэлистами, то есть жить в мире, в радости, в добром здравии, пить да гулять, то соглядатаям не доверяйте.

Конец хроники Пантагрюэля, короля дипсодов,
показанного в его настоящим виде,
со всеми его ужасающими деяниями и подвигами,
сочиненными покойным магистром Алькофрибасом,
извлекателем квинтэссенции